

Кант в мировой духовной культуре

И. Д. Коцев

КАНТ И ЛИНГВИСТИКА
ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Монография

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
2014

УДК 1
ББК 87
К658

Серия основана в 2012 году

Рецензент

З. Л. Новоженова — доктор филологических наук,
профессор кафедры восточнославянских языков и переводоведения
Института восточнославянской филологии Гданьского университета

Копцев, И. Д.

К658 Кант и лингвистика философского дискурса : монография / И. Д. Копцев. — Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2014. — 211 с. — (Кант в мировой духовной культуре).

ISBN 978-5-9971-0324-8

Монография посвящена лингвистическому аспекту исследования текстов И. Канта. В ней на материале главным образом «Критики чистого разума» с позиций современной лингвистики текста и теории речевых актов анализируются синтаксические, семантические и прагматические особенности построения философского дискурса И. Канта. При этом текст «Критики...» рассматривается как глобальный речевой макроакт, что позволяет вскрыть такие закономерности его построения, которые не видны на тексте меньшего размера.

Предназначена прежде всего для философов и лингвистов, занимающихся исследованием творчества И. Канта и построением специального (философского) текста.

УДК 1
ББК 87

ISBN 978-5-9971-0324-8

© Копцев И. Д., 2014
© БФУ им. И. Канта, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. И. Кант: язык, мышление, дискурс a priori	9
1. Из истории лингвистического и литературоведческого исследования текстов И. Канта	9
2. Кант и дискурс эпохи Просвещения.....	14
3. Кант и проблемы языка в его философии. Опыт реконструкции	20
Глава II. Вопросы синтактики философского дискурса И. Канта	43
1. Дискурс Канта как глобальное текстовое суждение a priori	43
2. Субъектно-речевая структура философского дискурса И. Канта как фактор текстуальности	55
3. Умозаключения рассудка и разума как факторы текстуальности дискурса И. Канта.....	67
Глава III. Вопросы семантики философского дискурса И. Канта	85
1. Философский текст И. Канта как аргументативный дискурс	85
2. Экспозитивный дискурс И. Канта как речевая форма введения и перекалфикации терминов в тезаурусе адресата.....	101
3. Проблемы логоса и лексиса терминологии И. Канта в «Критике чистого разума»	118
4. Метафора как средство создания Кантовой терминологии	146

Глава IV. Вопросы прагматики философского дискурса	
И. Канта	159
1. К прагматике субъектно-речевой структуры дискурса И. Канта	159
2. К прагматике субъектно-направленной речи в дискурсе И. Канта	168
3. К прагматике адресато-направленной речи в дискурсе И. Канта	174
4. К прагматике аксиологического дискурса И. Канта	181
Заключение	196
Библиографический список	203
Именной указатель	210

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено лингвистическим аспектам анализа философского текста Иммануила Канта как особого (философского) вида дискурса. О Канте-философе существует огромное количество литературы: книги, монографии, диссертации, статьи. Эти труды значимы и по сей день, ибо Кант, опередивший свое время на несколько столетий, актуален сегодня как никогда.

Парадоксальность ситуации, однако, состоит в том, что тексты Канта почти не исследовались лингвистами, а изучалось главным образом их философское содержание. Работы, посвященные анализу языка и стиля Канта, можно перечислить буквально по пальцам. Тем самым оказывалось, что новое философское содержание, так называемый «коперниканский переворот», совершенный Кантом в области философского мышления, не повлек за собой никакого изменения в том, что касается языковой формы выражения этого нового содержания. Повод для такого вывода давали порой высказывания самого Канта. Так, в предисловии к «Критике практического разума» он говорит о том, что как вторая, так и первая его «Критики» не служат основой для упрека в его адрес, заключающегося в попытке создания какого-то нового языка. В частности, он говорит следующее:

Создание новых слов, когда язык не испытывает недостатка в выразительных средствах для имеющихся понятий, является детской попыткой выделиться среди других не новизной и истинностью содержания, а новыми заплатами на старом платье¹.

¹ *Kant I. Kritik der praktischen Vernunft. Leipzig, 1978. S. 17.*

Однако затем, с присущей ему антиномичностью, он замечает:

Поэтому если читатели указанного выше сочинения знают более популярные выражения, в такой же мере соответствующие мысли, как и те, что кажутся мне таковыми, или если они берутся показать ничтожность самих этих мыслей, а тем самым и слов их выражающих, то в первом случае я буду им очень обязан, ибо я хочу всего лишь быть понятым, а во втором они окажут большую услугу философии. *Но до тех пор, пока данные мысли имеют силу, я весьма сомневаюсь в том, что им могут быть найдены более адекватные и в то же время более популярные выражения*².

Из данного высказывания Канта следует, что он придавал большое значение не только содержанию своих произведений, но и языковой форме, его выражающей, что форма и содержание образуют нерасторжимое единство.

Далее в примечании к КПП речь идет о тщательности отбора терминов, чтобы, по выражению Канта, «не упустить само понятие, на которое они указывают». Об этом же свидетельствуют и его трактаты малой формы, направленные в защиту своего учения от нападков со стороны различных философских школ и школок того времени. В частности, он глубоко осознавал обусловленность стиля речи содержательными и прагматическими факторами, о чем свидетельствует его критика в адрес таких мыслителей, как И. Г. Гердер и И. Г. Гаман за их увлечение необузданной образностью, патетичностью и выпендренностью выражения при изложении чисто философских вопросов. О том, насколько Кант в защите принципа соответствия содержания и формы оказался впереди многих

² Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Leipzig, 1979. S. 178. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках после цитат в сокращении KGV, арабской цифрой обозначен номер страницы. Перевод с немецкого и выделение курсивом наши. Примеры приведены в нашем переводе, так как существующие не всегда устраивают автора и порой неверны. — И. К.

своих выдающихся современников, свидетельствует тот факт, что безудержная метафорика и образность продолжают превалировать в научных трудах такого выдающегося мыслителя, как В. фон Гумбольдт. И это несмотря на то что ее наличие в концентрированной форме в сугубо научном изложении не без основания уже полстолетия назад было развенчано Кантом.

Не будет преувеличением сказать, что именно Кант — один из *создателей критического дискурса эпохи Просвещения*, его эпистемической и стилистической парадигмы. Не случайно Е. Кассирер называет XVIII столетие «философским», имея в виду доминирующее положение философии в этот период и движущую силу просветительского мышления, представляющую не выработку аксиом и доктрин, а поиск, сомнение, низвержение старого и создание нового. Истина определялась не столько результатами работы мышления, сколько его качеством и убедительностью аргументации³.

На критическую установку и по содержанию, и по форме рассуждения указывает также Вилли Гётшель в следующих словах, предваряющих текст его книги «Кант как писатель»:

Предубеждение, что Кант плохой писатель столь же старо, как и его «Критика чистого разума». Кант сам запустил эту идею в обиход, и не без успеха. Но то, что литературное начало пришло самому критическому мышлению, что единственно лишь путь критики остается открытым, и есть вывод «Критики», определивший «революцию способа мышления». И в этом случае форма не есть нечто вторичное, а напротив, она является основополагающей для процесса познания⁴.

Актуально данное исследование также и с точки зрения проблем взаимоотношения языка и мышления. Трансцендентальное синтетическое единство апперцепции субъекта, выражающееся в Кантовой формуле «Я мыслю» и обуславливаю-

³ Pütz P. Die deutsche Aufklärung. Darmstadt, 1978. S. 84—85.

⁴ Goetschel W. Kant als Schriftsteller. 1990.

щего единство его самосознания, не может быть реализовано без его предпосылки «Я говорю», то есть без речевой апперцепции этого же самого субъекта. Подобно тому как «Я мыслю» сопровождает каждый мыслительный акт субъекта, точно так и «Я говорю» в принципе должно сопровождать каждый его речевой акт. Более того, без этого второго фактора, говоря словами самого Канта, трансцендентальное единство апперцепции оказалось бы «мертвой, неизвестной нам способностью, сокрытой в глубинах нашей души» (KGV, 180).

Представляется важной и проблема более полного издания трудов И. Канта в России. Существующие шеститомное и восьмитомное академические издания трудов Канта явно не удовлетворяют возросшему интересу философской и культурной общественности к трудам философа. В связи с этим возникает необходимость перевода на русский язык еще непере-
веденных произведений Канта, а также усовершенствования существующих переводов, которые порой неточны, на что, в частности, указывает А. В. Гулыга⁵. Естественно, что это невозможно сделать без глубокого проникновения как в содержание, так и в особенности построения и стиля (формы) текстов И. Канта.

Философское кантоведение в нашей стране имеет уже достаточно прочные традиции. Существует также и логическое кантоведение, центр которого находится в Балтийском федеральном университете им. И. Канта. Но столь же необходимо в настоящее время в кантоведении и лингвистическое направление, в русле которого написана предлагаемая работа.

⁵ Гулыга А. В. Кант сегодня // И. Кант. Трактаты и письма. М., 1980. С. 36.

Глава I

И. КАНТ: ЯЗЫК, МЫШЛЕНИЕ, ДИСКУРС

1. Из истории лингвистического и литературоведческого исследования текстов И. Канта

История исследования языка и стиля И. Канта касается главным образом его первой Критики, то есть «Критики чистого разума». Известны две монографии, посвященные языку этого произведения. Одна принадлежит Эрнсту Фишеру под заглавием «Стиль Канта в "Критике чистого разума" вместе с изложением нового стилистического закона, покоящегося на историко-критическом и психолингвистическом основании»⁶. Цель этой работы — исследовать стилистическое своеобразие данного произведения, основываясь на психологической концепции Вильгельма Вундта. Главное внимание Фишер уделяет синтаксическим особенностям построения высказывания у Канта. Именно здесь, по его мнению, с наибольшей силой проявляется индивидуальный стиль философа. К особенностям синтаксиса Канта, по Фишеру, относятся:

1) многократное включение придаточных предложений друг в друга (*Schachtelsätze*) и преимущественное употребление придаточных предложений третьей и четвертой степеней подчинения в гипотаксисе;

2) обилие придаточных предложений одного вида с последовательным подчинением;

⁶ *Fischer E.* Kants Stil in der Kritik der reinen Vernunft nebst Ausführungen über ein neues Stilgesetz auf historisch-kritischer und psychologischer Grundlage. Berlin, 1907. S. 9.

3) наличие большого количества перифраз и плеоназмов, которые, по мнению Фишера, утяжеляют стиль автора и осложняют восприятие текста;

4) большое количество повторов одних и тех же синтаксических конструкций в одном месте, то есть однообразность синтаксической формы;

5) синтаксис Канта рассматривается Фишером, исходя из учения о периоде в его психологической трактовке, восходящей к Вильгельму Вундту.

В широком смысле под периодом понимается совокупность предложений, объединенных паратаксической связью и зависимым от нее гипотаксисом. В узком смысле периоды подразделяются на паратаксические и гипотаксические, что обусловлено различием психологического закона перцептивного акта и закона трех степеней восприятия. Согласно первому количеству элементов одного акта восприятия должно составлять не более шести, согласно второму между двумя крайними точками восприятия можно поместить еще один дополнительный элемент. В результате такого анализа Фишер приходит к выводу о том, что периоды Канта, будучи грамматически правильными, не выдерживают психологических канонov и представляют собой с этой точки зрения неуклюжие построения.

В целом по работе Фишера можно сделать вывод о том, что сугубо психологический подход к анализу такого текста, каким является «Критика чистого разума» Канта, не совсем уместен, так как языковая форма произведения анализируется им без учета содержания этого сложного творения человеческой мысли. Фишер игнорирует тот факт, что имеет дело с письменной формой речи, со специальной коммуникативной установкой на непопулярность изложения, на его строгую академичность, и, главное, что философское произведение, а тем более такое, каким является «Критика чистого разума», не может служить иллюстрацией к психологическим законам. Известно, что Кант мог писать легко и свободно, если это позволяло предмет изложения. Достаточно в этой связи сослаться

на его трактат «О чувстве прекрасного и возвышенного», где писательский талант философа, по отзывам его современников, проявился во всем блеске.

На совершенно другом подходе основана монография Йозефа Лаутера под заглавием «Исследование языка Канта в "Критике чистого разума"»⁷. Его цель — проанализировать с помощью метода математической статистики, разработанного в Техническом институте г. Аахена (Германия) под руководством профессора В. Фукса, язык Канта. Ценность работы Лаутера состоит также в том, что он сопоставляет стиль Канта со стилем его современников — И. В. Гёте и И. Г. Гердера.

Текст Лаутер рассматривает как формальную структуру, а стиль — как совокупность всех явлений, поддающихся количественной обработке. Автор исследует как неграмматические параметры (главы, разделы, предложение, слово, слог, буква), так и грамматические, а именно части речи. Основное внимание уделено, разумеется, грамматическим параметрам — частям речи как элементам, образующим в тексте определенные синтаксические структуры, и порядку их следования в предложении. Связность между элементами словосочетаний обнаруживается с помощью различных полиграмм: диаграмм, триграмм, тетраграмм и пентаграмм. Так, диаграмма «существительное — артикль» показывает, что у Канта ее частотность выше, чем у Гёте и Гердера, то есть у Канта словосочетания с генетивом встречаются чаще, чем у Гёте и Гердера. Этот вывод подтверждается также на других структурах — триграммах типа «артикль — существительное — предлог», а также на тетраграммах «артикль — существительное — артикль — существительное» и «артикль — существительное — существительное — предлог». Тем самым доказывается, что кантовский текст отличается от текстов двух других авторов тесной семантической спаянностью компонентов и более высокой степенью выраженности номинального стиля речи, чем у Гёте и Гердера.

⁷ *Lauter J. Untersuchungen zur Sprache von Kants «Kritik der reinen Vernunft» // Forschungsberichte des Landes Nord-Rhein-Westfalen, Köln ; Opladen, 1966. № 1730.*

Таким же образом исследуется состав полиграмм в группе сказуемого у трех авторов, например диаграмма «финитный глагол — неизменяемая часть сказуемого» и т. д. В целом Лаутером получены интересные данные относительно стилистических особенностей прозы Канта в сравнении с текстами Гёте и Гердера. Наиболее типичны следующие:

1. Большее количество слогов в кантовском слове и длина предложения.

2. Увеличение объема группы существительного за счет большего удельного веса в ней генетивных конструкций и предложных словосочетаний.

3. Предпочтительное употребление Кантом составного глагольного сказуемого.

4. Для текста Канта характерен ярко выраженный гипотаксис высказывания.

5. Тесная логико-семантическая спаянность элементов в тексте.

6. Отмечается также более высокая частотность в кантовском тексте условных придаточных предложений.

7. Преимущественное начало предложения с союза или союзного слова, что еще раз свидетельствует о большей логико-семантической спаянности текста Канта.

К недостаткам работы Лаутера следует отнести, на наш взгляд, отсутствие сопоставительного количественного анализа разных по своей тематике и, главное, коммуникативной установке текстов *самого* Канта. Это важно для выяснения того, в какой мере выявленные индивидуальные особенности стиля Канта обусловлены действительно индивидуальным стилем философа, а не различной установкой или предназначением его текстов (эзотерических и экзотерических).

Не умаляя всей важности полученных вышеназванными авторами результатов, характеризующих индивидуальное речетворчество философа, все же представляется, что понятие стиля — это довольно емкое понятие. В частности, Ю. С. Степанов отмечает:

...стиль — это отнюдь не только «почерк», то есть нечто индивидуальное, не касающееся других, но это еще и методика. Если есть метод, то должна быть и методика, то есть приемы реализации этого метода. Методика есть стиль⁸.

А в этом смысле Кант методичен как, пожалуй, ни один философ. Не случайно каждая его «Критика» содержит учение о методе, *трансцендентальном критическом методе*. И это относится в первую очередь к «Критике чистого разума», на материале которой в основном построена данная работа. Сущность своего метода рассуждения Кант формулирует следующим образом:

При производстве суждений из чистого разума совершенно не допускается мнить. Ибо поскольку они покоятся не на опытном основании, а всё должно быть познано a priori, где всё является необходимым, то принцип связи требует всеобщности и необходимости, следовательно, полной достоверности, в противном случае они вовсе не ведут к истине⁹.

Приступая к изложению своей системы метафизики, Кант полагал, что она должна быть построена догматически, то есть исходя из понятий, и в высшей степени систематически, следовательно, не популярно. Метафизике, по Канту, необходимо вступать на верный путь науки с помощью «законосообразного установления принципов, отчетливого определения понятий, испытанной строгости доказательств и предотвращения смелых скачков в выводах»¹⁰.

⁸ Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения. М., 1981. С. 5.

⁹ Kant I. Kritik der reinen Vernunft // Werkausgabe : in 10 Bdn / hrsg. von W. Weischedel. Frankfurt a/M, 1995. Bd. 2. S. 689. Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках после цитат в сокращении KV, римской цифрой обозначается номер тома, арабской — номер страницы — И. К.

¹⁰ Кант И. Критика чистого разума // Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 99.

В своей «Логике» Кант специально останавливается на методах изложения материала, научных знаний, различая, например, следующие: научный (схоластический), популярный, систематический, фрагментарный, аналитический и синтетический, силлогистический и табличный, акроаматический и эрозматический, а последний подразделяется им на диалогический, или сократический и катехизический в зависимости от того, направлен ли вопрос к рассудку или же только к памяти¹¹. Естественно, что эти принципы должны были найти отражение и в текстах Канта. Как отмечает Т.И. Сильман, именно через структуру предложения, его объем, виды распространения и членения, а также характер и способы сочетания предложений друг с другом, через своеобразие переходов от одного предложения к другому осуществляется единое движение мысли писателя, находит свое выражение присущий именно ему характер этого движения¹². Именно такой подход к философскому тексту и его анализу с «поправкой» на данные лингвистики текста, его синтактики, семантики и прагматики, теории речевых актов и другое предложен в настоящем исследовании.

2. Кант и дискурс эпохи Просвещения

Лингвистический анализ философского текста и, в частности, произведений И. Канта представляет несомненный научный интерес. Как известно, XVIII век, на который приходится философское творчество Канта, период интенсивного развития немецкого литературного языка, в том числе и в сфере научного общения. Так, Г. Гафен в связи с этим пишет: «За полные 70 лет, с 1730 по 1800 год, немецкий язык получил более интенсивное и существенное развитие, чем за последующие

¹¹ Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. С. 444.

¹² Сильман Т.И. Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967. С. 112.

полтора столетия»¹³. Нет сомнения в том, что столь мощный толчок развитию немецкого языка дала эпоха Просвещения — период, когда, по словам Ф. Энгельса, все: «религия, наука, государственный правопорядок, гражданское общество, были подвергнуты беспощадной критике; все должно было завоевать свое право на существование перед судом разума. Мыслящий разум был мерилем всего»¹⁴. Таким мыслящим разумом была прежде всего немецкая философия в лице ее выдающегося представителя И. Канта, философию которого К. Маркс, как известно, охарактеризовал как немецкую теорию Французской революции.

Естественно, что революционные процессы в общественно-политической мысли эпохи Просвещения не могли не затронуть и язык. Можно, пожалуй, без преувеличения утверждать, что немецкий язык в эпоху Просвещения в Германии развивался под знаком философско-публицистической прозы. Более того, можно говорить, как нам представляется, о существовании в этот период особой стилистической парадигмы, то есть особого стиля Просвещения. Так, тот же Г. Гафен отмечает характерные для языка той эпохи такие стилистические черты, как оперирование антитезой и анафорой, частое употребление иностранных слов, номинальный способ выражения вместо вербального, преимущественное употребление союзов причинно-следственной семантики, тенденция к пространности рассуждения, стремление подкреплять сказанное многочисленными примерами, а также явно выраженная риторичность высказывания (употребление риторических вопросов, восклицаний, различных повторов)¹⁵. Все эти черты речевого поведения — следствие раскрепощения личности и господства принципа субъективности в мышлении и языке.

¹³ *Hafen H.* Studien zur Geschichte der deutschen Prosa. St. Gallen, 1952. S. 11.

¹⁴ *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1955—1981. Т. 20.

¹⁵ *Hafen H.* Op. cit. S. 18.

Одним из важных достижений этой эпохи следует считать создание научного стиля речи. И в этом отношении роль философской прозы Канта явно недооценивалась.

Ревизия Кантом основ философского мышления имела своим следствием создание нового, более фундаментального (критического) способа философского рассуждения и философской аргументации, что в свою очередь вело к новой форме философского дискурса. Главная особенность такого дискурса — его ярко выраженная дедуктивность как основная форма аргументации в пользу объективной значимости априорных форм мышления для получения опытного знания. Такая форма аргументации была необходима прежде всего потому, что, как сам Кант указывает в предисловии к «Критике чистого разума», изложенный им новый способ мышления представляет собой *гипотезу*, наподобие гипотезы Коперника, которая должна быть доказана, а всякое доказательство требует аподиктичности изложения, то есть такого, которое не вызвало бы и тени сомнения (KrV, 17).

Как видим, хотя содержание *гипотетично*, форма его изложения должна иметь силу *аподиктической достоверности*. Основные требования, которые предъявляются трансцендентальной философией Канта к изложению, суть *достоверность и ясность*. Относительно достоверности Кант говорит, что взял за правило не позволять себе мнить, рассуждая об априорном знании, так как любой результат априорного познания должен иметь абсолютно необходимую достоверность; каждое определение, относящееся к чистому знанию, должно быть образцом аподиктичности (достоверности) в философии. В том, что касается ясности, Кант подчеркивает, что для него важно было в первую очередь обеспечить так называемую *дискурсивную ясность*, то есть ясность понятий. Интуитивную ясность, или приведение примеров он находит не совсем целесообразным постольку, поскольку многочисленные примеры не способствуют, по его мнению, целостности восприятия содержания и замедляют его.

Итак, основные принципы *критического* дискурса Канта, которые должны лежать в основе философского рассуждения — *достоверность и ясность*.

Выработка Кантом основных методологических принципов философского рассуждения, указанных выше, происходит путем сопоставления методов мышления в математике и философии. Этому вопросу он уделяет особое внимание в первой «Критике», в разделе «Учение о трансцендентальном методе», а также в работах «докритического» периода. Философское знание есть знание понятийное, математическое же знание конструктивно, оно конструирует свои понятия в созерцании. Последнее становится возможным потому, что математика имеет дело с величинами, философия же — с качественной стороной предметов, а качество можно сделать наглядным, лишь прибегнув к созерцанию в эмпирическом опыте. В математике предмет дается сразу с помощью дефиниции, в философии дефиниции никогда не могут быть полными. Более того, такие понятия, как субстанция, причина, право, добро вообще не могут быть определены, так как никогда нельзя быть уверенным, что признаки, составляющие их сущность, полностью перечислены, то есть их анализ никогда не следует считать законченным.

Одним из основных требований, имеющих непосредственное отношение к построению текста у Канта, является, как это следует из вышеизложенного, требование, чтобы каждое синтетическое положение было обосновано. Сам Кант под этим понимает следующее:

...Эти авторы [новейших философских сочинений] полагают, что постулировать — значит выдавать некоторое положение как непосредственно достоверное, без его обоснования или доказательства. Однако если бы мы допустили, что для синтетических суждений, какими бы очевидными они ни были, можно требовать безусловного одобрения без их дедукции, в силу одно-

го лишь авторитета их собственных утверждений, то вся критика рассудка свелась бы на нет... Таким образом, если к понятию вещи априори синтетически прибавляется какое-то определение, то непременно должно быть присоединено если не доказательство, то, по крайней мере, дедукция правомерности полагания такого суждения¹⁶.

Известны многочисленные упреки в адрес Канта за трудности, связанные с языком его произведений. Так, Г. Гейне, отмечая замедленную реакцию философской общественности на «Критику чистого разума», объяснял это необычной формой произведения и плохим стилем Канта. Однако специальные сопоставления стиля Канта со стилем других писателей его эпохи лишают это мнение оснований. В частности, Эрнст Фишер утверждает, что Кант без особых отклонений пользовался языком своей эпохи¹⁷. Количественные данные, приводимые Г. Адмони, показывают также, что относительно объема группы существительного и удельного веса гипотаксиса проза Канта не отличается существенно от прозы Лессинга, Гёте и других немецких писателей¹⁸.

Кант, несомненно, был мастером философского слога. Это можно отнести как к его сочинениям докритического периода творчества, так и к последующим «Критикам», а также особенно к трактатам малой формы. В этом жанре философ не был связан академическими канонами построения рассуждения, и здесь его писательский талант проявился во всей полноте. Например, Карл Розенкранц отмечает блестящее мастерство таких трактатов малой формы Канта, как «Опыт введения отрицательных величин в философию» (1763), «Наблюдения

¹⁶ *Кант И.* Критика чистого разума // Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 3. С. 293—294.

¹⁷ *Fischer E.* Op. cit. S. 9.

¹⁸ *Адмони В. Г.* Пути развития грамматического строя в немецком языке. М., 1973.

над чувством прекрасного и возвышенного» (1764), «Грезы духовидца, проясненные грезами метафизики» (1766) и др. В частности, он говорит следующее:

Не меньшее удовольствие, чем его никогда неиссякаемая энергия и стремление к общению, доставляет изысканность его стиля. В своем постоянном проявлении логичного и привыкшего к строгости формулировок мыслителя, он неисчерпаем в метких примерах, забавных остроумных находках и неожиданных комбинациях. Эти его малые сочинения являются поистине образцом популярной литературы¹⁹.

Кант был также мастером рецензии, критической статьи, эпистолярного жанра. В связи с этим следует упомянуть его трактаты, написанные в защиту своей философии, такие как «Что значит ориентироваться в мышлении», «О недавно возникшем высокомерном тоне в философии» и др.

Канту принадлежит, пожалуй, одно из самых замечательных поэтических мест во всей философской литературе вообще. Мы приведем лишь начало:

Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительней мы размышляем о них — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне...²⁰.

Здесь Кант поднимается до вершин философской поэзии.

Литературное мастерство принято связывать прежде всего с языком художественной литературы. Однако в рамках каждого стиля речи можно говорить о мастерстве, критерием которого является степень органического единства формы и содержания. Философская проза Канта характеризуется, несомненно, высокой степенью такого единства.

¹⁹ Rosenkranz K. Geschichte der Kantischen Philosophie. Berlin, 1987. S. XXVIII.

²⁰ Кант И. Критика практического разума // Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1. С. 499.

3. Кант и проблемы языка в его философии. Опыт реконструкции

У Канта нет работ, *специально* посвященных языку. Это и понятно, потому что в поле его зрения были прежде всего такие философские вопросы взаимоотношения мышления и бытия, как: «Что и насколько рассудок и разум могут независимо от опыта — в том числе и языкового — знать?», но не вопрос «Как я могу это знание выразить?». Однако это не означает, что проблемы языка не занимали его. Взгляды Канта на язык и его связь с мышлением носят, правда, характер вставленных в текст попутных замечаний или примеров, но тем не менее они дают возможность в общих чертах прояснить их сущность. В этой связи следует признать справедливыми следующие слова Г. Гиппера:

Воззрения Канта на язык и его пригодность (или непригодность) к выражению философского и, в частности, трансцендентального знания, должны быть выявлены с помощью тщательного анализа текстов всех его произведений, а затем сведены в одно обозримое целое, так как Кант сам этого не сделал²¹.

Далее, Г. Гиппер поясняет:

Кант использует язык как само собой разумеющееся средство выражения, как объектный язык, то есть в его прямой связи с тем, что подлежит выражению, а не в функции метаязыка. Анализ последнего был бы необходим, если бы для него было важно рассмотреть существующие в языке условия, обеспечивающие возможность мышления и познания²².

²¹ Gipper H. Das Sprachapriori. Sprache als Voraussetzung menschlichen Denkens und Erkennens. Stuttgart ; Bad Cannstatt. 1987. S. 89.

²² Ibid. S. 117.

И в другом месте читаем:

Кант действует на метауровне рефлексии и оперирует метапонятиями (чистыми понятиями а priori и категориями) с тем, чтобы, исходя из него, обосновать возможность объектного уровня. Но до тех пор, пока объектный уровень не описан в его фактической данности, метауровень также не может быть задействован²³.

Из российских философов мысль о *непричастности* языка к теории трансцендентального знания у Канта выразил Л. А. Абрамян в следующих словах:

У Канта не остается и следа от знакового взгляда на мышление, который был столь характерен для многих мыслителей XVII века. У Канта — новая концепция мышления. Способность мышления — есть способность производить суждение, так как мыслить значит составлять суждение... Он подходит к мышлению не с внешней, «лингвистической», стороны, а с внутренней, понятийной, и поэтому для него это есть оперирование не словесными знаками, а понятиями²⁴.

А упоминавшийся нами выше Г. Гиппер замечает в связи с текстом «Критики чистого разума» Канта следующее: «...и везде чувствуется стремление в философии познания выйти за пределы языка к «чистому» мышлению и к «чистому, не замутненному языком познанию»²⁵.

Но как показывает анализ произведений Канта, изолировать полностью язык из своей концепции получения знания ему не удалось. Об этом свидетельствуют хотя бы примеры из языка, приводимые им в «Критике чистого разума» для пояснения своих априорных выкладок. Так что можно сказать, что

²³ Gipper H. Op. cit. S. 93.

²⁴ Абрамян Л. А. Учение Канта об аналитическом и синтетическом знании // Вопросы философии. 1975. № 2. С. 42.

²⁵ Gipper H. Op. cit. S. 104.

Кант, изгнав официально язык из своей философской системы, «впустил его через заднюю дверь». Тот же Абрамян утверждает: «Между тем, уже простейшее знание о чувственно воспринимаемых свойствах предполагает языковую опосредованность и, следовательно, мышление»²⁶.

При анализе текстов Канта и его отношения к языку *методологически* следует, на наш взгляд, делать различие между *докритическим* Кантом и Кантом *критического* и *посткритического периода* его творчества. Подобный подход традиционен как в зарубежном, так и в отечественном кантоведении, потому что он позволяет проследить эволюцию воззрений философа на тот или иной вопрос, в том числе и на вопрос связи языка и мышления. Методологически полезны также замечания самого Канта, например, в «Заметках к "Антропологии"» он говорит:

...при переходе от одной темы к другой во время рассуждения можно на основе связи между идеями, если эта связь явно не прослеживается, угадать промежуточное звено, а тем самым и понять человека, и то, что он хочет сказать²⁷.

Вот еще одно свидетельство того, что Кант полностью сознавал возможность непонимания его учения, и чтобы предупредить это, указывал на необходимость учитывать весь контекст его теории, а именно:

В любом сочинении, построенном главным образом на свободно текущей речи, можно выискать даже мнимые противоречия, если сопоставлять отдельные места, вырванные из своего контекста, которые бросают на него тень в глазах того, кто привык полагаться на чужое мнение, но для того, кто овладел и деей в целом, они весьма легко разрешимы (KГV, 41).

²⁶ Абрамян Л. А. Учение Канта об аналитическом и синтетическом знании ... С. 45.

²⁷ Erdmann B. Reflexionen Kants zur Anthropologie // Aus Kants handschriftlichen Aufzeichnungen. Leipzig, 1882. S. 97.

Для *докритического* Канта имеют силу слова Димитриуса Маркиса о том, что Кант в вопросах, касающихся языка, находится под влиянием воззрений Античности, в частности Платона и Эпикура, что подтверждают его высказывания о способности означивания (*facultas signatrix*). Он причисляет языковые знаки к искусственным, так что слова — суть, образы представлений вещей, а язык есть система произвольных искусственных знаков, которые обозначают предметы наподобие этикеток. Язык не идеальное средство для выражения чистого мышления. То главное, что ищет Кант, находится за пределами языка. Язык обладает лишь заместительной функцией. Идеалом «Критики чистого разума» является не затемненная языком знаковая репрезентация²⁸.

Трактаты малой формы *докритического* Канта свидетельствуют о мучительном поиске такой формы философского рассуждения, которая бы позволила адекватно, полно, а главное, убедительно выразить и обосновать свою философскую концепцию. Тексты Канта этого периода изобилуют сетованиями на обыденный язык (в нашем случае немецкий), который кажется ему непригодным для выражения философского содержания. Типичным для этого периода можно считать следующие его высказывания:

Знаки философского рассуждения суть всегда не что иное, как слова, которые ни путем сложения не в состоянии указать на отдельные понятия, из которых состоит идея в целом, обозначаемая словом, ни посредством их сочетания не могут выразить отношения между философскими мыслями²⁹.

Или:

Напротив, слова как знаки философского содержания не способны ничему иному, как только воспроизведению (репродуцированию) означенных общих понятий³⁰.

²⁸ Цит. по: *Gipper H.* Op. cit. S. 117.

²⁹ *Kant I.* Untersuchungen über die Deutlichkeit der Grundsätze der natürlichen Theologie und der Moral // Werke : in 10 Bdn. Darmstadt, 1983. Bd. 2 : Vorkritische Schriften bis 1768. S. 747.

³⁰ *Ibid.* S. 762.

Кант приводит многочисленные примеры того, как в контексте слова исподволь получают разные смыслы. Так, в трактате «Опыт введения отрицательных величин в философию» (1763) он сетует:

Я замечу еще раз, что будет заблуждением полагать, что отсутствие положительных результатов какой-либо деятельности нашей души станет сразу понятным, если назвать его «упущением». Удивительно, что чем больше анализируешь свои самые обычные и очевидные суждения, тем чаще обнаруживаешь подобные химеры, когда мы довольны словами, ничего не понимая в самих вещах³¹.

В трактате «Анализ достоверности принципов естественной теологии и морали» (1763) Кант приводит пример того, как несовершенен обыденный язык, в частности, при обсуждении философских проблем:

Вот мы говорим, что человек отличает золото от меди, когда констатирует, что один из этих металлов имеет меньшую плотность, чем другой. Но мы говорим также, что и животное отличает один корм от другого, если оно один из них поедает, а до другого не дотрагивается. В обоих этих случаях мы употребляем одно и то же слово «различать», но в первом случае оно имеет смысл «понять различие», что может быть сделано не иначе, как производя суждение, а во втором, что различные представления обуславливают и различное поведение животного, следовательно, нет необходимости в производстве суждения³².

Неспособность языка выразить философское содержание проявляется особенно ярко на фоне точного математического знания. Кант в этой связи отмечает:

³¹ *Kant I. Versuch den Begriff von negativen Größen in die Weltweisheit einzuführen // Werke ... S. 805.*

³² *Kant I. Untersuchungen über die Deutlichkeit der Grundsätze ... S. 754—755.*

В геометрии и других областях математического знания рассуждение начинается с легких и затем постепенно восходит к сложным выкладкам. В метафизике же с самого начала имеют дело со сложнейшими понятиями: с понятиями возможности и наличного бытия, необходимости и случайности и так далее, то есть сплошь с такими понятиями, которые требуют большой степени абстракции и внимания. Но так как ее знаки претерпевают в процессе их применения многочисленные едва заметные изменения, то для того, чтобы их заметить, необходимо постоянно держать их в поле своего зрения. Поэтому следует непременно действовать синтетически³³.

И философ приводит пример со словом «сознание» (*Bewußtsein*):

Смутными представлениями являются такие, которые нами не осознаются. Однако опыт показывает, что мы даже в глубоком сне можем иметь представления. Но так как мы их не осознаем, то они смутны. Здесь слово «сознание» (*Bewusstsein*) имеет два значения. Представление не осознается либо потому, что оно есть или потому, что оно было. В первом случае речь идет о смутности представления, как оно присутствует в душе; во втором же речь идет не более, как о том, что память о нем утрачена³⁴.

И в другом месте того же трактата говорится следующее:

Ибо, так как знаки математики суть чувственные средства, то можно с той же самой уверенностью, с какой видят своими собственными глазами, знать, что ни одно понятие не упущено, что каждое уравнение произведено по простым правилам... И напротив, слова как знаки философского мышления способствуют ничему иному, как только репродуцированию (*Erinnerung*) означенных общих понятий. Их значение следует постоянно удерживать в поле своего зрения. Чистый рассудок должно держать в напряжении, не ускользает ли незаметно какой-либо при-

³³ *Kant I. Untersuchungen über die Deutlichkeit der Grundsätze ... S. 759—760.*

³⁴ *Ibid.*

знак выделенного понятия, ибо ничто чувственное не может свидетельствовать о его исчезновении. В этом случае различные вещи могут быть приняты за идентичные, в результате чего порождаются ложные выводы³⁵.

Итак, уровень слова у Канта в докритический период — это уровень смутных и нерасчлененных понятий, так как слово лишь означает или воспроизводит (репродуцирует) их.

Становится ясным, почему докритический Кант отводит языку в основном две функции — *функцию означивания понятий* и *функцию их репродуцирования*. В этом отношении знаки языка значительно уступают математическим, которые служат средством конструирования понятий. В философии же понятие как таковое дано, правда, в нерасчлененном, смутном виде. Поэтому оно нуждается в прояснении. Математика приходит к своим понятиям с помощью их синтеза в созерцании, философия — с помощью анализа. Но анализ в философии в отличие от математики никогда не может быть полным и надежным.

Впрочем, недостатки философского способа рассуждения, обусловленные словами и их неточными значениями, можно устранить и добиться отчетливости и ясности понятий, если правильно использовать суждения и их последовательности. *Именно с суждением, вернее, со способностью суждения субъекта он связывает свои надежды на выработку адекватной философским понятиям формы рассуждения, ибо Кант говорит в этой связи буквально следующее:*

Мое мнение ныне таково, что эта сила или способность является ничем иным, как способностью внутреннего чувства делать свои собственные представления объектом своих мыслей... На этом покоится вся высшая способность познания³⁶.

³⁵ Kant I. Untersuchungen über die Deutlichkeit der Grundsätze ... S. 762.

³⁶ Kant I. Die falsche Spitzfindigkeit der vier syllogistischen Figuren // Werke ... S. 614.

Далее, Кант полемизирует с одним автором, утверждавшим, что бык имеет ясное понятие о хлебе, когда видит перед собой его дверь:

Конечно, дверь есть нечто, относящееся к хлебу, и может служить его признаком. Но только тот, кто производит суждение: «Эта дверь принадлежит данному хлебу», имеет ясное понятие об этом предмете, а это уже без сомнения сверх возможностей животного³⁷.

Важно также следующее дополнение:

При этом следует только иметь в виду, что данное суждение не есть само ясное понятие, а производимое *действие*, благодаря которому оно становится *действительным*, ибо представление, которое возникает в результате данного действия о самой вещи, является отчетливым³⁸.

Здесь, без сомнения, под действием имеется в виду *речевой акт*, результаты которого — суждение и ясное представление о понятии. Следовательно, с помощью языка сознание поднимается с уровня представлений на уровень познания, или на понятийный уровень. Таким образом, Кант связывает язык и мышление, делая последнее зависимым от первого. То есть уже у Канта высказано положение о том, что *язык есть действительность мысли*. Переход к *сужденческой (пропозициональной) парадигме* анализа понятийного содержания позволяет Канту критиковать логиков своего времени, недостаток которых он видит, в частности, в том, что они склонны, скорее, говорить о ясных и полных понятиях, чем о суждениях и умозаключениях, хотя первые становятся возможными благодаря вторым³⁹.

Переход с уровня слова на *пропозициональный* дает возможность Канту выдвинуть на первый план категорию мысли-

³⁷ Kant I. Die falsche Spitzfindigkeit der vier syllogistischen Figuren ... S. 613.

³⁸ Ibid. S. 612.

³⁹ Ibid.

тельной деятельности субъекта, вернее, его *речемыслительной деятельности*. Язык — в нашем случае это немецкий — затрагивается непосредственно в нижеследующем высказывании Канта:

Сравнивать нечто в качестве признака с вещью — значит производить суждение. Сама вещь есть субъект, признак — предикат, а сравнение выражается с помощью связующего знака «ist» или «sein», который в его обычном употреблении указывает на то, что признак принадлежит субъекту⁴⁰.

Следует согласиться с Гельмутом Гиппером и его словами о том, что у Канта суждение со связкой *ist* играет основополагающую роль во всем процессе аргументации, а она является, без сомнения, языковой величиной⁴¹.

Более того, переход к *пропозициональной парадигме мышления* позволяет Канту связать рассудок и разум друг с другом, так как оба представляют собой способность суждения, с той лишь разницей, что разум определяется им как способность судить *опосредованно*, а рассудок — *непосредственно*.

С разумом как способностью умозаключать у Канта происходит объективно переход на *уровень текста (речи, или дискурса)*, так что трем кантовским познавательным способностям — *рассудку, способности суждения и разуму* — соответствуют и три языковые единицы — *слово, предложение и текст (дискурс)*. Причем все они выполняют только им присущие функции, а именно: с помощью слова понятие *обозначается*, с помощью суждения оно делается *ясным и отчетливым*, а с помощью текста — *полным и обладающим статусом реальности* (реального определения). Этот параллелизм между понятием, суждением и умозаключением, с одной стороны, и словом, предложением и текстом — с другой, не случаен. Он обусловлен единством языка и мышления, которое здесь у Канта фактически намечено.

⁴⁰ Kant I. Die falsche Spitzfindigkeit der vier syllogistischen Figuren ... S. 599.

⁴¹ Gipper H. Op. cit. S. 89.

С подъемом на уровень текста (дискурса) у докритического Канта происходит фактически переход к проблеме метода философского рассуждения и, в частности, к проблеме дефиниции философского понятия. На вопрос «Как возможна философия как наука?» докритический Кант отвечает, разрабатывая свой метод рассуждения, а тем самым и построения философского дискурса в противоположность математическому методу. Если математика — наука синтетическая, то метафизика — аналитическая, задачей последней является прояснение смутно заданных философских понятий. От этого зависит как понятийная четкость, так и возможность получения надежных выводов. В математике понятие дается сразу с помощью дефиниции, в метафизике же дефиниции значительно менее надежны, так как анализ понятия никогда не следует считать окончательным. Знаки математического знания наглядны и конкретны, знаки философского рассуждения, как правило, абстрактны. И Кант заключает:

В этом отношении философы желают друг другу удачи в том, что тайну основательного мышления они заимствовали у математиков, и совершенно не замечают, что последние приходят к своим понятиям посредством синтеза, в то время как первые могут это делать не иначе, как с помощью анализа, что совершенно меняет метод мышления⁴².

Однако в другом месте того же трактата содержится формулировка, которая, как кажется, полностью противоречит приведенной выше, а именно:

Поэтому метафизика не имеет других формальных или материальных оснований достоверности, которые были бы отличны от оснований математики. В обеих науках суждение формально строится согласно принципу непротиворечивости. В обеих су-

⁴² *Kant I. Untersuchung über die Deutlichkeit der Grundsätze ... S. 760.*

шествуют далее неразложимые суждения, которые составляют основу для производства следствий из них. Только поскольку дефиниции в математике являются первыми неразложимыми понятиями анализируемых вещей, постольку в метафизике в качестве первичных данных их место должны занять непроемные суждения, которые могут быть в такой же степени надежными, и которые поставляют либо материал для анализа, либо основания для надежных выводов. Здесь налицо в метафизике та же самая необходимая для убежденности степень достоверности, что и в математике, только в последней она легче достижима и обладает большей наглядностью⁴³.

И здесь у читателя сразу возникает вопрос «Так следует ли в метафизике придерживаться математического метода рассуждения или нет?» Что это, опять антиномичная ирония кёнигсбергского мудреца? Кто должен ее разрешить? На этот раз это делает сам Кант. В трактате «О единственно возможном основании доказательства существования Бога» (1763) Кантом уже намечен принцип «Как если бы» (*Als ob*), который получил затем свое развитие как в его философии, так и в немецкой философии в целом. В частности, он говорит следующее:

Я буду действовать как человек, ищущий дефиницию, и который пытается заручиться тем, что можно с достоверностью сказать утвердительно или отрицательно о предмете рассуждения, хотя он еще не знает, в чем будет заключаться полное определение понятия этого предмета. Задолго до того, как будет дано определение (*Erklärung*) своего предмета, и даже тогда, когда нет уверенности, что оно будет получено, можно многое сказать об этой вещи с самой что ни на есть большой достоверностью... Это, единственно, есть метод, с помощью которого я надеюсь разрешить ряд вопросов, ответы на которые я напрасно искал у других...⁴⁴

⁴³ *Kant I. Untersuchung über die Deutlichkeit der Grundsätze ... S. 767.*

⁴⁴ *Kant I. Der einzig mögliche Beweisgrund zu einer Demonstration des Daseins Gottes // Werke ... S. 629—630.*

Как следует из этого пассажа, хотя дефиниции подобно математическим в философии, по Канту, невозможны, всё же они могут в ней применяться в качестве прагматической максимы, как *если бы* они были возможны. И мы были бы в этом случае, как справедливо подчеркивает Стефан Кёрнер, *методологическими прагматиками*. Мы могли бы тогда иметь стимул к дальнейшим поискам и рассматривать целесообразность понятия как критерий его применения⁴⁵.

Текстовое суждение с качеством философского дискурса — это, следовательно, прагматическая семантико-синтаксическая единица. Она отличается от отдельно взятого суждения тем, что если отдельное суждение либо утвердительно, либо отрицательно, непроизводно или производно, логически идентично либо противоречиво, то текстовое суждение — это *комплексная прагматическая единица*. Она состоит как из непроизводных (интуитивно истинных), так и производных (логически выводных) суждений, понятийное содержание которых подчинено логическим принципам *dictum de omni* или *dictum de nullo*.

Текстовое суждение с качеством «как если бы» — дефиниции — Кант называет его «пояснительным» (*Erklärung*) — подчинено двум важным *прагматическим* правилам, а именно:

Первое и главное правило: не следует начинать рассуждение с дефиниции... Но сначала следует тщательно выявить в своем предмете то, что в нем представляется непосредственно достоверным, даже до того, как будет получена его дефиниция. Затем необходимо вывести из этого следствия, стараясь получить, прежде всего, только истинные и совершенно достоверные суждения об объекте, даже прежде, чем может быть получено желаемое определение... Правило второе: особое внимание следует обратить на невыводные суждения о предмете, выделив то, что в нем в первую очередь без сомнения наличествует, и после того,

⁴⁵ Körner S. Kant. Göttingen, 1967. S. 102.

как получена уверенность в том, что одно суждение не содержится в другом суждении, предпослать их *подобно аксиомам в геометрии* в качестве основы для всех последующих выводов. Отсюда следует, что в метафизических рассуждениях следует всегда особо выделять то, что знаешь достоверно, даже если этого мало. Можно также пытаться использовать менее достоверные суждения, чтобы посмотреть, не приведут ли они к каким-либо достоверным выводам, однако так, чтобы не смешивать их с первыми⁴⁶.

Из этой цитаты следует, что именно с текстовым «как если бы» — суждением Кант связывает *модальность достоверности*, или, по его выражению, *аподиктичности*, которая так важна для философского рассуждения Канта.

Кант критического и посткритического периодов остается в том, что касается взаимоотношений языка и мышления, на первый взгляд, верным Канту *докритическому*, ибо в своей «Критике эстетической способности суждения» он продолжает говорить о знаках языка как о простых символах (*Charakterismen*), то есть как об обозначениях понятий с помощью сопровождающих их чувственно воспринимаемых знаках (*custos*), которые:

...не содержат ничего, чтобы соотносилось с созерцанием объекта, а служат в соответствии с законом ассоциации способности воображения, следовательно, в субъективных целях средством *репродуцирования*; таковыми являются *слова*, или воспринимаемые визуально (алгебраические, даже мимические) знаки, просто как *экспоненты для понятий* (KV, 295).

И в «Антропологии» Канта читаем:

Знаки (*Charaktere*) все еще не являются символами, ибо они могут быть просто опосредующими (косвенными) знаками, ко-

⁴⁶ *Kant I. Untersuchung über die Deutlichkeit der Grundsätze ... S. 755—756.*

торые сами по себе ничего не значат, а только благодаря своему сочетанию ведут к созерцаниям, а эти последние — к понятиям. Поэтому символическое познание должно быть противопоставлено не интуитивному, а дискурсивному, при котором *знак (Charakter) только сопровождает понятие как страж (custos), чтобы в случае необходимости воспроизвести его*⁴⁷.

В «Заметках к Антропологии» Кант называет эту способность *способностью означивания*, то есть способностью соотносить представления с их предметом не непосредственно, а лишь замещая их с помощью знаков или только их обозначая⁴⁸.

Однако Кант был бы тривиальным мыслителем, если бы он представлял только эту одностороннюю, восходящую к Античности (Эпикуру), а затем и к Р. Декарту языковую парадигму.

В своей «Антропологии-Дидактике» он говорит о языке уже иначе, а именно:

Всякий язык есть обозначение мыслей, и, наоборот, самый лучший способ обозначения мыслей — это обозначение их посредством языка, *этого величайшего средства понять себя и других*. Мыслить — значит говорить с самим собой (индейцы острова Таити называют это «речью в животе»), следовательно, и слышать также себя внутренне (с помощью репродуктивной способности)⁴⁹.

Это прекрасное в своей глубине место показывает, что *критический* Кант ставит знак равенства между мышлением и речью, то есть языком и процессами слушания и говорения.

Эту же мысль он проводит в § 16 «Антропологической дидактики», где им обсуждается роль слуха в процессе общения. В частности, он отмечает следующее:

⁴⁷ *Kant I. Anthropologie-Didaktik // Werke ... Bd. 10: Schriften zur Anthropologie, Geschichtsphilosophie, Politik und Pädagogik. S. 497.*

⁴⁸ *Erdmann B. Op. cit. S. 97.*

⁴⁹ *Kant I. Anthropologie-Didaktik ... S. 500.*

Способность слышать есть одно из чувств чисто опосредованного восприятия. Благодаря окружающему нас воздуху и посредством его опознается полностью отдаленный от нас предмет. И также благодаря этому средству, которое приводится в движение речевым органом, ртом, люди могут самым доступным и совершенным образом обмениваться друг с другом мыслями и чувствами, главным образом, потому что звуки, посылаемые от одного [человека] к другому, членораздельны. *Их связь, производимая рассудком по определенным правилам, составляет язык.* Однако образ предмета звучанием не передается, и звуки языка не ведут непосредственно к представлению о нем, но именно поэтому, а также потому, что они сами по себе ничего не значат, по крайней мере, не представляют объекта, а *выражают* всегда только внутреннее чувство, *они являются превосходным средством обозначения понятий.* И глухонемые, которые именно поэтому вынуждены оставаться немыми (без языка), никогда не могут достичь большего, чем только а н а л о г а разума⁵⁰.

Кроме того, говоря о языке как величайшем средстве понять себя и других, Кант подчеркивает его коммуникативную функцию, а это уже точка зрения, намного превосходящая взгляды философа на язык в докритический период творчества.

Основополагающим в этой связи следует считать § 36 «Антропологической дидактики», где его взгляды на язык получают эксплицитное выражение. Кант понимает язык прежде всего как средство обозначения, выражения мыслей и понятий, то есть он подчеркивает сигнификативную функцию языка. Но не только это. Он отмечает далее тесную связь языка и мышления во внутренней речи человека: мыслить — значит *говорить с самим собой...* следовательно, *слышать самого себя* (через репродуктивное воображение)⁵¹.

Тем самым Кантом устанавливается корреляция «Я мыслю» и «Я говорю». Подобно тому, как представление «Я мыслю» сопровождает каждый акт мышления субъекта, точно так же представление «Я говорю» в принципе может сопровож-

⁵⁰ Kant I. Anthropologie-Didaktik ... S. 448.

⁵¹ Ibid. S. 500.

дать каждый его речевой акт. Если первое представление свидетельствует о бытии субъекта как мыслящего существа, то второе — о существовании его как существа говорящего. Но если первое есть бытие для себя, то второе — для других, вернее, также и для других. Именно этот коммуникативный аспект подчеркивается в определении Кантом языка как «величайшего средства понять себя и других».

В первой части своей «Антропологии» («Антропологическая дидактика» § 5) Кант вводит также понятие *способности означивания (обозначения)*, присущей человеку, и дает ей следующее определение:

Способность определения настоящего момента как средства, связывающего предыдущее представление с последующим, есть способность обозначения. Действие души по активизации этой связи есть означивание (*signatio*), которое называется также сигнализированием (*Signalieren*), только более высокая степень которого называется выделением (*Auszeichnung*)⁵².

О тождестве процессов мышления и говорения свидетельствует также следующее место из «Прологомены» (§ 39):

Обнаружение в обыденном мышлении понятий, которые не основываются ни на каком особенном опыте и, тем не менее, встречаются во всяком опытном знании, составляя как бы одну лишь форму его связи, требует не более мыслительных усилий и понимания, чем поиск в каком-либо языке правил действительного употребления его слов вообще и, следовательно, собирание элементов его грамматики (*оба изыскания действительно очень близки друг другу*), будучи, однако, не в состоянии указать причину, почему каждый язык имеет именно это, а не другое формальное качество и, еще менее, почему имеется столько — не больше и не меньше — такого рода формальных правил языка⁵³.

⁵² *Kant I. Anthropologie-Didaktik ... S. 497.*

⁵³ *Kant I. Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können // Werke ... Bd. 5 : Schriften zur Metaphysik und Logik. S. 192.*

Из этой аналогии между трансцендентальным мышлением и языком, указываемой Кантом, можно сделать вывод о том, что грамматические категории языка составляют систему априорных элементов (понятий и правил), которые не могут быть выведены из речевого опыта, но, тем не менее, для него предназначены и без которых сам этот опыт не может состояться; что каждый язык обладает индивидуальным набором таких категорий и что эти элементы трансцендентальной грамматики (как и категории мышления) не поддаются дальнейшему анализу, так как сам этот анализ уже предполагает их функционирование (актуализацию).

Мышление как деятельность по получению знания об объектах мира — это прежде всего знаковая деятельность, так как язык поставляет материал для рефлексии, которым оно оперирует. И Кант заключает:

Следовательно, все понятия, а с ними и все основоположения как бы они ни были возможны a priori, должны соотноситься с эмпирическими созерцаниями как материалом возможного опыта. Без этого они не имеют никакой объективной значимости, а суть лишь игра способности воображения... своими представлениями (KGV, 335).

Двойственная природа языкового знака, его обращенность своей материальной стороной к чувственности, а идеальной — к сознанию и мышлению как нельзя лучше подходит на роль того эмпирически многообразного, данного в созерцании, которое синтезируется с помощью априорных форм созерцания и мышления с целью получения предметного знания о мире.

Языковые знаки как материальные явления (экстенсивные и интенсивные величины) и правила их сочетаемости представляют собой лишь инвентарь, количественное и качественное многообразное, материю текста, синтезируемую в его пространстве, которое поэтому следует считать *априорным* условием возможности создания текста. Высказывания Канта о всеобщих предпосылках (формах) мышления и созерцания можно отнести и к языковым знакам, а именно:

Если я не буду в состоянии постоянно удерживать в памяти и репродуцировать предыдущие элементы (первые отрезки линии, предшествующие моменты времени или сменяющие друг друга единицы) при переходе к последующим, то мне никогда не получить ни одного целостного представления и ни одной из предыдущих мыслей, какими бы чистыми они ни были, ни первых основополагающих представлений пространства и времени (KGV, 180).

Таким образом, Кант имеет здесь в виду под единицами и языковые, то есть речевые единицы, и их линейное (временное) развертывание.

Для того чтобы мыслить себе текст как нечто связанное, понятие связи уже должно быть дано самой процедуре связывания. Правила связи должны предшествовать этому акту. Поскольку связь, по Канту, есть единственное представление, которое не может быть заимствовано из опыта, а, напротив, сам опыт становится только и возможен благодаря ей, постольку она априорна. Поэтому следует согласиться с мнением Ю.С. Степанова о том, что Кант впервые определенно связал функции мышления с формами суждений и, следовательно, предложил путь, не рассуждая об этом специально, от формы суждений к формам языка⁵⁴.

Интересно отметить, что уже в докритический период Кант говорит порой о единстве знака языка и его значения, в частности, заслуживает внимания замечание Канта в одной из работ докритического периода:

Состояние, в котором я слышу имя «Стагирит», есть нечто, благодаря чему полагается нечто другое, а именно моя мысль об определенном философе⁵⁵.

Здесь философ определенно подчеркивает единство двух сторон языкового знака, говоря по-современному, *единство*

⁵⁴ Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. М., 1985.

⁵⁵ Kant I. Versuch den Begriff der negativen Größen ... S. 817.

означающего и означаемого. Это единство обеспечивается репродуктивной способностью воображения. В нашем случае означающее «Стагирит» и означаемое, «мысль об определенном философе», связаны ассоциативно: как только произносится первое, тотчас появляется и второе и наоборот. При этом связь эта постоянна, так как она всякий раз репродуцируется. Оба компонента знака находятся, следовательно, в отношении *взаимной каузальности*, то есть обусловленности друг другом. Этот принцип, лежащий в основе воспроизведения связи между означающим и означаемым, является, по Канту, априорным. Он поясняет это также в следующих словах:

...точно так же, как если бы некое слово обозначало то одну, то другую вещь и если бы одна и та же вещь называлась то так, то иначе, без всякого правила, которому бы подчинялись явления, то не мог бы состояться и эмпирический синтез их воспроизведения (KrV, 178).

То, что Кант говорит о составных частях линии или числа, имеет силу также и для языка. В самом деле, при нарушении определенного порядка следования компонентов слова, словосочетания, предложения или текста они не могут быть опознаны как целостные семантические единицы данного языка. Или если я, переходя к последующему, не буду удерживать в памяти предыдущее, то не возникнет ни одного целостного представления о единицах текста и о тексте в целом. Иными словами: как представление «Я мыслю» сопровождает каждый акт мышления субъекта в силу трансцендентального синтетического единства апперцепции, точно так же и «Я говорю» должно в принципе быть в состоянии сопровождать каждый его речевой акт в силу *трансцендентального единства речевой апперцепции субъекта*. Если, по Канту, познание лишь тогда становится познанием, когда субъект производит суждение, то это означает, что мышление предполагает язык.

Показательно в этой связи одно из примечаний в его полемическом трактате «Об одном открытии, после которого вся-

кая новая критика чистого разума должна быть упразднена ввиду наличия прежней», направленном против Эберхарда, а именно:

«Критика» указала на различие между проблематичными и ассерторическими суждениями. Ассерторическое суждение является утверждением (тезисом). Логики поступают совершенно неправомерно в том, что они определяют утвердительное суждение (тезис) как суждение, выраженное словами; ибо мы вынуждены и для производства суждений, не являющихся тезисами, пользоваться в мышлении словами⁵⁶.

Из этой цитаты следует, что *посткритический* Кант делает мышление зависимым от языка, и это происходит не косвенно (с помощью аналогий или символически), а *прямо*, то есть что они образуют непосредственное единство.

Кант говорит также, что познание есть суждение, из которого вытекает понятие, *имеющее объективную реальность*. Таким образом, язык придает понятиям статус реальности (действительности). Структура суждения и структура опыта совпадают. В трактате «Какие успехи сделала метафизика со времен Лейбница и Вольфа в Германии?» (1804) он подчеркивает, что опыт состоит из предметного созерцания, то есть отдельного непосредственного представления, с помощью которого предмет дается для познания, и из понятия, представления, свойственного многим вещам, посредством которого предмет мыслится. Построение суждения и его языковое выражение тесно связаны с учением Канта об априорной форме знания. Дело в том, что если, по Канту, как указывалось выше, в основе синтеза представлений в суждении лежит принцип чистой апперцепции «Я мыслю», то оно включает в себя также и понятие «Я созерцаю». В суждении созерцающее и мысля-

⁵⁶ *Kant I. Über eine Entdeckung, nach der alle neue Kritik der reinen Vernunft durch eine ältere entbehrlich gemacht werden soll // Werke S. 304—305.*

щее «Я» разводится как бы по своим местам. Первое определяет позицию субъекта суждения, второе — позицию предиката. Первую позицию можно назвать априорным местом представления созерцательных потенций субъекта, оно обслуживается способностью воображения, синтезирующей данные созерцания, вторую — априорным местом представления синтезирующей способности рассудка субъекта. Связь между ними происходит с помощью трансцендентального единства апперцепции.

Таким образом, в производстве суждения задействованы все познавательные способности души субъекта: способность созерцания, способность воображения, рассудок и его основа — чистая апперцепция. При этом предполагается, разумеется, и языковая способность, так как суждение должно быть сообщено другим и иметь силу также и для других. Кант говорит о том, что в суждении постулируется «всеобщий голос», то есть голос всеобщего одобрения самой возможности производства подобного суждения (KV, 130).

Естественно поэтому принять, что под «всеобщим голосом» Кант имеет в виду свойственную человеку мыслительную способность и средство ее выражения — язык и его коммуникативную функцию.

Далее Кант различает суждение как таковое и тезис, или утвердительное суждение (*Satz*). Под ним понимается суждение, произведенное с ассерторической модальностью, то есть модальностью утверждения. В условном суждении «Если тело простое, то оно неизменно» содержится отношение двух суждений, из которых ни одно не является утверждением. Таковым их делает только *отношение следования* второго суждения (консеквента) из первого (антецедента). Суждение «Некоторые тела просты» может заключать в себе противоречие и, тем не менее, может быть высказано с целью выяснения того, что оно может за собой повлечь, если будет высказано как утверждение, то есть как положение (тезис). Ассерторическое суждение «Всякое тело делимо» значит больше, чем проблематическое типа: «Следует полагать, что всякое тело делимо»,

так как оно подчинено общему логическому принципу утверждения, а именно, что каждое утверждение должно быть обосновано (а не быть просто любым логически возможным суждением). Это отвечает принципу непротиворечивости, ибо в противном случае оно не будет иметь статус тезиса, то есть не будет утверждением (KV, 130).

Часть этого трактата интересна, во-первых, тем, что она показывает, что уже у Канта мы наблюдаем то, что позднее в лингвистической философии получило название «пропозиция» и «пропозициональная установка». Во-вторых, здесь изложен основной принцип построения философского дискурса: сначала производится простое самоочевидное суждение (Кант называет его термином *unerweislich*, что означает «невыводное»), затем оно проходит процесс обоснования и лишь после этого становится утверждением, структура которого состоит из утвердительной *пропозициональной установки и диктума* вида: «Доказано (обосновано, следует утверждать), что тела делимы» и т. д.

Итак, взгляды Канта на язык могут быть адекватно выявлены, если при этом опираться не на его прямые высказывания о языке, продиктованные языковой картиной мира своего времени, восходящей во многом к Античности, предрассудки которой, как кажется, разделяет Кант. Но прежде всего на его косвенные высказывания, которые не столь подвержены личностным цензор-процессам, и следуют из его философских воззрений как побочный продукт. Ключевое значение при этом имеет категория интеллектуальной (мыслительной) деятельности субъекта, которая уже полностью раскрыта у Канта.

Таким образом, мы можем сказать, что у *критического и посткритического* Канта роль языка как средства мышления и познания, а также как средство коммуникации значительно возрастает, что обусловлено уже самой его теорией познания. Если одно из главных ее положений гласит, что наше мышление и познание имеет дело только с явлениями, а не с вещами в себе, то это означает, что такая нематериальная вещь, как

мысль должна с необходимостью принять форму явления, то есть языка (текста), чтобы стать для нас предметной. Говорить о трансцендентальном синтезе, не производя его одновременно над языковыми знаками, означало бы отрицать его объективную значимость для любого многообразного в явлении, что, разумеется, несовместимо с Кантовыми интенциями. Ибо, согласно Канту, формы предметного знания априори вносятся в поток наших представлений, которые мы извлекаем из опыта, — в том числе опыта-текста, — как ясного понятия, потому что сами вложили формы в опыт, и с их помощью сделали возможным и сам опыт (KrV, 290).

Слова Канта, приведенные выше, не относятся напрямую к языку и тексту, но ему принадлежит следующее высказывание, которым можно, на наш взгляд, закончить эту проблематику:

Я только замечу, что нет ничего необычного в том, что как в обыденной речи, так и в сочинениях можно путем сопоставления мыслей, высказанных каким-либо автором о своем предмете, понять его лучше, чем понимал он сам себя, ввиду того что он недостаточно определил свое понятие, и тем самым иногда говорил или думал вопреки своему собственному намерению (KrV, 396).

Глава II
ВОПРОСЫ СИНТАКТИКИ
ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА И. КАНТА

1. Дискурс Канта
как глобальное текстовое суждение *a priori*

Выше (гл. II, разд. 3) уже говорилось о том, что в «Прологоменах» Кант проводит прямую параллель между априорными формами познавательной обработки эмпирического материала и формами языка, иными словами, между категориями познавательного мышления и категориями языка. Тем самым Кант дал повод к лингвосемиотической интерпретации своей теории трансцендентального способа получения знания. Еще современник, друг и антипод Канта Иоганн Георг Гаман, критикуя Канта, указывал:

... слова как зримые и воспринимаемые слухом явления относятся вместе со своими элементами к чувственности, а по сущности своего употребления и значения — к рассудку и понятиям; следовательно, они суть, с одной стороны, чистые эмпирические созерцания, а с другой — чистые эмпирические понятия: эмпирические, потому что они воздействуют на зрение и слух, а чистые они постольку, поскольку их значение и смысл не определяется вызываемыми ими ощущениями⁵⁷.

Важно указание Гамана на то, что слова приобретают предметность для рассудка только благодаря их употреблению

⁵⁷ *Hamann J. G. Metakritik über den Purismus der Vernunft // Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler : in 6 Bdn. Wien, 1951. Bd. 3. S. 288.*

и получаемому ими при этом смыслу. Здесь он, без сомнения, имеет в виду речь, то есть, в конечном счете, текст, в рамках которого языковые знаки обретают способность характеризовать предмет знаковой деятельности.

Следует заметить, что, критикуя Канта, Гаман находится фактически в рамках Кантовой парадигмы, распространяя лишь его теорию на языковые знаки. Об этом свидетельствует и употребляемая Гаманом кантовская терминология.

Несомненно, прав и Г. Гиппер в том, что «именно язык составляет нам прекрасный пример того синтеза чувственности и рассудка, которого так ищет Кант»⁵⁸. Эту же мысль, но несколько в других словах, выражает и П. Рос: «Категориальный синтез есть синтез, непосредственно связанный с языком, с высказыванием... Мы не можем говорить, не совершая категориального синтеза, и мы не можем производить категориальный синтез вне актов говорения»⁵⁹. Также Г. Шёнрих: «Спрашивать о вещах без посредства знаковой деятельности — все равно, что спрашивать о значении без знаков»⁶⁰.

Интересно отметить, что первые попытки применить кантовские категории к обсуждению языковых проблем восходят к 1805 году. Об этом, в частности, сообщает К. Розенкранц в своей «Истории Кантовой философии», а именно:

Один неизвестный издал в Кёнигсберге книгу под названием «Философские принципы общего учения о языке, по Канту и Сэю», содержащую подробный анализ указанных принципов. Автор книги говорит о том, что он был другом Канта, и что он представил ему свой проект системы языка на отзыв, но который затем, однако, затерялся среди бумаг философа. <...> Эта работа написана со знанием дела и с умом. Специальное применение

⁵⁸ *Gipper H.* Das Sprachapriori. Stuttgart-Bad Cannstatt, 1987. S. 110.

⁵⁹ *Rohs P.* Transzendente Logik // Monographien zur philosophischen Forschung. Meisenheim am Glan, 1979. Bd. 145. S. 126.

⁶⁰ *Schönrich G.* Kategorien und transzendente Argumentation. Kant und die Idee einer transzendentalen Semiotik. Frankfurt a/M, 1981. S. 143.

Кантовой системы прилагается в конце в виде таблицы, сделанной на основе категорий. Особенно глубоко излагается глагол и синтаксис⁶¹.

Все сказанное выше подтверждает мысль о том, что сама теория познания Канта, ввиду ее универсального характера, дает повод к ее лингвосомиотической интерпретации, о чем свидетельствуют также и работы по философии языка последних лет.

Итак, мышление как деятельность по получению знания об объектах мира — это прежде всего знаковая деятельность, так как язык составляет ему средство для рефлексии, которым оно оперирует:

Все понятия, а вместе с ними и все основоположения, какими бы априорными они ни были, должны соотноситься с эмпирическими созерцаниями как материалом возможного опыта. Без этого они не имеют никакой объективной значимости, а являются всего лишь игрой способности воображения или рассудка своими представлениями (KrV, 335).

Языковые знаки как материальные сущности (экстенсивные и интенсивные величины) предполагают наличие текстового пространства, в котором они функционируют (*пространство текста также следует считать априорным условием возможности функционирования языковых знаков как эмпирических явлений*), так как, по Канту, для того чтобы я мог воспринять их как находящихся вне меня или как следующих друг за другом, представление о текстовом пространстве, то есть *пространстве как текстуальной категории*, должно быть мне уже дано. Только в пространстве текста действуют те правила синтеза, о которых Кант говорит:

Если я не буду постоянно удерживать в памяти и воспроизводить предыдущие элементы (первые отрезки линии, предыду-

⁶¹ Rosenkranz K. Geschichte der Kantischen Philosophie. Berlin, 1987. S. 271—272.

щие моменты времени *или сменяющие друг друга единицы*) при переходе к последующим, то мне никогда не удастся получить ни одного целостного представления и ни одной из предыдущих, пусть даже самых чистых мыслей, ни первых основополагающих представлений пространства и времени (KгV, 180).

Применительно к тексту это означает, что для получения целостных семантических единиц речи, необходимо удерживать в памяти предыдущие слова и их элементы, предыдущие словосочетания и предложения, и предыдущие части текста вообще, и выражаемые ими мысли. В «Заметках к антропологии» Кант выражается еще более определенно, а именно: «При говорении мы всегда несколько возвращаемся назад и заглядываем вперед, без чего связь была бы невозможна»⁶².

Тем самым здесь философом сформулирован один из *основных априорных принципов синтактики и порождения текста*, принцип его *ретроспективно-перспективного*, иными словами, *тема-рематического развертывания*.

Следовательно, согласно Канту, чтобы мыслить себе текст как нечто целостное, представление о связи предшествующего и последующего моментов речи должно быть уже дано. Так как связь — это единственное представление, которое не может быть заимствовано из опыта, ибо сам опыт возникает благодаря ей, то есть поэтому она априорна. Но дадим слово самому Канту:

Связь не существует в предметах и не может быть заимствована из них посредством восприятия и внесена тем самым в сознание, а есть единственно продукт рассудка, который есть не что иное, как *способность связывать a priori* и подводить многообразное данных представлений под единство апперцепции, какое положение есть высшее во всем человеческом познании (KгV, 177).

И эту способность Кант называет способностью суждения. Следовательно, пространство текста — это поле деятельности

⁶² Erdmann B. Op. cit. S. 1039.

способности суждения субъекта, которая характеризуется Кантом как способность рефлексии по поводу данного представления с целью получения понятий о нем, или как способность определять какое-либо понятие посредством данного эмпирического представления. В первом случае речь идет о рефлексивном, а во втором — об объективном применении данной способности субъекта мышления.

Важно подчеркнуть, что тестовое суждение отличается от одного отдельно взятого суждения-предложения тем, что в нем совершается целый комплекс категориальных синтезов, так как в нем действуют по крайней мере четыре способности мыслящего и речевого субъекта, а именно: способность суждения (*Urteilkraft*), способность воображения (*Einbildungskraft*), способность изображения (*Darstellungsvermögen*), а также способность обозначения, означивания (*Bezeichnungsvermögen*).

Способность суждения определяется Кантом как «способность внутреннего чувства делать свои собственные представления объектом своего собственного мышления»⁶³.

В критический период своего творчества Кант различает уже три способности суждения, а именно: рефлексивную (*die reflektierende Urteilkraft*), определяющую (*die bestimmende Urteilkraft*) и оценивающую (*Beurteilungsvermögen*). В «Критике способности суждения» Кант, об этом уже говорилось выше, характеризует первую как «способность рефлексии по поводу данного представления с целью получения возможного понятия о нем», вторую — как «способность определения какого-либо понятия с помощью данного эмпирического представления», а третью — как «способность рефлектирующей оценки (*facultas diiudicandi*)»⁶⁴.

В этой же «Критике» Кант указывает на два способа, или метода изложения мыслей — эстетический (*modus aestheticus*) и

⁶³ Kant I. Die falsche Spitzfindigkeit der vier syllogistischen Figuren ... S. 614.

⁶⁴ Ibid. Bd. 8. S. 251.

логический (*modus logicus*). При первом руководствуются чувством единства, а при втором — определенными принципами. Так как операция по связыванию или, иными словами, конструированию текста, не является, по Канту, прерогативой чувственности, а мы сами вносим ее посредством спонтанной деятельности рассудка как инстанции *априори*, то указанные принципы — суть также априорные принципы, поскольку рассудок есть способность априорной связи и подведения эмпирического многообразного материала под синтетическое единство апперцепции субъекта, а в случае с дискурсом — под единство *речевой апперцепции* (речевой компетенции) субъекта.

Первый априорный принцип — *принцип коммуникативности* (*sensus communis*), или общности, согласно которому должно быть возможно, чтобы состояние, разыгрывающееся в субъекте как следствие работы способности воображения по синтезу созерцаемого многообразного материала и деятельности рассудка по конструированию из него предмета, было сообщено другим, ибо производство суждения с целью определения объектов, с которыми данные представления должны совпадать, есть единственный способ их подачи, имеющий силу для каждого⁶⁵.

Далее речь идет о *принципе предметности*, в основе которого лежит априорное понятие предмета вообще, которому Кант дает такую формулировку:

Однако мы находим, что наша мысль об отнесенности всякого познания к своему предмету содержит в себе нечто необходимое, так как он [предмет] характеризуется как то, что расположено перед нами (*was davor ist*), чтобы наши знания возникали не наобум или как заблагорассудится, а были определены а priori, ибо они, будучи соотнесены со своим предметом, должны с необходимостью согласовываться также и между собой, то есть должны обладать тем единством, которое обусловлено понятием данного предмета (KrV, 184).

⁶⁵ Kant I. Die falsche Spitzfindigkeit der vier syllogistischen Figuren ... S. 321.

В отношении к тексту это значит, что его единство следует из *априорного понятия темы*.

Важным принципом выступает также *принцип планомерности, (планирования)* рассуждения. В этой связи уместно привести слова Канта:

Когда мы размышляем о каком-либо предмете, то всегда должны судить предварительно и как бы предвосхищать тот результат, который еще предстоит получить путем размышления. Точно так же и при попытках что-либо изобрести или открыть, всегда нужно составлять себе предварительный план, иначе течение мыслей будет лишь случайным⁶⁶.

Продуктом деятельности способности суждения как рефлексии о предмете вообще является суждение и естественно текст как глобальное суждение, или макросуждение. К нему применимы те пять критериев, или качеств, которые установлены Г. Шёнрихом⁶⁷ по отношению к простому суждению-предложению, а именно:

1. *Компетентная субъективность*. Операциональный аспект порождения текстового суждения предполагает деятельность субъекта по его порождению, то есть наличие у него компетенции для обеспечения этой деятельности.

2. *Чистая априорность*. Правила деятельности субъекта по порождению текста не могут быть выведены из самой этой деятельности, то есть они должны быть даны априори, так как сама эта деятельность по порождению текста становится возможной благодаря данным правилам.

3. *Рефлексивность*. Порождая текст, говорящий субъект осознает себя как источник этой деятельности, так как каждый речевой акт представляет собой продукт его речевой способности. Важность рефлексии как логической операции Кант подчеркивает специально, утверждая, что «все суждения и даже, более того, все отношения сравнения нуждаются в рефлексии» (KV, I, 286). В другом месте он указывает:

⁶⁶ Кант И. Трактаты и письма ... С. 382—383.

⁶⁷ Schönrich G. Op. cit. S. 85.

...понятия рассудка мыслятся априорно до опыта и с целью его получения, но они не содержат ничего кроме единства рефлексии по поводу явлений в той мере, в какой они с необходимостью должны относиться к возможному эмпирическому сознанию... (KV, I, 319).

4. *Конституитивность*. Конституитивность правила темы как априорного условия его порождения состоит в том, что оно не может быть нарушено без того, чтобы сохранить текст в целостности.

5. *Единая функциональность*. Правило — это общее условие, в соответствии с которым некое многообразие может быть положено, экспонировано, иными словами, условие и обусловленное могут принимать форму более конкретных отношений, например отношения субъекта к предикату, причины и следствия, целого и части и др. По существу, это правило *темы текста*.

Следующий важный априорный принцип рассуждения (и построения текста) — *принцип спецификации*, согласно которому общее понятие получает свою дальнейшую проработку с помощью более частных понятий или определений, в результате чего становится все более полным и может претендовать на статус реальной дефиниции объекта. Дело в том, что, по Канту, чем больше следствий может быть выведено из данного понятия, тем больше доказательств его объективной реальности.

В отличие от суждения — предложения, в котором имеет место отношение субъекта суждения к его предикату (подлежащего к сказуемому), *текстовое суждение характеризуется отношением темы и текста*. Тема — условие, текст — обусловленное. Отношение темы как импликата к тексту как ее экспликуату, есть, собственно, отношение тождества априори, так как процесс порождения текста предполагает тождество темы и текста заданным: *текст — операциональный аспект темы, а тема — свернутый текст*.

О том, что соблюдение темы в речевом произведении — правило, свидетельствует и наша повседневная речевая прак-

тика: мы говорим «не отклоняйся от темы», или «мы, кажется, ушли от темы», если вдруг замечаем, что отвлеклись. В этой связи Ван Дейк подчеркивает: «Мы интуитивно ощущаем, что такие темы, или тематические элементы каким-то образом организуют все наиболее важное в тексте. Они, по сути, определяют итог того, что сказано или написано»⁶⁸.

Тема текста является в первую очередь *конститутивным правилом*, в основе которого лежат логические принципы тождества (*dictum de omni*) и противоречия (*dictum de nullo*). Первое Кант определяет как «то, что утверждается о понятии вообще, утверждается также и о каждом, содержащемся в нем», а второе — как «то, что отрицается о понятии вообще, отрицается и о каждом в отдельности, входящем в объем его содержания»⁶⁹. Это означает, что суждение, содержание которого не соответствует теме или противоречит ей, должно быть элиминировано, а суждения, попадающие под тему — подчиняться принципу спецификации, то есть поставлять теме множество более частных суждений, развивающих тему и составляющих с ней единство, так как, согласно Канту, любое познание объекта предполагает:

Во-первых, единство понятия, которое можно назвать качественным постольку, поскольку оно мыслится как единство, объединяющее многообразное познания, как, например, *единство темы в пьесе, речи, басне*. Во-вторых, истинность следствий: чем больше истинных следствий содержит данное понятие, тем больше признаков его объективной реальности. Это можно было бы назвать качественным многообразием признаков, принадлежащих понятию как их общему основанию. И наконец, в-третьих, полнота (*Vollkommenheit*), состоящая том, что это единое многообразное в свою очередь вновь возвращается к единству понятия, согласуясь только с ним и никаким другим. Это можно было бы назвать качественной полнотой (тотальностью) (KV, I, 124).

⁶⁸ Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 237.

⁶⁹ Kant I. Die falsche Spitzfindigkeit der vier syllogistischen Figuren ... S. 601.

Здесь фактически Кантом сформулированы правила развертывания текстового суждения в его отличии от одного отдельно взятого суждения-пропозиции: оно должно характеризоваться единством темы, полнотой признаков, выводимых из нее, которые должны затем быть согласованы с темой и совпадать только с ней.

Помимо категорий количества и качества текстовое суждение подчинено *категории отношения (каузальности)*: тема текста служит основанием, а текст — следствием из него, так как тема представляет собой нечто общее, содержащее в себе многообразное, то есть многие другие понятия и суждения, следующие из темы (общее представление является основанием многих других).

Априорной категории *отношение* подчинена и такая особенность текстового суждения, как его *иллокутивная комплексность*. Подобно тому, как в основе суждения заложен принцип обусловленности одного понятия другим, точно так и в основе текста с качеством философского дискурса лежит априорный принцип обусловленности одного речевого акта другим. Это означает, что, например, такой речевой акт, как полагание, или постулирование того или иного положения, влечет за собой речевые акты с функцией подкрепления сказанного, то есть такие иллокутивные акты, как обоснование, доказательство, иллюстрация, пояснение и другие, что отвечает одному из основных принципов трансцендентальной и формальной логики, в соответствии с которым, согласно Канту, каждое положение должно быть обосновано.

Такое качество философского дискурса Канта, как *достоверность* также требует аргументации. *Принцип достоверности* Кант характеризует следующим образом:

Что касается достоверности, то я сам себе вынес следующий приговор: в данном виде рассуждения ни в коей мере не должно быть дозволено, м н и т ь. И все, что имеет хотя бы признак гипотезы, является запрещенным «товаром», который не имеет права предлагаться, хотя бы за самую малую цену, а, напротив, как только он обнаружится, должен быть сразу изъят. Ибо всякое

априорное знание, как таковое, само о себе заявляет следующее: *оно желает, чтобы его считали без всяких оговорок необходимым, и, более того, присущим всем чистым знаниям a priori*, каковое свойство призвано быть мерилom и, следовательно, образцом всякой аподиктической (философской) достоверности (KV, I, 15).

Таким образом, с принципом достоверности тесно связана и *категория модальности*, ибо каждое понятие согласно постулатам эмпирического мышления Канта обсуждается сначала как возможное, затем представляется как действительное и, наконец, подается как необходимое. В этом еще одно отличие текстового суждения от одного отдельно взятого суждения-предложения; качество, которое можно было бы назвать *комплексной модальностью a priori*. В целом же текстовое суждение обладает аподиктической модальностью, то есть модальностью абсолютной необходимости и достоверности.

Кроме того, в отличие от суждения — предложения текстовое суждение, как упоминалось выше, подчинено априорному принципу *sensus communis*, или принципу общественного (всеобщего) одобрения. Дело в том, что связь понятий в сознании одного отдельного индивида имеет всего лишь субъективную значимость, в то время как их связь в сознании вообще имеет значимость объективную. Этот принцип тесно соотносен с обсуждавшимся выше принципом коммуникативности. Под понятием *sensus communis* Кант имеет в виду:

Идею всеобщего сознания, или всеобщей способности оценки, которая при внутренней рефлексии делает мысленно поправку *a priori* на способность представления каждого для того, чтобы как бы проверять свое суждение всеобщим человеческим разумом и тем самым избежать иллюзии, обусловленной субъективными причинами, которые легко могут быть приняты за объективные и могут отрицательно сказаться на производимом суждении... Эта операция рефлексии может показаться слишком искусственной, чтобы ее приписывать способности, называемой нами всеобщим чувством (*der gemeine Sinn*), но это только видимость, обусловленная абстрактно-формальным способом выра-

жения. Однако в действительности нет ничего естественней, как абстрагироваться от раздражения или умиления, если хотят получить суждение, долженствующее стать всеобщим правилом»⁷⁰.

Данный принцип *объективации* можно было бы назвать *прагматическим*, так как он учитывает фактор адресата. При этом основание, которым руководствуется адресант, имеет силу для каждого постольку, поскольку все обладают разумом.

И наконец, необходимо упомянуть три всеобщих *максимы рефлексивного мышления* Канта, а именно: *думать самому, думать на месте каждого и думать в согласии с самим собой*. Первая максима непосредственного, вторая — объективного, третья — последовательного мышления⁷¹.

Однако наиболее важной максимой Канта следует считать, как кажется, *максиму критического мышления*, которую философ обосновывает так:

Наш век является, собственно, веком критики, которой должно подвергаться все. Религия при помощи своей святости и законодательство с помощью своего авторитета хотят от нее повсеместно уклониться. Но в таком случае они вызывают законное подозрение и не могут претендовать на искреннее к ним уважение, которое разум проявляет только к тому, что в состоянии выдержать его свободную и публичную проверку (KV, I, 13).

Таким образом, к философскому дискурсу Канта вполне применимы и в этом качестве даже более очевидны и логичны те априорные принципы, с которыми он подходит к простому отдельно взятому суждению и философскому рассуждению в целом как особому виду речемыслительной деятельности по созданию связанного текста, обладающего качеством необходимости, достоверности и аподиктичности. Эти принципы — суть, обязательные условия априори, без которых построение такого текста оказывается невозможным.

⁷⁰ *Kant I. Kritik der Urteilskraft und Schriften zur Naturphilosophie // Werke ... Bd. 8. S. 389.*

⁷¹ *Ibid. S. 390.*

2. Субъектно-речевая структура философского дискурса И. Канта как фактор текстуальности

Тексты Канта и, в частности, текст «Критики чистого разума» представляют собой богатый материал для построения теории так называемого поясняющего, то есть экспонирующего, эксплицирующего, изображающего, дефинирующего, конструирующего понятия и их предмета дискурса. Особенность его состоит в том, что все: логические, синтаксические, лексико-семантические, коммуникативно-речевые и композиционные средства — направлены на получение максимально точной, полной, объективной и аргументированной гносеологической и онтологической характеристики предмета рассуждения.

Специфику философского рассуждения, как об этом уже говорилось выше, Кант показывает путем сравнения операции определения понятия в философии и математике (см.: гл. I, разд. 3) «Философское познание, — говорит он, — есть понятийное познание с помощью разума, математическое познание — с помощью конструирования самих понятий» (KV, II, 613). Философское познание *дискурсивно*, математическое — *конструктивно*. В математике определение понятия происходит сразу и целиком (как результат его конструирования), в философии же — постепенно, в результате рассуждения о нем, то есть более или менее полное определение возникает лишь как конечный результат его обсуждения. Математический метод определения понятия в философии невозможен, так как никогда нельзя быть уверенным в том, что анализ понятия по выявлению его признаков завершен. Поэтому Кант говорит не об определении философского понятия, а о его *экспозиции*, то есть об относительно полном перечислении его признаков в процессе рассуждения о нем. Иными словами, философское понятие содержит всего лишь правило (или принцип) синтеза эмпирического многообразного, данного в опыте, с целью получения знания о нем. А этот синтез никогда не следует считать окончательным.

Таким образом, определение понятия в философии, по Канту, возможно только как его полная экспозиция. Помимо этого термина он употребляет еще и синонимичные ему, такие как *экспликация* и *декларация* (*Explikation* и *Deklaration*). Но в конце концов находит для всех них в немецком языке общий термин — *объяснение* (*Erklärung*). Как видим, основной формой философского рассуждения в тексте «Критики чистого разума» (впрочем, как и в других «Критиках») Канта является *объяснение*. Однако было бы опрометчиво думать, что вывод Канта относительно невозможности дефиниций в философии окончателен. Так, в примечании к данному пассажиру в «Трансцендентальном учении о методе» читаем:

Если бы нельзя было ничего поделать с понятием прежде, чем будет получено его определение, то дело вокруг всякого философствования обстояло бы весьма плачевно. Однако по мере того, как количество элементов (членения) оказывается достаточным для того, чтобы можно было обеспечить ему [понятию] хорошее и надежное применение, то даже неполные определения, то есть суждения, не являющиеся еще, собственно, определениями, но, будучи истинными и, следовательно, близкими к нему, можно применить с весьма большой пользой... (KV, II, 625).

Как видно из данной цитаты, Кант считает, — и в этом следует усматривать, по-видимому, характерную свойственную его манере рассуждения иронию, — что в философии даже неполные определения понятий вполне возможны, так как они ведут к получению более полного определения понятия.

Во втором издании «Критики чистого разума» Кант употребляет уже в значении «истолкование» (*expositio*) не термин *объяснение* (*Erklärung*), а термин *истолкование* (*Erörterung*), хотя первый продолжает им употребляться во второй части определительного суждения как родовое понятие, так что латинскому *expositio* соответствуют два немецких — *объяснение* (*Erklärung*) и *истолкование* (*Erörterung*).

Необходимо отметить, что термин «истолкование» получает у Канта специфическое значение, так как наряду с экспо-

зитивным истолкованием понятия им применяются и такие специфические (индивидуальные) для его метода философского рассуждения формы речи, как «метафизическое истолкование» (*metaphysische Erörterung*), «трансцендентальное истолкование» (*transzendente Erörterung*) и др.

Все это наводит на мысль о том, что одна из важнейших особенностей Кантова дискурса — ярко выраженная обусловленность принципом субъективности, в частности категорией речевого субъекта.

Как отмечает Карл Розенкранц, ставший заведующим кафедрой логики и метафизики после Канта в «Альбертине», XVIII столетие было столетием субъективности, он, например, утверждает: «Следовательно, субъективность заставила в своей безграничности замереть всё: мышление, природу, гражданское общество и даже Бога»⁷².

И в другом месте: «Без сомнения, философия Канта — это философия *субъективности*, однако такой, с помощью которой субъект пожелал вновь обеспечить себе доступ к объекту, а вместе с ним и наполнить себя бесконечным содержанием»⁷³.

Сам Кант определяет категорию субъекта следующим образом:

«Я осознаю самого себя» есть мысль, уже содержащая в себе двойное «Я», «Я» как субъект и «Я» как объект. Как возможно, чтобы я, который мыслит, был сам себе предметом (созерцания), а тем самым мог отличать себя от самого себя, это необъяснимо, хотя является несомненным фактом... О «Я» в первом значении (субъекте апперцепции), логическом «Я» как представлении a priori, совершенно невозможно ничего знать, что это за сущность и какова его естественная природа... Но «Я» во втором значении (как субъект перцепции), психологическое «Я» как эмпирическое сознание доступно многообразному познанию, в котором форма внутреннего созерцания, время есть то, что лежит в

⁷² Rosenkranz K. Immanuel Kants kleine logisch — metaphysische Schriften / hrsg. von K. Rosenkranz. Leipzig, 1838. S. 105.

⁷³ Ibid. S. 192.

основе всех ощущений и их связи, и восприятие которых (*apprehensio*) соответствует тому, как субъект ими аффицируется, то есть побуждая чувственное «я» посредством интеллектуального «Я» к внесению их в свое сознание (KV, V, 601—602).

В «Критике чистого разума» Кант в этой связи также отмечает:

Очевидно следующее: когда хотят представить мыслящее существо, то на его место и, следовательно, на место объекта, который подлежит обсуждению, приходится подставлять себя самого (чего не бывает ни в каком другом виде исследований), и поэтому нам необходима мысль об абсолютном единстве субъекта, потому что иначе невозможно было бы сказать «Я мыслю» (многообразное в одном представлении) (KV, II, 365).

То, что Кант говорит о представлении «Я мыслю», можно вполне отнести и к представлению «Я говорю», а именно:

Представление «Я мыслю» [и соответственно «Я говорю»] должно с необходимостью иметь возможность сопровождать все мои представления, ибо иначе я мог бы иметь представления, которые мной вовсе не мыслятся, что было бы равнозначно самой их невозможности, или, по крайней мере, для меня они были бы ничем... (KV, I, 136).

Продолжая эту аналогию, можно сказать, что все многообразие речевых форм и актов речи, представленных в текстах Канта, должно быть соотнесено с его авторским «Я говорю». Более того, оно должно быть распределено между указанными выше субъектно-речевыми ролями автора текста. При этом определяющую и доминирующую роль будут играть речевые формы и акты речи Канта как *метасубъекта*, то есть как носителя *теории* трансцендентального мышления и познания. Это касается прежде всего специфических кантовских речемышлительных форм, обусловленных самим концептуальным содержанием произведения, таких как «метафизическое истолкова-

ние» (метафизическая экспозиция), «трансцендентальное истолкование» (трансцендентальная экспозиция), «трансцендентальная дедукция», «трансцендентальная рефлексия» и др.

Анализ показывает, что Кант как автор своего текста и носитель своей теории трансцендентального знания, а также как ее интерпретатор и защитник выступает, по крайней мере, в следующих четырех субъектно-речевых функциях:

- носителем теории трансцендентального мышления и познания (метасубъект);
- субъектом эмпирического и трансцендентального мышления, ментальные и речевые акты которого используются для подтверждения, иллюстрации и шире — аргументации в пользу выдвигаемых метасубъектом теоретических положений.
- речевым субъектом, выражающим отношение к своей теории, ее комментатором и защитником, полемизирующим с другими теориями и их авторами и учитывающим фактор адресата с целью обеспечения правильного понимания им тех или иных положений теории трансцендентального знания и познания, убеждения адресата в истинности своих положений, привлечения его на свою сторону и т. д.; иными словами, как экспертной инстанцией теории трансцендентального мышления и познания (трансцендентный субъект);
- собственно речевым субъектом и организатором своего дискурса, ориентирующим читателя относительно хода рассуждения.

Акты речи, «привязанные» к этим четырем субъективным ролям автора текста, будучи взаимосвязанными и взаимодействуя друг с другом, «плетут» причудливую канву кантовского текста.

При этом в качестве «трансцендентальной» формы, объединяющей акты речи всех четырех субъектов, выступает — по аналогии с Кантовым понятием чистой логической апперцепции — *речевая апперцепция автора*, то есть авторское «Я говорю» (по аналогии с кантовским «Я мыслю»). Это последнее следует понимать как априорное представление синтетического единства всех актов речи, производимых автором и консти-

туирующих текст; как представление, принадлежащее его речемыслительной и теоретической компетенции. Вот, например, как Кант определяет «метафизическое истолкование»:

Но я понимаю под истолкованием (*expositio*) ясное (хотя и не полное) представление того, что относится к одному понятию; а метафизическим истолкованием будет такое, которое содержит то, что характеризует понятие как данное a priori (KV, I, 72).

Формулировка определения истолкования выше от «Я»-субъекта свидетельствует о сугубо авторском понимании этой формы рассуждения.

Наиболее типичной формой речевого взаимодействия субъективных ролей автора, а тем самым и порождения текста является взаимодействие между теоретическим «Я» автора (метасубъекта) и его «Я» как субъекта эмпирического теоретического мышления. При этом речь первого субъекта относится к речи второго как *автосемантическая*, или текстоконституирующая форма речи, к *синсемантической*, или тексторазвивающей форме речи. Рассмотрим это на примере §2 «Трансцендентальной эстетики» в «Критике чистого разума».

Первая (преамбульная) часть этого параграфа вводит читателя в курс дела перед тем, как приступить к непосредственному обсуждению проблемы определения пространства и времени, подается от обобщенного эмпирического (инклюзивного) «Мы»-субъекта как носителя обыденного эмпирического теоретического знания, в роли которого выступает сам Кант как автор текста. Вот его характерное начало:

С помощью внешнего чувства (свойства *нашей* (1) души) *мы* (1) представляем себе предметы как нечто внешнее *нам* (1), и все их вместе в пространстве, где определены или определимы их форма, величина и отношения между ними. <...> Внешне время не может созерцаться, также как и пространство, но как нечто, находящееся в нас. Так что же такое пространство и время? Являются ли они действительными сущностями? Или они только определения, или также отношения вещей, однако такие, кото-

рые характерны для них как таковых, даже если бы они не созерцались? Или они суть такие, которые обусловлены единственно лишь формой созерцания, и, значит, субъективным свойством *нашей* (1) души, без которого эти предикаты не могут быть вовсе приложимы ни к одной вещи? Чтобы разобраться в этом, *нам* (2) следует сначала рассмотреть понятие пространства (KV, I, 71—72).

В сверхфразовом единстве (СФЕ) выше представлены два подвида речи автора как речевого субъекта: под инклюзивными именами «Мы» (1) и «Наш» (1) автор выступает как обобщенный субъект эмпирического мышления, то есть причисляет и себя к сфере адресата, а под именем «Мы» (2) (Нам) — как носитель своей теории, включающий адресата уже в свою сферу, как бы приглашая его в соавторы своего теоретического рассуждения.

Далее следует определение той формы речи-мысли, которая будет при этом использована — это «метафизическое истолкование», призванное, согласно Канту, показать, что пространство есть чистая форма созерцания *a priori*. При этом происходит переход к форме «Я» как сугубо авторской речи, которая сигнализирует о начале собственно теоретического рассуждения («я понимаю под истолкованием...» и т. д.). Затем идет основной текст, содержащий истолкование понятия пространства. Он состоит из четырех абзацев, каждый из которых построен по антецедентно-консеквентному и идентичному субъектно-речевому принципу. Рассмотрим первый абзац:

(1) «Пространство не есть эмпирическое понятие, выведенное из внешнего опыта. (2) Ибо для того, чтобы *мои* ощущения могли относиться к чему-либо вне *меня* (то есть к чему-либо, находящемуся в другом месте пространства, чем в том, где *я* пребываю), а вместе с тем и для того, чтобы *я* мог их представить как находящихся вне *меня* и рядом друг с другом, а тем самым не только как различные, но и как расположенные в разных местах, — для этого представление пространства должно быть *мне* дано. (3) Следовательно, представление пространства не может быть за-

имствовано из внешнего опыта, а, напротив, сам внешний опыт только и становится возможным благодаря этому мыслимому представлению (KV, I, 72).

В данном сверхфразовом единстве (СФЕ) в пункте (1) имеет место предметно направленная (дескриптивная) речевая форма *полагание* (выдвижение тезиса), представляющая автора как носителя теории (авторское «Я»). В пункте (2) представлена *трансцендентальная интроспекция* от обобщенного (инклюзивного) эмпирического «Я»-субъекта с функцией обоснования, в роли которого выступает также автор текста. В пункте (3) речь переходит вновь к первому субъекту, выполняющему речевой акт *выведение*, что сигнализируется маркером «следовательно».

Речевой акт полагания необходимо считать *автосемантическим*, так как он начинает процесс обсуждения и не зависит от других актов речи в данном СФЕ. И напротив, акты речи обоснования и выведения *синсемантически* в том смысле, что они входят в текст через посредство первого, автосемантического акта речи и выполняют *тексторазвивающую функцию*, в то время как речевой акт полагания выполняет *конституирующую* текст функцию.

Второй абзац (СФЕ) построен аналогичным образом с той лишь разницей, что трансцендентальная интроспекция подается не в субъективном модусе от «Я»-субъекта, а в объективированном от *неопределенно-личного эмпирического субъекта «тап»*, а именно:

(1) Пространство — необходимое представление а priori, которое лежит в основе всех внешних созерцаний. (2) Невозможно *себе представить*, что пространства не существует, хотя можно *себе* вполне представить отсутствие каких-либо предметов в нем. (3) Таким образом, оно *рассматривается* как условие возможности явлений, а не как зависящее от них определение; оно является представлением а priori, лежащим с необходимостью в основе внешних явлений» (KV, I, 72).

Как видим из данного СФЕ, акты речи обоснования (2) и вывода (3) поданы в модусе обобщенного, неопределенно-личного субъекта, чем достигается предельно широкая база действительности трансцендентального аргумента.

Следует также отметить, что речь в пунктах (2) и (3) синсемантична по отношению к тезису (1), а речевой акт в пункте (3) синсемантичен по отношению к речевым актам в пунктах (1) и (2), что свидетельствует об *относительности* понятия авто- и синсемантии применительно к тексту.

Таким образом, СФЕ у Канта как минимальная текстовая единица представляет собой речевой комплекс, состоящий из автосемантических и синсемантических форм речи. Первые выполняют конституирующую текст функцию. Они ведут рассуждение дальше. Вторые выполняют функции доказательства, обоснования, экземплификации и другие, то есть это формы речи с вспомогательной, *тексторазвивающей* функцией. Формально логически рассмотренные выше СФЕ представляют собой силлогизмы, или, по Канту, суждения разума, имеющие 3-частную структуру.

Текст Канта и, в частности, текст «Трансцендентальной эстетики» дает повод утверждать о текстовой единице большей, чем сверхфразовое единство (СФЕ) и абзац. Дело в том, что обсуждение философского понятия, ввиду его большой абстрактности, не может закончиться в рамках одного СФЕ или абзаца, а требует целой серии СФЕ или абзацев. Например, § 2 состоит из пяти абзацев, настолько тесно связанных между собой по содержанию и форме речи, представленной в нем, что следует говорить о такой текстовой единице у Канта, как сверхабзачное единство (САЕ). Это единство обеспечивается уже самим принципом *гипертемы*, по которому он построен. Так, если свести тезисные части всех абзацев в единое целое, то получим *ядерное* сверхфразовое единство, а именно:

- Пространство не является эмпирическим понятием, заимствованным из внешнего опыта. Ибо...
- Пространство — необходимое представление а priori, лежащее в основе всех внешних созерцаний...

• Пространство — не дискурсивное, или, как говорят, общее понятие об отношении вещей вообще, а чистое созерцание. Ибо...

• Пространство представляется как бесконечно данная величина.

Как видно, содержательно-тематическое и формальное единство текста обеспечивается повтором вынесенной в красную строку, то есть на *парадигматическую ось* текста лексемы «пространство», представляющей собой как бы гиперподлежащее данного ядерного (парадигматического) СФЕ, которое передает кратко содержание всего данного параграфа. Формальным показателем единства данного САЕ является также пунктирование, к которому очень часто прибегает Кант.

Третий параграф «Трансцендентальной эстетики» содержит «трансцендентальное истолкование» понятия пространства, определяемое Кантом следующим образом:

Я понимаю под трансцендентальным истолкованием обсуждение какого-либо понятия *как принципа*, из которого может быть а priori усмотрена возможность другого синтетического знания. Для этой цели необходимо: 1) чтобы подобное знание действительно могло быть выведено из данного понятия; 2) чтобы это знание было возможно только при условии соблюдения указанного способа его выведения (KV, I, 74).

Цель трансцендентального истолкования — показать и доказать субъективность и априорность представления о пространстве на примере такой науки, как геометрия, которая, по Канту, определяет свойства пространства синтетически и вместе с тем априорно.

В этом параграфе преобладает речь от обобщенного инклюзивного «Мы»-субъекта, чтобы подчеркнуть всеобщую значимость полученных результатов рассуждения, как например:

Мы можем, следовательно, говорить о пространстве, о протяженных сущностях и так далее лишь с точки зрения человека. Стоит *нам* только отвлечься от субъективного условия, с помо-

стью которого *мы* единственно можем прийти к внешнему созерцанию, какие бы предметы, в частности, ни воздействовали на *нас*, как представление пространства перестает что-либо значить (KV, I, 75).

Эксклюзивное «Мы» появляется, как только автор хочет подчеркнуть значение своей теории: «Следовательно, только *наше* объяснение делает понятным, как возможна геометрия как синтетическая наука a priori» (KV, I, 74).

Оба «Мы»-субъекта (авторское «Мы» и «Мы»-субъекта эмпирического теоретического мышления) могут встречаться у Канта в пределах одного и того же высказывания, например:

Итак, *мы* (1) утверждаем эмпирическую реальность пространства (в том, что касается любого возможного внешнего опыта), но и его трансцендентальную идеальность, то есть что оно ничто, как только *мы* (2) отбрасываем условие возможности всякого опыта, и рассматриваем его как нечто, лежащее в основе вещей самих по себе (KV, I, 76).

Или:

Итак, *наши* (1) теоретические положения утверждают эмпирическую реальность времени, то есть объективную реальность всех предметов, которые только когда-либо могут быть *нам* (2) даны (KV, I, 82).

В примере выше под именем *мы* (1) и *наши* (1) выступает автор как носитель своей теории, а под именем *мы* (2) и *нам* (2) — как обобщенный субъект эмпирического теоретического мышления (инклюзивное «Мы»).

Кант как интерпретатор, комментатор и защитник своей теории выступает также под именами «Я» или «Мы». К этой субъектно-речевой роли автора «привязаны» такие акты речи, как *вступительные замечания, примечания, пояснения, полемика, подведение итога, напоминания, предупреждения; а также акты речи с функцией ретроспекции и проспекции* и др. Эти акты речи обычно предваряют собственно теоретические фраг-

менты текста или прерывают их (как примечания) или завершают рассуждение. Иными словами, это акты речи с «обрамляющей» основной текст функцией.

Примером может служить § 7 «Трансцендентальной эстетики», в котором Кант полемизирует с представителями другой точки зрения или их критическими доводами и т. д.:

Против этой теории, которая признает за временем эмпирическую, но оспаривает абсолютную и трансцендентальную реальность, я (1) слышал от сведущих мужей столь дружное возращение, что я (1) из этого заключаю, что оно естественным образом имеет место у любого читателя, для которого эти взгляды непривычны. Оно звучит таким образом: изменения действительны (это доказывают наши собственные представления, даже если отрицать внешние явления вместе с их изменениями). Но они возможны только во времени, значит, время есть нечто действительное. Ответ не доставляет затруднений. Я (1) полностью согласен с аргументом. Время — конечно, нечто действительное, а именно действительная форма внутреннего созерцания. Следовательно, оно обладает субъективной реальностью по отношению к внутреннему опыту, то есть я (2), действительно, имею представление о времени и моих (2) определениях в нем... (KV, I, 83).

Из данного пассажа следует, что под «Я» (1) автор выступает как защитник своей теории, а под «Я» (2) и «Моих» (2) — как субъект эмпирического теоретического мышления, производящий акт трансцендентальной интроспекции.

Именно в этих ролях Кант может вступать в полемику с воображаемым оппонентом, выступающим в данном случае под именем «Ты» или «Вы», как например:

...Так как положения геометрии познаются синтетически а priori, то я (1) спрашиваю: «Откуда вы берете подобные положения, и на что опирается наш (2) рассудок, чтобы получить подобные, безусловно, необходимые и общезначимые истины? » Не существует другого пути, кроме как посредством понятий или созерцаний... (KV, I, 90).

В примере выше под «Я» (1) выступает Кант как метасубъект, а под «Наш» (2) — как обобщенный инклюзивный субъект мышления.

Итак, одной из важнейших особенностей Кантова дискурса следует считать его ярко выраженную обусловленность принципом субъективности, в частности категорией речевого субъекта. При этом в качестве «трансцендентальной» формы, объединяющей акты речи всех четырех субъектов, выступает — по аналогии с Кантовым понятием чистой апперцепции «Я мыслю» — понятие «Я говорю» как чистая речевая апперцепция.

СФЕ у Канта как минимальная текстовая единица представляет собой речевой комплекс, состоящий из автосемантических и синсемантических форм речи. Первые выполняют *конституирующую* текст функцию. Они ведут рассуждение дальше. Вторые выполняют функции доказательства, обоснования, экземплификации и другие, то есть это формы речи с вспомогательной, *тексторазвивающей* функцией.

Кант как интерпретатор, комментатор и защитник своей теории выступает также под именами «Я» или «Мы». К этой субъектно-речевой роли автора «привязаны» такие акты речи, как *вступительные замечания, примечания, пояснения, полемика, подведение итога, напоминания, предупреждения; а также акты речи с функцией ретроспекции и проспекции* и др. Эти акты речи обычно предваряют собственно теоретические фрагменты текста или прерывают их (как, например, примечания) или завершают рассуждение. Иными словами, это акты речи с «обрамляющей» основной текст функцией.

3. Умозаключения рассудка и разума как факторы текстуальности

Как известно, классификация Кантом умозаключений основана на способе выведения консеквента из предшествующей посылки (эксплицитной или имплицитной). Если консеквент (следствие) исходит из предшествующей посылки прямо, то

такое умозаключение он называет *умозаключением рассудка*, а если оно следует опосредованно, то такое заключение он формулирует, как *умозаключение разума*. Правда, с тем различием, что они относятся к разным уровням рефлексии: рассудок оперирует правилами, которые определены для получения опытного знания, а разум — принципами, предназначенными для получения трансцендентального знания, то есть рассудок — объект для разума. Суждения рассудка поставляют материал для умозаключений разума; рассудок — судит, разум — умозаключает. Кроме того, в умозаключении разума задействованы, по Канту, все познавательные способности субъекта: способность суждения, способность воображения, рассудок как способность производить непосредственные умозаключения и разум как способность производить опосредованные умозаключения.

В работах Канта докритического периода указывается на разные функции двух познавательных способностей. Рассудок есть способность к таким суждениям, которые делают понятия ясными, то есть способность ясно познавать, а разум как способность производить логически опосредованные суждения делает их полными и реальными. Но в основе обеих лежит одна и та же способность — способность производить суждения. У критического Канта сюда добавляется еще способность производить оценочные суждения, способность рефлексии, способность воображения, способность означивания и др.

Умозаключения рассудка, как указывалось выше, с точки зрения их языкового выражения имеют 2-частную (имплицативную) форму типа: «если... то...», «так как... то...», «поскольку... постольку...», «что касается... то...» либо 2-частную дизъюнктивную форму вида «не... а...», «ни... ни... а...», «никогда... а только тогда» и другие, то есть они строятся по модели «антецедент — консеквент» в широком смысле, иначе говоря, в функции антецедента выступают суждения, представляющие собой, так или иначе, основу, из которой (или вопреки которой) производится то или иное последующее (выводное или дизъюнктивное) суждение.

Сам Кант в работе «Об одном открытии» (против Эберхарда) называет 2-частное суждение «обусловленным утверждением» (*Satz*), например, он говорит буквально следующее (в виду важности этого момента, приводим цитату еще раз):

«Критика» обозначила различие между проблематичными и ассерторическими суждениями. Ассерторическое суждение есть утвердительное суждение (*ein Satz*). Логика ошибочно определяет его как суждение, выраженное словами, ибо в мышлении мы вынуждены пользоваться словами при формулировке суждений, которые вовсе не являются утверждениями. В обусловленном суждении: «Если тело является простым, то оно неизменно» имеет место отношение двух суждений, ни одно из которых не является утверждением, а только отношение следования (*die Consequenz*) второго (*des consequens*), из первого (*antecedens*) делает его таковым. Суждение «Некоторые тела просты» может содержать противоречие, тем не менее, оно может быть высказано с целью выяснения того, что из него может следовать, если оно будет подано как ассерция, то есть как утверждение (*Satz*). Ассерторическое суждение «Всякое тело делимо» говорит больше, чем просто проблематическое «Следует полагать, что всякое тело делимо» и так далее, так как оно подводится под общий логический принцип всех утвердительных суждений, а именно: всякое утверждение должно иметь основание (а не просто быть возможным суждением), что следует из принципа непротиворечия, так как иначе оно не будет утвердительным суждением (*Satz*)⁷⁴.

Данное высказывание Канта следует понимать так: 2-частные построения с антецедентно-консеквентными (причинно-следственными, или имплицативными) логическими отношениями — средство придания своему дискурсу утвердительной (ассертивной) модальности, поскольку антецедент содержит, как правило, условие (основание), при котором консеквент подается как истинное утверждение. Например:

⁷⁴ *Kant I. Über eine Entdeckung, nach der alle neue Kritik der reinen Vernunft durch eine ältere entbehrlich gemacht werden soll // Werke ... Bd. 5 : Schriften zur Metaphysik und Logik. S. 304—305.*

(1) *Так как* положение «Я мыслю» (в проблематичном модуле) содержит в себе форму любого суждения рассудка и сопровождает все категории как их источник, (2) *то* отсюда ясно, что все умозаключения из него могут иметь только трансцендентальное применение, исключаящее всякую примесь опыта, и о ходе которого мы, после всего сказанного выше, заведомо не можем составить себе никакого предпочтительного понятия (KV, II, 345—346).

В данном выше примере антецедент (1) содержит условие, при котором консеквент (2) оказывается истинным утверждением. Дело в том, что во второй части «Критики чистого разума», в «Учении о трансцендентальном методе» Кант подчеркивает:

...В суждениях чистого разума совершенно не разрешается мнить, ибо именно потому, что они не зависят от опыта, а должны все целиком познаваться а priori, где все имеет статус необходимости, то принцип синтеза требует всеобщности и аподиктичности, то есть полной достоверности, в противном случае не может быть никакого поиска истины (KV, II, 689).

Дизъюнктивная форма суждений представляет собой отношение двух или более суждений, но не с точки зрения их логического следования, а с позиции их логического противопоставления, однако такого, что сфера действия одного исключает сферу действия другого или других суждений. Тем не менее вместе они очерчивают всю сферу полученного знания, то есть соотносятся как части единого целого, например:

(1) Рефлексия (*reflexio*) имеет дело *не* с самими предметами с целью получения понятия о них, (2) *а* она есть состояние сознания (души), в котором мы приступаем к поиску субъективных условий, с помощью которых мы можем прийти к понятиям. (3) Она есть осознание отношения данных нам представлений к нашим разным источникам познания, благодаря чему единственно может быть правильно определено их отношение друг к другу (KV, I, 285).

Как видим дизъюнктивная форма высказывания способствует выделению, или рематизации второй части высказывания в пункте (2) благодаря тому, что ее содержание противопоставляется содержанию первой, тематической его части в пункте (1). При этом рематическая часть получает свое дальнейшее развитие в пункте (3), так что все СФЕ строится по принципу тематизации дизъюнктивной ремы (2).

Таким образом, в обоих случаях 2-частная структура построения высказывания придает второй его части ассерторическую (утвердительную) модальность, которая распространяется и на последующие пропозиции в рамках СФЕ.

Причинно-следственные отношения в дискурсе Канта носят столь разнообразный и столь формальный характер, что они становятся *композиционной формой текстуальности вообще*, то есть формой (или схемой, фреймом) построения текста. При этом антецедент представляет собой, как правило, целую серию посылок, превращаясь, по существу, в текстовый антецедент. Из данного антецедента исходит затем целая серия утверждений следственного характера (текстовый консеквент), маркерами которого выступают слова и словосочетания со следственной семантикой типа «итак», «следовательно», «поэтому», «таким образом», «как следует из сказанного выше» и другие, так что можно говорить о текстовом умозаключении или текстовом суждении-умозаключении вообще. Например:

(1) Я как мыслящий являюсь предметом внутреннего чувства и называюсь душой. А то, что представляет собой предмет внешних чувств, называется телом. (2) Поэтому выражение «Я как мыслящее существо» есть уже предмет психологии, которую можно определить как рациональное учение о душе, если мне не требуется знать о душе более того, что можно вывести независимо от опыта... из этого понятия «Я», так как оно присутствует при всяком мышлении (KV, II, 341).

Данное сверхфразовое единство (СФЕ) делится на две части — антецедентную (1) и консеквентную (2), которые связаны союзным словом следственной семантики «поэтому». Первый содержит посылки, второй — выводы из них.

Ярким примером развития дискурса Канта через консеквент (или выводную часть 2-частного построения) путем его тематизации, то есть выдвижения в красную строку (парадигматическую ось текста) может служить второе сверхабзачное единство (САЕ) § 9 «Трансцендентальной аналитики» в «Критике чистого разума». Оно состоит из пяти абзацев, причем консеквент занимает четыре объемных абзаца, каждый из которых разбит по пунктам, а именно (приводится в сокращении):

(1) *Так как* данная выше классификация в некоторых, хотя весьма важных частях, отличается, как кажется, от привычной техники логиков, (2) *то* нижеследующие предостережения во избежание внушающих озабоченность недоразумений будут не лишними:

1. Логики справедливо считают, что при применении суждений в умозаключениях разума частные суждения можно рассматривать наравне с общими. В самом деле...

2. Точно так же и в трансцендентальной логике следует различать бесконечные суждения от утвердительных, хотя последние в общей логике и причисляются к первым, не образуя особого члена классификации. Дело в том, что ...

3. Все отношения мышления в суждениях суть: а) предиката к субъекту; б) основания к следствию; в) расчленения понятия и отношений каждого из членов совокупности друг к другу. В суждениях первого вида...

4. Модальность суждений является совершенно особой функцией их... (KV, I, 112—115).

В данном САЕ представлен комментарий к таблице функций мышления в суждениях. Антецедент (1) содержит обоснование необходимости производства консеквента (2), занимающего почти четыре страницы.

С точки зрения коммуникативного членения, то есть деления высказывания на «данное» и «новое», или на «тему» и «рему», как это отмечалось выше, новая информация в тексте Канта содержится в выводной (консеквентной) части. Поэтому дальнейшее развитие текста происходит, как правило, через консеквент путем дальнейшего наращивания тематического

содержания его рематической части, или его рематического ядра и перевода ее в субъектную (тематическую) позицию. При этом обе формы логического 2-частного построения участвуют в процессе порождения дискурса, обуславливая цикличность его построения, которая, по Канту, является априорной формой. Например, (дается в сокращении):

(1) *Если* тетика представляет собой любую совокупность догматических учений, (2) *то* под антитетикой я разумею *не* догматические утверждения противоположного, *а* противоречие кажущихся догматическими утверждений (*thesis cum antithesi*), без предоставления какой-либо из сторон преимущественного притязания на одобрение. (3) Следовательно, антитетика *не* занимается рассмотрением односторонних утверждений, *а* обсуждает всеобщие положения разума только в случае их противоречия друг другу, а также причины подобного противоречия... (KV, II, 409—410).

Как видим, в основе логико-синтаксического построения этого СФЕ лежит отношение «если... то...» (1) и отношение «не... а...» (2), которое подчинено первому, так как оно дано в консеквенте с целью логико-рематического выделения главной мысли данного высказывания. Дальнейшее развитие текста осуществляется путем нового повтора структуры «не... а...» (как выражение цикличности), но с аподиктически-выводной модальностью. Фактически мы имеем дело уже с 3-частной структурой, которая вызвана отсутствием в данном случае обычного значения логического вывода в консеквенте (2), что делается только в пункте (3). Необходимо отметить также, что обе обсуждаемые структуры могут служить формой выражения различных иллокутивных речевых актов. Так, в нашем примере форма «не... а...» оформляет в (2) речевой акт определения, а в (3) — вывода, на что указывает оператор «следовательно».

Если выводная часть формулы «если... то...» распространена, то есть включает в себя целый ряд пропозиций, то по-

следующий вывод может быть вынесен в следующий абзац (в новую строку), что ведет к образованию сверхабзачного единства (САЕ):

(1) *Если* познание должно обрести объективную реальность, то есть должно соотноситься с предметом и получить тем самым значение и смысл, (2) *то* должно быть возможно, чтобы предмет был каким-либо образом дан. (3) Без этого понятия пусты, и хотя при этом процесс мышления имел место, но в действительности же с помощью такого мышления ничего не было познано, а произошла только игра своими представлениями. (4) Дать предмет не означает ничего другого, как соотносить представление о нем с опытом (действительным или возможным)...

(5) Следовательно, возможность опыта и есть то, что придает всему нашему априорному знанию объективную реальность... (KV, I, 199).

Исходя из данной иллюстрации, консеквент представлен пропозициями в пунктах (2), (3) и (4). В пункте (5) с помощью оператора вывода «следовательно» дается более краткая и четкая формулировка содержания пунктов (2), (3) и (4). Тем самым содержание консеквента подается в асерторическом модусе и возникает фактически скрытый силлогизм, имеющий следующие посылки:

1. Для придания объективной реальности познанию необходим «X».
2. «X»: предмет должен быть дан познанию.
3. Дать предмет означает соотносить представление о нем с опытом (действительным или возможным).
4. Следовательно, возможность опыта придает всему нашему априорному знанию объективную реальность.

Отсюда можно заключить, что хотя Кант пытается разграничить умозаключения рассудка и разума и их функции, все же, по сути, в его тексте это различие порой стирается. Дело в том, что средний член силлогизма в умозаключении разума довольно часто оказывается продолжением (повтором) содержания консеквента структуры «если... то...», то есть умозак-

лючения рассудка. Это имеет место в тех случаях, когда необходимо обеспечить максимальную логическую аподиктичность (достоверность) высказыванию, особенно в актах речи, направленных на доказательство. Это можно продемонстрировать на тексте доказательства первой антиномии, гласящей, что мир имеет начало во времени, и он ограничен в пространстве, а именно:

- (1) Ибо, предположим, что мир не имеет начала во времени,
- (2) *то* в любой данный его момент прошла вечность, а тем самым и *бесконечный ряд* сменяющих друг друга состояний вещей.
- (3) Но *бесконечность ряда* как раз и состоит в том, что он никогда не может быть завершен подобным сукцессивным образом.
- (4) Итак, *бесконечный завершенный ряд* состояний мира невозможен, а значит невозможно и начало мира как необходимое условие его существования, что и следовало первоначально доказать... (KV, II, 414).

Таким образом, ремой консеквента (2) является понятие вечности и словосочетание «бесконечный ряд следующих друг за другом состояний вещей», которое тематизируется, то есть становится исходным пунктом (темой) средней (малой) посылки силлогизма (3). Но обе посылки исключают друг друга, что делает невозможной истинность тезиса.

С точки зрения коммуникативного членения данный силлогизм строится по *цепочечному* принципу, то есть по принципу *последовательной тематизации ремы предшествующего высказывания*.

Тем самым мы подошли к обсуждению 3-частной логической структуры высказывания, которую Кант называет *умозаключением разума*. В «Критике чистого разума» Кант говорит в этой связи следующее:

В каждом умозаключении разума я мыслю с помощью рассудка сначала правило (*major*). Затем подвожу с помощью способности суждения под это правило другое суждение (*minor*).

И наконец, посредством предиката большей посылки я даю определение своему понятию (*conclusio*) с помощью разума. Следовательно, отношение между малой посылкой и ее условием, устанавливаемое большой посылкой, создает различные виды умозаключений разума. Выходит, их непосредственно три, как и всех суждений вообще, постольку поскольку они различны по способу, каким их содержание соотносится в рассудке, а именно: категорические или гипотетические, или дизъюнктивные (KV, I, 315).

С точки зрения лингвистики текста силлогизм как форма опосредованного суждения выступает средством *упаковки* текстового материала, что можно проследить на нижеследующем примере:

Рассудок есть, обобщенно говоря, способность познания. Последнее состоит в определенной соотнесенности данных представлений с объектом. Но объект есть то, в понятии чего объединено многообразное данного созерцания. (2) Но всякое объединение представлений требует осознания целостности единства их синтеза. (3) Следовательно, единство сознания и есть то, что одно только и обеспечивает соотнесенность представлений с предметом, а тем самым и их объективную значимость, то есть их превращение в знание и саму возможность рассудка (KV, I, 139).

Данный пример интересен тем, что большая посылка (1) представляет собой совокупность нескольких пропозиций (посылок), следующих друг за другом, из которых только третья используется для построения малой посылки (2), так что можно, скорее, говорить о комплексности большой посылки. Комплекс пропозиций представляет собой также и выводная часть силлогизма (3), в которой единство сознания обеспечивает:

- 1) соотнесение представлений с предметом;
- 2) объективную значимость представлений;
- 3) превращение представления в знание;
- 4) саму возможность рассудка.

Большая же посылка также состоит из нескольких пропозиций, а именно:

1. Рассудок есть способность познания.
2. Познание есть соотнесение представлений с объектом.
3. Объект представляет собой понятие.
4. Это понятие объединяет в себе многообразное данного созерцания.

Если к этим пропозициям добавить пропозицию малой посылки (2), то общее число пропозиций будет равно девяти. Из сказанного можно заключить, что силлогизмы в дискурсе Канта носят *комплексно-пропозиционный (текстовый) характер*, они являются композиционной формой организации текстового материала. В тексте все три составляющие умозаключения (его основные посылки) могут «обрастать» различными побочными, дополнительными пропозициями и формами речи. Добавление их кажется автору текста необходимым, что обусловлено его установкой на ясность, понятность, обоснованность и аподиктичность выдвигаемых им положений. Такие силлогизмы можно было бы назвать также *пропозиционными или текстуальными*.

Таким образом *умозаключения рассудка и разума выступают в текстах Канта как формальные факторы текстуальности вообще*.

Для Кантовых форм речи типа «метафизическое истолкование» и «трансцендентальное истолкование» характерно такое построение дискурса, которое соответствует, как мы видели выше, принципу *гипертемы*, то есть текст строится путем выдвижения термина, обозначающего обсуждаемое понятие, в начальную позицию (на парадигматическую ось текста) с целью получения полного определения данного понятия и с последующим его повтором в этой позиции, сопровождаемого сверх того дополнительными средствами маркировки, в частности *делением по пунктам* каждого абзаца, так что образуется целостная текстовая единица, называемая в лингвистике текста, *сверхабзацным единством (САЕ)*. Примером такого построения могут служить параграфы данного раздела, где

речь идет о понятиях пространства и времени как априорных форм созерцания многообразного, наполняющего их. В качестве иллюстрации приводился § 2 «Трансцендентальной эстетики», где обсуждается понятие пространства.

Для построения этого дискурса характерно наличие дедуктивной формы речи, так как согласно Кантовой концепции, трансцендентальная философия должна не просто так формулировать свои априорные принципы, а непременно показать их правомерность с помощью основательной дедукции. Отсюда обязательное наличие в данном дискурсе обосновывающей (дедуктивной) части, сигналом начала которой выступает обычно союз «ибо» (*denn*). Вторая особенность данного дискурса — наличие 3-частной структуры, а именно: тезиса (1), обоснования тезиса (2) и вывода (3). В-третьих, СФЕ строится логически не от основания (причины) к следствию, не синтетически, а от следствия к основанию, то есть аналитически. Например:

(1) Время не есть эмпирическое понятие, выведенное из какого-либо опыта. (2) Ибо одновременность или последовательность сами по себе не могли быть восприняты, если бы представление времени не было бы заложено как основание а priori. (3) Только при таком условии можно себе представить, что нечто существует в одно и то же время (одновременно) или в различные моменты времени (следуя друг за другом) (KV, I, 78).

В данном СФЕ в пункте (1) представлен тезис, в (2) — обоснование тезиса, вводимое союзом «ибо», и в пункте (3) — выводная часть.

На *аналитическое* построение вышеприведенного СФЕ указывает сочинительный союз следственной семантики *denn* (ибо), который содержит имплицитно следующую инструкцию: рассматривай эксплананс (аргумент) (2) как достаточное основание для приемлемости тезиса, содержащегося в экспланандуме (1). При этом конститутивным моментом для семантики союза «ибо» необходимо считать то, что вводимый им аргумент имеет статус объективной истины, или факта.

Кроме того, особенность метафизической дедукции Канта — наличие двух уровней развертывания дискурса, а именно: *микрпропозиционального и макрпропозиционального*. Первый образуется формой речи полагание (выдвижение тезиса), второй — другими формами речи, подчиненными первой. Если свести все тезисы данного параграфа в единое целое, то мы получим *макрпропозициональное ядро дискурса, или макродискурс*, например:

1. *Время* не есть эмпирическое понятие, выведенное из опыта.
2. *Время* — необходимое представление, которое лежит в основе всякого созерцания...
3. *Благодаря этому обязательному условию a priori* появляется также возможность аподиктических принципов, касающихся отношений времени, или аксиом времени вообще...
4. *Время* не дискурсивное, или как его называют общее понятие, а чистая форма чувственного созерцания...
5. Бесконечность *времени* означает не что иное, как только то, что любая определенная величина времени возможна лишь как ограничение единого времени, находящегося в ее основании... (KV, I, 78—79).

Данный макрпропозициональный дискурс объединен, как об этом уже шла речь выше при обсуждении понятия «пространство», принципом *гипертемы*, главное для которого — понятие времени. Существительное, его обозначающее, выдвинуто в позицию субъекта данных суждений (парадигматическую) и тем самым сводит их в единое целое, его можно было бы назвать *макрпропозициональным единством (МПЕ)*. Оно цементирует все САЕ данного параграфа, образуя его *глубинную структуру (ядро)*. Таким образом, СФЕ (абзац) как относительно самостоятельная текстовая единица выступает в философском тексте Канта конституэнтном САЕ.

Следующий этап на пути определения философского понятия — *трансцендентальное истолкование*, представляющее априорное понятие в качестве принципа, из которого могут порождаться другие более частные априорные знания (понятия).

Интересно отметить, что в § 13 второго издания «Критики чистого разума», в «Трансцендентальной аналитике» Кант, обращаясь ретроспективно вновь к понятиям пространства и времени, обсужденного им в «Трансцендентальной эстетике», называет формы речи «метафизическое истолкование» и «трансцендентальное истолкование» более общим термином «*трансцендентальная дедукция*», в частности, он говорит:

Выше мы проследили с помощью *трансцендентальной дедукции* понятия пространства и времени вплоть до их источника и показали и определили их объективную значимость а priori (KV, I, 127).

Таким образом, Кант возвращается здесь к терминам, которые он употреблял в первом издании «Критики чистого разума», а именно: «метафизическая дедукция» и «трансцендентальная дедукция», дав им те же самые характеристики. Другими словами, в обоих случаях речь идет о трансцендентальной дедукции, которую Кант отличает от эмпирической и формулирует как «обсуждение (объяснение, истолкование) способа, каким априорные понятия могут соотноситься с их предметами», в то время как эмпирическая дедукция показывает лишь «как с помощью опыта и рефлексии (размышления) о нем возникает понятие» (KV, I, 126).

Синтаксические связи, обслуживающие микро- и макропропозициональные единства, можно также подразделить на *синтагматические* и *парадигматические* средства связи в зависимости от того, действуют ли они в рамках СФЕ или САЕ. В сущности, речь идет в целом об одних и тех же синтаксических средствах связи, но, тем не менее, в их функционировании наблюдается определенное различие, обусловленное неоднородным характером логических связей в парадигматике и синтагматике. На уровне САЕ это связи больше координационные, на уровне СФЕ — субординационные, хотя, конечно, это различие относительное.

К специфически парадигматическим средствам связи следует отнести наречия с пространственно-временной и перечис-

лительно-порядковой семантикой выше (*oben*), теперь (*jetzt*), первоначально (*erstlich*), во-первых (*erstens*), во-вторых (*zweitens*), в-третьих (*drittens*) и др.

Имена собственные и словосочетания типа «в самом деле» (*in der Tat*) вместо синтагматического союза *denn* и выражения типа «что касается второго, то...» (*Was das Zweite betrifft, so...*); «как было упомянуто выше» (*wie oben erwähnt*); «сейчас мы попытаемся выполнить эту задачу» (*jetzt sollen wir unser Anliegen zu erfüllen suchen*) и другие придаточные с союзом *dass* необходимо также считать специфически парадигматическими, вводящими в текст тематические пропозиции с пропозиционной модальностью и др. В общем и целом к парадигматическим средствам связи можно отнести все лексико-синтаксические средства, вынесенные в парадигматику. Например:

СФЕ 1. Для того чтобы с помощью таблицы категорий построить таблицу идей, мы возьмем для начала две исходных величины всех наших созерцаний — пространство и время...

СФЕ 2. Во-вторых, нечто реальное в пространстве, то есть материя, является обусловленным...

СФЕ 3. В-третьих, то, что касается категорий реальных отношений, то...

СФЕ 4. В-четвертых, понятия возможного, действительного и необходимого подводят нас к ряду... (KV, II, 403).

Как следует из примера, наречия перечислительно-порядковой семантики выступают средствами квантификации и ранжирования информации, а также членения сверхабзачного единства на абзацы.

Специфически парадигматический способ связи — дистантный повтор имени собственного, например:

СФЕ 1. «...Поэтому, если какому-либо понятию находится одно только единственное слово, первоначальное значение которого полностью соответствует этому понятию, то целесообразно...»

СФЕ 2. «Платон пользовался выражением "идея" так, что...»

СФЕ 3. «Платон очень верно заметил, что...»

СФЕ 4. «Платон находил, что его идеи превосходны для всего, что являлось практическим...» (KV, I, 321).

При дедуктивной форме речи координационные дистантные связи (конъюнкция) уступают место имплицативным, причинно-следственным и шире — *антецедентно-консеквентным*. Например, нижеследующее парадигматическое единство (ПЕ), или сверхабзацное единство (САЕ) строится по принципу условно-категорического силлогизма:

СФЕ 1. «Если мне надлежит получить идентичность какого-либо предмета во всей ее определенности, то я буду обращать внимание на то, что в нем постоянно...»

СФЕ 2. «Следовательно, в моем собственном сознании идентичность личности присутствует неизменно...»

СФЕ 3. «И, значит, она есть осознание идентичности моих мыслей и их связи, но это совершенно ничего не доказывает относительно абсолютной идентичности моего "Я"...» (KV, II, 371—372).

Между СФЕ в данном САЕ существуют *антецедентно-консеквентные связи* так, что первое СФЕ, ввиду наличия категорического силлогизма, представленного в нем, простирает логическую операцию выведения на СФЕ 2 и СФЕ 3, что и сигнализируется текстовым союзом следовательно (*also*).

Следует подчеркнуть, что САЕ поставляют в контексте произведения посылки, из которых затем делаются выводы, то есть они выступают конституэнтами еще более емких антецедентно-консеквентных метаструктур, метасверхабзацных единств (МСАЕ), являясь их пропозициональным ядром.

Здесь нет возможности остановиться на средствах и способах конституирования САЕ. В нем участвуют семантико-синтаксические, структурно-речевые и коммуникативно-речевые факторы.

Итак:

1. В основе синтактики философского текста Канта лежит *априорный* дедуктивный принцип линейной и логико-семантической зависимости (каузальности), согласно которому после-

дующая (выводная) часть высказывания (консеквент) определяется временной (линейной) и концептуальной зависимостью от предыдущей (предшествующей) его части, или antecedента, что соответствует в целом *дедуктивной* форме философского рассуждения у Канта. При этом antecedент содержит условие, причину или основание для производства консеквента. Как правило, высказывание имеет 2-частное (умозаключения рассудка), 3-частное (умозаключение разума) или многочастное (полисиллогическое) построение, что приводит к тому, что эти формы выступают как схемы, «упаковки» текстового материала вообще.

2. Развертывание текста в Кантовом дискурсе происходит либо путем тематизации его рематической части (консеквента), то есть перевода ее в позицию субъекта высказывания на парадигматическую ось текста с целью его дальнейшего обсуждения, либо через antecedент по принципу гипертемы. При этом каждое последующее сверхфразовое единство (или абзац) может оформляться делением по пунктам или повтором лексических единиц, находящихся в позиции подлежащего (субъекта), что обеспечивает более тесную формально-логическую и лексическую связь между ними в рамках САЕ и МСАЕ.

3. Основными синтаксическими единицами в дискурсе Канта следует считать абзац, СФЕ, совпадающее и несовпадающее с абзацем; САЕ и МСАЕ. Первые две обеспечивают синтагматическое развертывание текста, а две вторые — его развертывание в парадигматике.

4. В тексте Канта как дискурсе действует принцип взаимодействия его синтагматики и парадигматики и соответственно два основных речевых акта — *синтагматизации* и *парадигматизации* ремы. Первый подчинен второму, поставляя ему рематические элементы содержания, которые затем тематизируются в рамках САЕ или МСАЕ. Синтаксическим средством парадигматизации выступает, как правило, *оператор тематизации* этот (*dieser*). Парадигматические речевые акты конституируют текстовые единицы, которые в данной работе назы-

ваются сверхабзачными текстовыми единицами (САЕ), или парадигматическими единствами (ПЕ); синтагматические речевые акты конституируют синтагматические текстовые единицы, которые называются СФЕ, или синтагматическими единствами (СЕ, микротексты). Оба вида речевых актов структурированы. При этом иллокутивные акты в рамках СФЕ подчинены иллокутивным актам в САЕ, а иллокутивные акты в САЕ подчинены иллокутивным актам в МСАЕ. Поэтому наблюдается иерархия речевых актов, которая может быть описана в терминах *автосемантии* и *синсемантии* речевых форм в пределах указанных текстовых единиц. При этом автосемантию и синсемантию следует понимать *относительно*, так как один и тот же иллокутивный акт может выступать, в зависимости от его места в текстовых единицах, то как синсемантический, то как автосемантический речевой акт.

5. Синтаксические отношения в СФЕ подчинены синтаксическим отношениям в САЕ, а синтаксические отношения в САЕ подчинены отношениям в МСАЕ. Это же относится и к логическим отношениям.

6. Философский дискурс И. Канта представляет собой, таким образом, многоуровневую (не менее трех уровней) синтаксическую структуру, то есть в тексте следует различать, по крайней мере, уровень синтагматических единств (СЕ), или СФЕ; уровень парадигматических единств (ПЕ), или САЕ и уровень метапарадигматических единств (МПЕ), или метасверхабзачных единств (МСАЕ).

Глава III

ВОПРОСЫ СЕМАНТИКИ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА И. КАНТА

1. Философский текст И. Канта как аргументативный дискурс

Кантовские тексты представляют собой особый вид когнитивных текстов, который в научной литературе принято называть проясняющим, или аргументативным дискурсом (*Erklärungstext*). Особенность его коммуникативной установки состоит в эксплицитном выражении логических связей между пропозициями, из которых состоит текст. Это, как правило, сложное синтаксическое целое или сверхфразовое единство или целая последовательность сверхфразовых единств, объединенных тесной тематической и логической связью. Целью таких текстов выступает:

- обоснование правомерности тех или иных поступков или действий (реализованных или подлежащих реализации);
- доказательство или опровержение тех или иных научных положений (утверждений);
- мотивация желаний, приказов и т. д.;
- объяснение наступивших или не наступивших событий, состояний или ситуаций другими событиями, состояниями или ситуациями;
- установление отношений зависимости между определенными явлениями и др.⁷⁵.

⁷⁵ *Lang E.* Erklärungstexte // *Studia grammatical.* Berlin, 1976. Bd. 11. S. 149.

Сам Кант называет порой свои тексты трактатами. Вот, например, как он определяет жанр своей «Критики чистого разума»:

... Она есть *трактат о методе*, а не система самой науки; но она содержит, тем не менее, полный очерк ее как в отношении ее границ, так и внутреннего строения... (KV, I, 28).

Как известно, сущность этого метода Кант характеризует, исходя из априорного принципа получения знания, согласно которому мы можем познать в вещах только то, что сами в них вносим с помощью априорных форм созерцания (пространства и времени) и понятийных категорий количества, качества, отношения и модальности, и это при условии, что мы имеем дело не с самими вещами, как они есть сами по себе, а с их явлениями в нашей чувственности.

В частности, Кант говорит следующее:

Но принципы а priori, согласно которым единственно становится возможным опыт, суть пространство и время и категории, содержащие синтетическое единство сознания а priori постольку, поскольку под них могут быть подведены эмпирические представления⁷⁶.

Основополагающим при этом оказывается понятие синтеза и решение вопроса о том, как возможны синтетические суждения а priori. Дело в том, что, по Канту, именно с синтетическими суждениями связывается приращение научного знания в их отличии от аналитических суждений, которые эксплицируют только то, что имплицитно заложено в содержании понятия, выступающего в функции субъекта суждения. Но дадим слово Канту:

Что касается... человека, то любой его акт познания состоит из понятия и созерцания. Хотя каждое из них является представ-

⁷⁶ Kant I. Schriften zur Metaphysik und Logik ... S. 607.

лением, все же они в отдельности не дают знания. Представлять себе нечто с помощью понятий, то есть в общем, означает мыслить, а способность мыслить есть рассудок. Непосредственное представление отдельного — созерцание. Познание с помощью понятий — дискурсивно, а с помощью созерцания — интуитивно. В действительности же для него необходимы оба в их единстве... С помощью созерцания, соответствующего понятию, предмет дается, а без него он только мыслится. Хотя с помощью созерцания (без понятия) предмет дается, но он не мыслится. А с помощью понятия (без соответствующего ему созерцания) он мыслится, но не дается, следовательно, в обоих случаях ничего не познается. Если понятию придается соответствующее ему априорное созерцание, то говорят, что оно конструируется; если же созерцание всего лишь эмпирическое, то говорят, что оно является всего лишь иллюстрацией понятия. В обоих случаях действие по соединению понятия с созерцанием называется его изображением (*Darstellung, exhibitio*), без которого, будь оно непосредственно или опосредовано, не может быть никакого познания⁷⁷.

Философское знание в отличие от математического, указывает Кант, связано не с количественной, а с качественной стороной предметов. Оно оперирует не величинами, а понятиями, то есть возможно только как понятийное знание, которое может быть получено только с помощью эмпирического созерцания. Так как наше познание имеет дело только с явлениями, источником которых оказываемся мы сами, то связь их и единство могут быть обеспечены нами априорно, то есть с помощью наших априорных представлений пространства и времени и понятий, предшествующих самому акту познания и выступающих его чистой формой. Но чтобы доказать это, необходима их трансцендентальная дедукция, представляющая одну из задач «Критики чистого разума» Канта. Таким образом, на вопрос о том, как возможно предметное (теоретическое) эмпирическое знание (опыт) Кант отвечает, что оно возможно с помощью присущих нам априорных представлений

⁷⁷ *Kant I. Schriften zur Metaphysik und Logik ... S. 666.*

пространства и времени и категорий, объективная необходимость и значимость которых доказывается фактом объективного наличия опытного априорного знания, а именно:

Итак, мы обладаем некоторыми, по крайней мере, неоспоримыми знаниями а priori и не должны ставить вопрос о том, возможны ли они (ибо они действительны), а о том, *как* они возможны с тем, чтобы из факта их возможности вывести также и возможность всех других⁷⁸.

Но это положение еще требуется доказать, что Кант и делает с помощью своей трансцендентальной дедукции, или трансцендентального аргумента. При этом трансцендентальная аргументация может строиться либо от следствия к основанию (или от того, что обусловлено, к его условию, то есть аналитически), либо, напротив, от основания к следствию (или от условия к обусловленному, то есть синтетически).

Если существует синтетическое априорное знание (математика, логика и другое как факт), то не остается иного пути, говорит Кант, как предположить, что должны существовать и априорные условия, делающие получение такого знания возможным. И это, как выясняется, становится возможным с помощью чистых форм пространства и времени и категорий, обеспечивающих синтетическое единство нашего сознания а priori постольку, поскольку под них может быть подведены эмпирические представления с целью получения опытного знания.

В «Пролегоменах» Кант вновь указывает, что его аргументация (*Lehrart*) в пользу присутствия в нашем сознании априорных условий получения знания в «Критике чистого разума» строилась *синтетически*, то есть предметом исследования был сам чистый разум, его элементы и принципы чистого применения его законов и правил без опоры на какие-либо факты, другими словами, предметом был сам источник априорного знания, а в «Пролегоменах» он действовал *аналитически*, то

⁷⁸ Kant I. Schriften zur Metaphysik und Logik ... S. 136.

есть так, как будто бы то, что предстоит еще найти, уже дано и остается только выяснить условия, при которых это становится возможным. Этот способ изложения он называет *регрессивным*, а синтетический способ — *прогрессивным*. В соответствии с этим текст «Пролегомен» можно назвать *аналитическим, или регрессивным дискурсом*, а текст первой «Критики» — *синтетическим, или прогрессивным*⁷⁹.

Однако оба вида дискурса не исключают наличие как аналитических, так и синтетических суждений, поскольку в отличие от математики в метафизике понятие уже дано, но оно нуждается в определении, то есть должно стать ясным и полным, что достигается аналитическим путем. И в этом деле большая роль отводится операции определения понятия, правда, Кант предпочитает говорить не об определении, а об *экспозиции* понятия или серии экспозиций его, так как в философии анализ понятия никогда не следует считать законченным и полное определение его скорее завершает рассуждение, чем начинает его (как в математике).

Роль дефиниции в метафизике в отличие от математики, согласно Канту, в том, что она выступает *критерием возможности* понятия как такового. В частности, он говорит следующее:

Так, критерием возможности понятия (не его объекта) является дефиниция, в которой содержится единство понятия, истинность всего того, что может быть первоначально выведено из него, и, наконец, полнота всего того, что может быть из него извлечено и что является необходимым для представления понятия в целом... (KV, I, 124).

Под определением Кант понимает «первичное исчерпывающее (полное) представление понятия о какой-либо вещи в рамках его определенных границ», при этом отмечая:

...полнота означает ясность и достаточность признаков, ограничение, что этих признаков должно быть не более чем нужно

⁷⁹ Kant I. Schriften zur Metaphysik und Logik ... S. 134—135.

для точного определения понятия, первоначальность означает, что его определение не заимствовано откуда-либо и, следовательно, нуждается еще в доказательстве, что делает данное определение мнимым и лишает его права находиться во главе всех других определений какого-либо предмета (KV, II, 623).

Следует отметить, что Кант различает определение как чисто формальное (аналитическое) суждение и реальное определение, которое он понимает как такое:

...которое не просто заменяет название какой-либо вещи другими более понятными словами, а такое, которое содержит отчетливый признак, благодаря которому предмет (*definitum*) всегда с точностью может быть определен, и делает определенное таким образом понятие пригодным к применению. Следовательно, реальное определение — это такое определение, которое не просто делает ясным понятие, но и показывает вместе с тем его объективную реальность (KV, I, 271—272).

Как следует из приведенной Кантовой цитаты, одного формального (экспозитивного) определения чистого понятия недостаточно: еще должна быть показана его объективная реальность, то есть его необходимая связь с объектом. И если такой объект ему может быть дан в опыте, то тем самым будет доказана его *объективная* (в смысле *объектная* реальность) и даже более того — это будет его изображением (*Darstellung*). В этой связи Кант замечает:

Представить чистое понятия рассудка как необходимое для осмысления какого-либо предмета возможного опыта означает показать его объективную реальность и вообще *изобразить* (*darstellen*) его. Там, где подобное невозможно сделать, оно оказывается пустым, то есть непригодным для какого бы то ни было познания⁸⁰.

⁸⁰ Kant I. Schriften zur Metaphysik und Logik S. 613.

И в другом месте он указывает на необходимость:

...сделать отвлеченное понятие чувственным, то есть указать соответствующий ему объект в созерцании, потому что без этого понятие, как говорят, лишается смысла, то есть не имеет значения (KV, I, 270).

Исходя из данных выше высказываний Канта, априорные понятия, предназначенные для синтеза эмпирически данного материала с целью получения знания, должны пройти проверку с помощью операции *онтологизации* (*указания референта*), или выявления их объективного (предметного) содержания, их пригодности для познания объектов, которое означает следующее:

В каждом познании объекта наличествует единство понятия, которое можно назвать качественным единством постольку, поскольку в нем мыслится только единство связи познаваемого многообразного, как, например, единство темы, речи, басни. Вторых, истинность относительно следствий. Чем больше истинных следствий, выводимых из данного понятия, тем больше признаков его объективной реальности. Это можно было бы назвать качественным множеством признаков, принадлежащих понятию как их общему основанию... И, наконец, в-третьих, полнота, состоящая в том, что данное множество, в свою очередь, возвращается к единству понятия и совпадает не с каким-либо другим, а только с ним, что можно было бы назвать качественной полнотой (тотальностью) (KV, I, 124).

Приступая к изложению своей системы метафизики, Кант полагал, что она должна быть обязательно построена догматически и в высшей степени систематически, то есть по-ученому (не популярно). И в этом он следует примеру Вольфа, самого, по его мнению, догматического философа.

Философский текст и, в частности, текст «Критики чистого разума» Канта — это текст с *ярко выраженной аргументативной направленностью*.

Как известно, Кант предъявлял к аргументации жесткие требования, рассматривая ее как необходимый компонент вся-

кого философского рассуждения, претендующего на научность. С этих позиций Кант критикует, например, И. Г. Гердера за то, что тот считает уже простое изложение фактов доказательством. Наличие основательной аргументации является, согласно Канту, непременным условием производства априорного суждения. «Критическая философия, — говорит он, — это такая философия, которая не мудрствует на авось, когда речь заходит о философских понятиях, не имеющих примера ни в каком возможном опыте»⁸¹.

Все это означает, что, по Канту, нельзя производить суждения, не проверив условия его истинности, этого требует критический метод мышления и познания. Понятие истинности, то есть объективности знания, покоится у Канта на принципах общей и трансцендентальной логик, а также — на принципах субъективной свободы и объективности разума. В соответствии с логическим критерием суждение должно отвечать принципам непротиворечивости и достаточного основания. При этом первый критерий обеспечивает суждению логическую модальность возможности, а второй — действительности, так как он отражает всеобщий принцип суждений, гласящий, что суждение должно быть не просто возможным, а обоснованным.

Важным принципом научной аргументации, по Канту, выступает принцип наглядности. Кант настаивает на том, что теоретические аргументы и понятия должны заключать возможность своей наглядной реализации: если аргумент нельзя сделать наглядным, то он должен быть устранен из состава научного знания. Именно с этим аспектом аргументации связывает Кант такое качество своего учения, как *демонстративная истинность*. Этим объясняется присутствие в текстах Канта довольно большого количества примеров, которые служат в первую очередь средством обоснования и обобщения априорных правил, применяемых к опыту.

⁸¹ Кант И. Что значит ориентироваться в мышлении // Кантовский сборник. 1982. Вып. 7. С. 72.

Особенностью кантовской аргументации является также то, что статусом факта в контексте его теории обладают данные рефлектирующей деятельности субъекта или субъектов, их восприятия, ощущения и т. д. Эти ментальные факты используются, в частности, для производства утверждений и получения выводов.

Следует упомянуть также и принцип метафоры, служащий объяснительным, эвристическим целям аргументации, так как наглядность является средством, благодаря которому деятельность мышления становится доступной познанию, ибо мышление всегда должно иметь материал, которым оно оперирует.

Важно отметить и такой принцип кантовской аргументации, который можно было бы назвать *коммуникативным*, или принципом объективации. В «Критике способности суждения» он пишет, что знания и суждения вместе с присущей им убежденностью должны сообщаться всем, ибо иначе они не будут совпадать с объектом и будут представлять чисто субъективную игру представления, а это и есть как раз то, чего так жаждет скептицизм⁸².

Дело в том, что, по Канту, к представлению, поставляющему предмет для познания, принадлежат способность воображения, осуществляющая синтез многообразного в созерцании, и рассудок, соединяющий представление в единство понятия; и это есть состояние сознания как свободное взаимодействие познавательных способностей субъекта с целью определения объекта, с которым должны согласовываться данные представления, присущие каждому субъекту; оно должно иметь силу для каждого субъекта⁸³. Основания для подобного расчета, следовательно, обладают качеством объективности, и подобные состояния сознания Кант называет убежденностью. На обеспечение этого качества направлены так называемые

⁸² *Kant I. Schriften zur Metaphysik und Logik Bd. 8. S. 321.*

⁸³ *Ibid. S. 296.*

общие максимы человеческого мышления: думать самому, думать на месте каждого и думать в согласии с самим собой. Первая максима — это максима рассудка, вторая — максима способности суждения, третья — максима разума⁸⁴.

И, наконец, следует отметить, что аргументация в философском тексте носит многоуровневый характер. Кантовский текст — это мощная, по меньшей мере, трехуровневая семантическая система порождения текста (см. гл. II). Наличие уровней обусловлено прежде всего исторически сложившимися системами философского знания — эмпиризма (XVIII век) и рационализма (XVII век), своеобразный синтез которых представлен в гносеологической теории Канта. В работе «Какие действительные успехи сделала метафизика со времен Лейбница и Вольфа в Германии» Кант указывает, что основной вопрос «Как возможно теоретическое знание?» может быть поставлен и в другой формулировке, а именно: «Следует ли выводить знания единственно только из опыта как высшего его основания?» И это вопрос права. Положительный ответ на него ведет к эмпиризму, а отрицательный — к реализму. Синтез этих точек зрения, как известно, Кант выразил в формуле «понятия без созерцания пусты, а созерцания без понятий слепы»⁸⁵. Иными словами, теоретические конструкты должны иметь эмпирическую интерпретацию. Отсюда в тексте И. Канта три уровня: уровень объектного языка (эмпирический уровень), уровень метаязыка (рассудок, уровень описания, уровень теории) и уровень метаметаязыка (уровень разума (методологии теории)).

Аргументация выполняет для дискурсивного познания ту же роль, что и созерцание для понятия, то есть аргументация рассматривается как *дискурсивная демонстрация*. В текстах И. Канта

⁸⁴ Kant I. Schriften zur Metaphysik und Logik ... S. 391.

⁸⁵ Kant I. Welches sind die wirklichen Fortschritte, die die Metaphysik seit Leibnitz's und Wolfs Zeiten in Deutschland gemacht hat // Werke ... Bd. 5: Schriften zur Metaphysik und Logik. S. 607.

та поэтому обильно представлены выражения типа: «как мы видели выше», «как было показано» и так далее, получающие эпистемический статус.

В арсенале аргументации в кантовском тексте наличествуют, однако, не только известные операции формальной логики, но и операции естественной логики, такие как сравнение, аналогия, членение, иллюстрация, классификация и т. д.

Так, Кант говорит об операции приведения примеров, которая явно относится к естественной логике, что она необходима, как он выражается, как «поводок» способности суждения для тех, кто не обладает естественным талантом к таковой; в то же время и о трансцендентальной логике он говорит, что ее особенность в том, что одновременно с чистым понятием она указывает и случай, к которому оно применимо.

Одним из важнейших источников истинности априорного знания выступает сам субъект мышления и принцип свободы, обеспечивающий максимум самосохранения разума. Свобода в мышлении означает, что разум должен подчиняться лишь таким законам, которые он дает самому себе. Мыслителю самому, по Канту, необходимо иметь высший критерий истины в самом себе, или в своем собственном разуме, то есть во всем том, что предполагаешь, следует спрашивать себя, можно ли делать основание, из которого ты исходишь, или правило, которое следует из данного предположения, всеобщим принципом использования своего разума. Этим объясняется большой удельный вес в «Критике» речи от первого лица и вообще от рефлектирующего субъекта.

Особенность синтетического способа построения дискурса Канта — движение от основания к следствию. Этот способ характерен для дедуктивных форм речи. Но к нему Кант причисляет и антиимпlicative форму «не... а...» (*nicht... sondern...*), играющую у него большую прагматическую роль, при помощи которой Кант утверждает свои концепты и удаляет из тезауруса адресат чужих. Синтетические текстовые структуры также могут быть двух- и трехчастными. К двух-

частным относятся, как указывалось выше, антецедентно-консеквентные структуры вида «wenn... so...» (если... то...), «da... so...» (так как... то...), «weil... so...» (так как... то...), «insofern... so...» (постольку... поскольку...), «zwar... so...» (хотя... тем не менее...) и др. Это, по Канту, суть суждения рассудка. Трехчастные (и более) конструкции являются, как правило, формально-логическими построениями, категорическими, условно-категорическими силлогизмами и полисиллогизмами (суждения разума).

Одна из наиболее частотных семантико-синтаксических конструкций в текстах Канта — имплицативная конструкция «если... то...» (wenn... so...). Статистические данные показывают, что она встречается в текстах Канта около 7000 раз. Смысл конструкции «если... то...» можно представить в виде следующей формулы: «ситуация-гипотеза *A* — достаточное основание для ситуации-вывода *B*».

Однако в текстах Канта она помимо прочего играет текстообразующую роль, связывая воедино комплексные пропозиционные единства и создавая их основное логико-семантическое отношение, на которое накладываются — порой в причудливой форме — другие семантические и синтаксические отношения. Поясним это на примере:

Если необходимый закон нашей чувственности, а также и формальное условие всякого восприятия заключается в том, что предыдущее время с необходимостью определяет последующее (я не могу оказаться в следующем моменте времени иначе как с помощью предшествующего), (2) *то* непрменный закон временного ряда будет состоять в том, что явления прошедшего времени определяют всякое наличное бытие в последующем, и что последние как события могут состояться только постольку, поскольку первые определяют их существование во времени, то есть согласно правилу. Ибо только с помощью явлений мы можем эмпирически определить эту непрерывную связь моментов времени (KV, I, 234).

В этом примере *антецедент* включает следующие пропозиции:

1. Необходимый закон нашей чувственности состоит в «X».
2. Формальным условием всех восприятий является «X».
3. «X»: предыдущее время с необходимостью определяет последующее.
4. Я могу оказаться в последующем моменте времени только благодаря предыдущему (моменту времени).

Консеквент содержит в своем составе следующие пропозиции:

1. Неотъемлемым законом представлений эмпирического ряда является «Y».
2. «Y»: явления предшествующего времени определяют любое наличное бытие в последующем (времени).
3. События происходят только при условии «Y».
4. «Y»: события предыдущего времени определяют существование последующих (событий) во времени.
5. События прошедшего времени предопределяют любое существование в последующем согласно правилу.

Общая схема логико-семантических отношений СФЕ

АНТЕЦЕДЕНТ

Если

1. Пропозиция. Конъюнкция.
2. Пропозиция. Изъяснительное.
3. Пропозиция. Перифраз.
4. Пропозиция.

то

КОНСЕКВЕНТ

5. Пропозиция. Изъяснительное.
6. Пропозиция. Конъюнкция.
7. Пропозиция. Перифраз.
8. Пропозиция.

Как следует из схемы, *имплицативное* отношение для данного СФЕ — основное. Частными отношениями будут отношение конъюнкции и изъяснительные; побочными — перифраз. Ключевая фраза (тезис) появляется лишь в конце как вывод. При таком построении высказывание отчетливо делится на «данное» (антецедент) и «новое» (консеквент), несущее новую информацию и ведущее рассуждение дальше. При этом антецедент характеризуется *трансцендентальной* семантикой, а консеквент — *эмпирической*, потому что, по Канту, априорные формы выступают в качестве условия получения эмпирических законов и правил (как в примере выше).

Философский дискурс по своему характеру энтимемичен, и это несмотря на то, что он отличается очень плотными семантическими связями (особенно текст Канта). Это можно показать, если сопоставить поверхностную логическую структуру текста с глубинной структурой. Поясним это на следующем примере:

Пространство не есть эмпирическое понятие, полученное из внешнего опыта. В самом деле, для того, чтобы определенные ощущения могли относиться мной к чему-то вне меня (то есть к чему-то, находящемуся в другом месте, чем в том, где я нахожусь), а равным образом для того, чтобы я мог представить их, как находящиеся рядом друг с другом, то есть не только как различные, но и как находящиеся в разных местах, для этого представление пространства должно быть уже заложено во мне как основание. Следовательно, представление пространства не может быть заимствовано из отношений внешних явлений с помощью восприятия, а сам этот внешний опыт только и становится возможным благодаря этому мысленному представлению (KV, I, 72).

Глубинная логическая структура данного СЕ состоит из пяти блоков условно-категорического силлогизма, а именно:

1. {Если / ощущения относимы к чему-то вне меня /р/ и я могу представить их себе как находящиеся в разных местах

(то есть не в том месте, где я нахожусь) /q/, то / представление пространства должно быть уже заранее дано (в мышлении) /r/. Ощущения относятся к чему-то вне меня /p/, и я могу представлять их себе как находящиеся в разных местах (то есть не в том месте, где я нахожусь) /q/. Следовательно, / представление пространства должно быть уже заранее дано /r/}.

Формально-логическое представление этого блока следующее:

$$\begin{array}{c} p \wedge q \rightarrow r \\ p \wedge q \\ \hline r \end{array}$$

2. Если / представление пространства уже заранее дано /r/, то / оно предшествует опыту /s/. Представление пространства уже дано заранее /r/, следовательно, / оно предшествует опыту /s/.

Формальное представление:

$$\begin{array}{c} r \rightarrow s \\ r \\ \hline s \end{array}$$

3. Если / представление пространства предшествует опыту /s/, то / оно не может быть заимствовано из опыта /t/. Представление пространства предшествует опыту /s/. Следовательно, / оно не может быть заимствовано из опыта /t/.

Формальное представление:

$$\begin{array}{c} s \rightarrow t \\ s \\ \hline t \end{array}$$

4. Если / представление пространства не заимствовано из опыта /t/, то / понятие «пространство» не является эмпирическим /f/. / Представление пространства не заимствовано из опыта /t/. / Следовательно, понятие «пространство» не является эмпирическим понятием /f/.

Формальное представление этого силлогизма следующее:

$$\begin{array}{c} t \rightarrow f \\ t \\ \hline f \end{array}$$

5. Если / представление пространства уже заранее дано /r/ (в мышлении), то / становится возможным опыт /l/.

/ Представление пространства уже дано заранее (в мышлении) /r/. Следовательно, / становится возможным опыт /l/.

Формально:

$$\begin{array}{c} r \rightarrow l \\ r \\ \hline l \end{array}$$

В поверхностной логической структуре данного СЕ представлены, однако, не пять, а всего лишь три блока, а именно тезис, аргумент и вывод:

1. *Тезис.* / Пространство не есть эмпирическое понятие /t/, и / оно не заимствовано из опыта /i/.

2. *Аргумент.* Для того чтобы / ощущения чего-либо относились к чему-то вне меня /p/, и я мог их представлять себе как находящиеся в различных местах, то есть не в том месте, где я нахожусь /q/, то / представление пространства должно быть уже дано (в мышлении) /r/.

3. *Вывод.* / Представление пространства не может быть заимствовано из опыта /i/, / оно не является эмпирическим понятием /t/. / Представление пространства уже заранее дано (в мышлении) /r/, и / становится возможным опыт /l/.

Формально:

$$\begin{array}{c} f \wedge t \text{ (тезис)} \\ (p \wedge q) \rightarrow r \text{ (аргумент)} \\ \hline (f \wedge t) \text{ (вывод)} \\ (r \wedge l) \end{array}$$

Таким образом, в *поверхностной логической структуре* текста отношение между тезисом и аргументом *энтимемично*, то есть не все необходимые формально-логические шаги представлены в нем. Следовательно, логически более адекватная аргументация обеспечивается лишь на глубинном (формально-логическом) уровне семантических отношений между поясняемым и поясняющим компонентами дискурса.

Корреляция логических блоков в глубинной и поверхностной логической структуре такова: тезис содержит информацию, находящуюся в третьем и четвертом блоках условно-категорического силлогизма. Аргумент включает в себя информацию первого блока, второй блок не представлен. В выводе представлены четвертый и пятый блоки, но лишь суммарно.

Итак, в философском тексте как аргументирующем дискурсе семантические отношения между поясняемым (антецедентом) и поясняющим (консеквентом) компонентами имеют *глубинный* и *поверхностный* уровни. Поверхностная логическая структура текста *энтимемична*, а глубинная может быть выявлена лишь с помощью *формально-логического анализа*.

2. Экспозитивный дискурс И. Канта как речевая форма введения и переквалификации терминов в тезаурусе адресата

Философский текст в его классической форме и, в частности, текст Канта — это, не в последнюю очередь, текст дефинитивный, или, по Канту, *экспозитивный*, который он определяет как «...ясное (хотя и не полное) представление того, что относится к одному понятию». В основе построения такого дискурса лежат специфические процедуры интеллектуальной деятельности, предназначенные отправителем речи для введения в тезаурус адресата новых терминов, элементарных имен и дескрипций. Они служат также для уточнения или переквалификации смыслов уже известных или введенных в тезаурус адресата терминов. Эта методика Канта не потеряла своей актуальности и по сей день.

Сущность операции определения (экспозиции) как посредника между субъектами интеллектуальной деятельности состоит в установлении отношений тождества (или синонимии) между определяемым компонентом *definiendum* (DFD) и определяющим *definiens* (DFN). Элементарной синтаксической формой, порождающей термины и терминологические словосочетания в дискурсе Канта, является форма вида (...) R (...), в которой символом (...) обозначены переменные компоненты DFD и DFN, а символ R — отношение тождества между ними. При этом отношение тождества может быть подано как объективно значимое, что находит свое формально языковое выражение в использовании связочных глаголов *sein* (быть), *werden* (становиться) и *heißen* (называться), выполняющих функцию пропозиционального оператора тождества. Например:

1. Рассудок, вообще говоря, *есть* способность познания (KGV, 181).

Или (с расширением дефиниендума за счет определительного придаточного предложения, уточняющего его содержание ввиду семантической абстрактности самого дефиниендума):

2. То созерцание, которое соотносится с предметом с помощью ощущения, *называется* эмпирическим (KGV, 93).

Определительным терминопорождающим конструкциям с глаголами *sein* (быть) и *heißen* (называться) противостоят определения с глаголами *nennen* (называть) и *verstehen* (понимать) в качестве пропозициональных операторов. Последние, в отличие от первой пары, имеют референцию к субъекту рассуждения, то есть автору. Определения этого вида можно назвать *прагматическими*, так как они связаны более непосредственно с субъектами интеллектуальной коммуникации и направлены на расширение тезауруса адресата за счет введения новых или перекалфикации уже существующих в его слова-

ре терминов. Эти определения являются также синтетическими, поскольку вносят в значение вводимого термина новые предикаты или уточняют прежде существующие. Например:

3. Но под синтезом в его самом общем значении я понимаю действие по связыванию различных представлений друг с другом и соединению их многообразия в одном акте познания (KrV, 116).

Или: «Я понимаю под трансцендентальным истолкованием объяснение понятия как принципа, из которого может быть усмотрена возможность других синтетических понятий a priori» [KrV, 74].

Большой удельный вес этого вида определений в текстах Канта связан с сущностью самого его учения об активности субъекта, в частности, с принципом «Я мыслю», так, что формы «ich nenne» (Я именуую), «ich verstehe» (Я понимаю), «ich unterscheide» (Я различаю) и другие представляют собой речевую реализацию авторского «Я мыслю».

Иллокутивные акты номинации и истолкования с референцией к автору как носителю речи и теории — основной источник переквалифицирующих определений и новых терминов. При этом автор может делать поправку на адресата, то есть учитывать фактор адресата, как например:

4. Да будет мне позволено, называть эти чистые, но производные понятия рассудка (в их отличии от предикаментов) предикабиями чистого рассудка (KrV, 120).

Как следует из примера, формы «Я именуую (называю)» и «Я понимаю (разумею)», сформулированные в модусе уступительной модальности от адресата (как в примере выше), имеют целью обратить внимание адресата на объекты, которые в дальнейшем получают приоритетный статус в предлагаемой автором интеллектуальной системе.

Особенность кантовских определений то, что в них определению подлежат не родовые понятия, а, как правило, видо-

вые, причем выделение последних совершается с помощью определения или описания признака, по которому происходит видовое отличие производного понятия. Отсюда неизменно синтаксическим компонентом акта определения выступают придаточные предложения, либо называющие признак, по которому происходит деление базисного понятия, либо формирующие условия, при которых DFD и DFN вступают в синонимические или гиперо-гипонемические отношения. Например:

5. Я называю в явлении то, что принадлежит ощущению, материей его, а то, что способствует тому, что многообразное явление созерцается как находящееся в определенных отношениях, я называю его формой (KGV, 93).

Из примера следует, что базисное понятие (гипероним) *Erscheinung* (явление) рассматривается как данное. В нем с помощью двух дескрипций выделяются два существенных компонента (признака) этого понятия, представленных терминами «материя» и «форма».

Дескриптивность определения говорит о том, что в тезаурус адресата вводятся понятия и их имена, которые были ранее ему в этом качестве неизвестны. Как отмечает К. Попа, цель *перерегистрирующих* определений — построение и доведение до реципиента нового рационального смысла и значения известного ему имени, то есть оно есть в его словаре, но смысл его в данном контексте не ясен⁸⁶. В нашем случае в результате спецификации базисного термина *Erscheinung* получены два новых билексемных термина-гипонима: *Materie der Erscheinung* (материя явления) и *die Form der Erscheinung* (форма явления). Отношения между компонентами полученных терминов-словосочетаний могут быть охарактеризованы как отношения принадлежности: и материя, и форма входят в понятие *явление* на правах его существенных признаков. Эту

⁸⁶ Попа К. Теория определения. М., 1976. С. 109.

оппозицию между понятиями и их терминами можно представить следующим образом: *die Materie der Erscheinung* (материя явления) ↔ *die Form der Erscheinung* (форма явления).

Совершенно иные признаки имеет отношение именованя, когда для одного и того же понятия вводятся не один термин, а несколько, каждый из которых обладает своей рациональной спецификой, и лишь вместе они поставляют полную характеристику понятия, образуя как бы его *совокупное имя*. Например:

6. Я называю его [представление «Я мыслю»] *чистой апперцепцией*, чтобы отличать его от эмпирической (апперцепции), или также *первичной (изначальной) апперцепцией*, потому что она есть то самосознание, которое, порождая представление «Я мыслю», должно быть в состоянии сопровождать все другие, и быть в любом сознании одним и тем же и не может сопровождаться никаким другим представлением (KrV, 173).

Представление «Я мыслю» получает здесь несколько синонимичных, но, тем не менее, различающихся нюансами своего значения наименований, которые в своей семантике отражают различные стороны одного и того же объекта: чистая апперцепция в ее противопоставлении эмпирической; термин «первоначальная апперцепция» подчеркивает ее *непроизводный* характер. Таким образом, оба билексемных термина именуют один и тот же объект, но обладают разными смыслами. Первый смысл оппозитивен и может быть описан через антоним *empirisch* (эмпирический) как *nicht empirisch* (не эмпирический). Второй смысл также может быть описан через свой антоним: *abgeleitet* (производный) — *nicht abgeleitet* (не производный).

С помощью указания признака производится не только отличие одного объекта от другого, но и выделяется целый класс объектов, принадлежащих одной предметной области и получающих одно общее имя. Например:

7. Я называю все представления чистыми [в трансцендентальном смысле], в которых нет ничего эмпирического (KrV, 93).

Употребление квантора количественной всеобщности *alle* (все) говорит о том, что свойства, обозначаемые предикатом *rein* (чистый), приписываются каждому члену данного класса и всему классу в целом.

Кантовское определение нередко строится как взаимодействие двух ролей автора как носителя своей теории (теоретический субъект) и как эмпирического субъекта трансцендентального мышления, находящихся на разных уровнях познавательной деятельности: уровне наблюдения, или эмпирическом уровне, и метауровне, или теоретическом уровне. Первый уровень поставляет второму объект для номинации. Например:

8. Действие, с помощью которого *я* (1) соотношу представления вообще с познавательной способностью, в которой они совершаются, и с помощью которого *я* (1) различаю, относятся ли они к чистому рассудку или к чувственному созерцанию, *я* (2) называю рефлексией (KpV, 355).

Здесь автор как эмпирический субъект и носитель трансцендентального принципа мышления и познания *я* (1) с помощью *трансцендентальной интроспекции* производит операцию определения понятия трансцендентальной рефлексии, а автор как метасубъект (носитель теории) *я* (2) выполняет операцию его *номинации*. Таким образом, акты определения понятия и его номинации *рационально* разведены здесь по разным уровням: уровню теории и уровню эмпирического наблюдения. По этим же уровням следует развести также и термины. Полученный в результате билексемный термин «*трансцендентальная рефлексия*» принадлежит метауровню описания (уровню теории), а остальные термины являются терминами языка — объекта, а именно: *Handlung* (действие), *Vorstellung* (представление), *Erkenntniskraft* (познавательная способность), *der reine Verstand* (чистый рассудок), *die sinnliche Anschauung* (чувственное созерцание) и другие. Термины эмпирического уровня — термины для употребления, а термины метауровня — для упоминания⁸⁷.

⁸⁷ Горский Д. П. Определение. М., 1974. С. 33.

Введение нового термина может совершаться не только посредством логической операции определения, но и ретроспективно с помощью обращения к уже ранее введенным в тезаурус адресата терминам по *аналогии* с ними, что следует считать рациональным приемом рассуждения. Например:

9. Мы определили в первой части нашей трансцендентальной логики рассудок как способность создавать правила; здесь *мы* отличаем от него разум тем, что называем его способностью породить принципы (KrV, 385).

В данном случае термин-дескрипция «способность порождать принципы» (*das Vermögen der Prinzipien*) по отношению к разуму построен аналогично ранее введенному термину «способность порождать правила» (*das Vermögen der Regeln*) по отношению к рассудку. Оба являются гипонимами базисного термина «способность» (*Vermögen*). Следовательно, они находятся терминологически в сопоставительных, или, вернее, альтернативных отношениях.

Определения с глаголом-оператором *verstehen* (понимать) могут иметь референцию как к автору, так и к объекту истолкования, то есть являются, как указывалось выше, еще одной разновидностью реализации авторского принципа «я мыслю». Если определения с оператором *nennen* (называть) в результате взаимодействия с уровнем наблюдения поставляют теоретические метатермины, то определения с глаголом *verstehen* (понимать) часто выступают средством *истолкования* (*interpretation*) терминов, то есть с методологической функцией. Для этих *переквалифицирующих* определений характерен синтаксический принцип их построения по модели «NICHT... SONDERN...» (НЕ... А...), который позволяет автору выразить свое отношение к предшествующим философским концепциям или к принятой ранее точке зрения и подчеркнуть свою, новую позицию. Например:

Я разумею под аналитикой понятий не анализ последних или обычный метод исследования в философии, а еще недостаточно применявшийся анализ самой рассудочной способности, чтобы... (KrV, 138).

Рационально-прагматическая функция этой конструкции определения состоит в том, чтобы построить для адресата новый смысл для уже имеющегося в его тезаурусе термина и удалить прежний. Так, в примере выше, термин «аналитика понятий» (*Analytik der Begriffe*) получает новый смысл: «еще недостаточно применявшийся анализ самой рассудочной способности» и удаляется прежний смысл: «анализ и прояснение содержания возникающих понятий».

Таким образом, эта синтаксическая конструкция выступает рациональным средством, с помощью которого Кант строит *свои* смыслы в тезаурусе адресата на базе его прежнего терминологического аппарата. Вот еще один пример с развернутой второй частью (дефиниенсом):

(1) Рефлексия (*Reflexion*) имеет дело *не* с самими предметами, чтобы получить тотчас понятия о них, *а* есть состояние души, в котором мы сначала приступаем к тому, чтобы определить субъективные условия, при которых мы можем прийти к понятиям. (2) Она есть осознание отношения данных представлений к нашим различным источникам познания, с помощью которого единственно может быть правильно определено их отношение друг к другу (*KrV*, 285).

Данный выше пример интересен тем, что в нем дается развернутая форма дефиниенса, переходящая в текст, так что мы имеем здесь фактически два определения понятия рефлексии. Но более точное или окончательное определение дается не в (1), а в (2).

Более сложной, чем описанная выше синтаксическая дефинитивная модель, связанной с порождением терминов в дискурсе Канта, является модель, схему (формулу) которой можно представить как «*если... то...*», то есть модель с оператором «*то*», как постоянным компонентом этого антецедентно-консеквентного построения, функция которого состоит в донесении до адресата помимо значения, смысла и имени термина, также и информации, связанной, главным образом, с *аргументацией правомерности* введения данного объекта номинации и снабжения его определенным именем. Например:

(1) Но если я точнее исследую отношение понятий в суждении и буду различать их как принадлежащих рассудку от отношений, основанных на законах способности воображения... (2) то я найду, что суждение есть не что иное, как способ подведения данных понятий под объективное единство апперцепции (KrV, 189).

В antecedente (1) формируются условия, при которых тождество DFD и DFN в консеквенте (2) следует считать истинным. О подчеркнута утвердительной модальности выражения свидетельствует присутствие сочетания «не что иное, как...», усиливающего констатацию. Определение формы «ЕСЛИ... ТО...» содержит условие, при котором отношение тождества между компактным (DFD) и длинным компонентами дефиниции (DFN) имеет силу. Эту конструкцию необходимо считать более рациональной, так как она содержит наряду с актом номинации и *акт обоснования* данной номинации.

Конструкция «если... то...» может также вводить в тезаурус адресата сразу два термина, причем введение в antecedente первого служит условием введения (в консеквенте) второго, как например:

1) Если мы назовем восприимчивость нашей души к получению представлений в той мере, в какой она каким-либо образом аффицируется, *чувственностью*, (2) то способность порождать сами представления, или спонтанность получения понятий, напротив, будет *рассудком* (KrV, 97).

В данном выше примере в antecedente (1) вводится понятие чувственности, а в консеквенте (2) — понятие рассудка. Логические отношения между содержанием antecedента и консеквента в данном случае противительные. Об этом свидетельствует наречие «напротив», имеющее противительное значение, так что здесь имеет место, скорее, отношение *логического параллелизма*, чем следования.

В составе сверхфразового единства конструкция «если... то...», может выполнять не конституирующую текст функ-

цию, то есть начинать новый фрагмент коммуникации как обычно, но и также (что реже) тексторазвивающую функцию. В этом случае речь, представленная в ней, становится семантической, или зависимой от речевого акта определения, который по отношению к ней автосемантичен. Например:

(1) Во всяком умозаключении есть тезис, лежащий в основании, и другой, а именно следствие, которое из него вытекает, и, наконец, вывод (консеквент), согласно которому истинность последнего неизбежно связывается с истинностью первого. (2) Если выводное суждение содержится в первом таким образом, что оно может быть выведено без посредства среднего члена, то такое умозаключение называется непосредственным. Я бы его назвал умозаключением рассудка. (3) Если же для этого необходимо еще одно суждение для того, чтобы вывести следствие, то такое умозаключение называется умозаключением разума (KGV, 388).

Из данного примера следует, что дефинитивные конструкции (2) и (3) обусловлены контекстуально, они развивают тему дискурса, обеспечивая тесную логическую связь с предыдущим контекстом; служат как бы выражению мысленного эксперимента отправителя текста, позволяющего построить новые понятия и термины для них. В нашем случае порождаются термины *Verstandesschluss* (умозаключение рассудка) и *Vernunftschluss* (умозаключение разума), которые вступают в гипонимическое отношение со своей основой — термином *Schluss* (умозаключение). Семантика этого отношения описывается формулой «определение через род и видовое отличие», которая восходит еще к Аристотелю.

Следующим вариантом антецедентно-консеквентной модели, порождающей термины, является модель «DA, (WEIL)... SO...» (ТАК КАК... ТО...). Назначение этой модели — сделать построение нового смысла и его термина в тезаурусе адресата логически более очевидным и обоснованным, так как аргументация строится от уже существующего факта. Рассмотрим следующий пример:

Так как всякое общее суждение в умозаключении разума может служить большой посылкой, а рассудок поставяет подобные общие суждения а priori, то последние, ввиду их возможного применения, могут также называться принципами (KtV, 386).

Как видно, эта конструкция помогает опереться на уже доказанные в предыдущем контексте положения, а тем самым и истинные факты теории с тем, чтобы представить данное в консеквенте определение как следствие из них, а тем самым и как истинное и для адресата. Данную логическую конструкцию Кант называет, как известно, «умозаключением рассудка», так как консеквент непосредственно следует из антецедента.

Однако она может быть использована не только для обоснования правомерности введения нового понятия и его термина, но и введения термина, синонимичного с прежним, но более компактного, то есть термина с функцией *сокращения*. Так, в примере выше термин «общее суждение в умозаключениях разума» заменяется на более краткий — «принципы».

Текст, имеющий дело с философскими понятиями и их содержанием, нуждается в многократном применении операций введения, идентификации и номинации понятий для того, чтобы более или менее полно очертить их концептуальные границы и связи с другими понятиями. Как результат повторения актов определения и номинации возникает дефинитивный, или, как Кант выражается, экспозитивный дискурс. Примером могут служить вступительные замечания (экспозиция) к § 13 «О принципах трансцендентальной дедукции вообще» (дается в сокращении):

(1) Правоведы, когда они говорят о правомерности и притязаниях в судебном разбирательстве, различают в нем вопрос о том, что относится к праву (*quid juris*) от вопроса, относящегося к факту (*quid facti*), и, требуя в обоих случаях доказательства, называют первый, долженствующий показать законность или правомерность притязания, д е д у к ц и е й. Мы пользуемся массой эмпирических понятий, не встречая возражений со стороны кого-либо, и считаем себя без дедукции вправе присваивать им

смысл и мнимое значение, потому что мы в любое время можем прибегнуть к помощи опыта для того, чтобы показать их объективную реальность, как, например, понятия счастья, судьбы, которые хотя и пользуются в своем хождении всеобщей снисходительностью, но, тем не менее, иногда подпадают под вопрос права *quid juris*...

Но среди множества понятий, составляющих весьма пеструю ткань человеческого познания, имеются такие, которые предназначены для чистого применения, и эта их правомерность постоянно нуждается в дедукции, так как... (2) *Поэтому* я называю объяснение способа, каким понятия а priori могут относиться к своим предметам, трансцендентальной дедукцией последних и отличаю ее от эмпирической дедукции... (KtV, 158—159).

Данное выше сверхабстрактное единство (САЕ) отчетливо делится на антецедентную часть (1) и консеквентную (2), представляющую собой концептуальное ядро всего САЕ, ради которого оно, собственно, и построено. Оба компонента определения носят характер микротекста. Вот еще пример на такой же случай:

(1) Схема сама по себе всегда есть лишь результат способности воображения; но так как синтез ее имеет своей целью не отдельное созерцание, а только единство определений чувственности, то схема все же отличается от образа. Так, если я нарисую пять точек, следующих друг за другом, то это будет образ числа «пять». И, напротив, если я буду мыслить число вообще, будь то «пять» или «сто», то такое мышление будет скорее методом представления соответствующей понятию множественности (например, тысячи) в виде образа, чем сам этот образ, который в этом последнем случае будет трудно обозреть и сравнить с понятием. (2) Такое представление о всеобщем методе способности воображения, создавать для какого-либо понятия его образ, я называю схемой этого понятия (KtV, 239).

Как следует из данного примера, дефиниендум (1) представляет собой экспозитивный дискурс, содержание которого в сокращенном виде еще раз повторяется в пункте (2), где ему дается и сокращенное обозначение в виде лексемы «схема».

Таким образом, дефинитивные формы речи — основа экспозитивного дискурса Канта. Они могут либо начинать очередной фрагмент рассуждения, либо завершать его. В первом случае она выступает в роли основания (антецедента) для развертывания последующего текста, во втором — в роли необходимого следствия (консеквента) из предыдущего контекста. Но в обоих случаях их главенствующая роль несомненна.

Одна из важных особенностей философского текста Канта заключается также и в том, что в нем в качестве терминологических единиц выступают не только слова и словосочетания, но и целые пропозиции и даже микротексты. Об их фразеологизации свидетельствует тот факт, что они целиком интегрируются и воспроизводятся в тексте, но могут также оформляться и автономно. Их терминированность обусловлена концептуально, так как речь идет об устойчивых формулировках теоретических положений аксиом, теорем, постулатов, силлогизмов, аргументов, максим, паралогизмов, императивов и т. д. Например:

Итак, тезис: *«ни с одной вещью не согласуется предикат, который ей противоречит»*, называется правилом противоречия и является всеобщим, хотя и просто негативным критерием всякой истины; он принадлежит поэтому только логике, потому что... (KrV, 248).

Формальным синтаксическим признаком таких структур выступает, как правило, союз *dass* (то, что), который следует рассматривать в качестве оператора пропозиционализации (графическим маркером этого является также двоеточие). Например:

(1) *То, что «Я» апперцепции, следовательно, в любом мышлении, является единственным числом, которое не может быть растворено во множестве субъектов, то есть обозначает логически простой субъект, (2) является аналитическим суждением...* (KrV, 428).

В данном выше примере дефиниендум (1) представлен структурно тремя пропозициями, каждая из которых содержит определенную характеристику предмета высказывания, которым оказывается субъект как носитель принципа апперцепции, обозначенный именем «Я». Но фактически предметом определения в (2) выступает сам пропозициональный дефиниендум (1), так что обе части соотносятся как язык-объект и метаязык, то есть как определение уровня языка-объекта, описывающего ментальные акты субъекта эмпирического теоретического мышления (1), и определение метаязыка (2). Следовательно, это дефиниции разных уровней дискурса: дефиниендум — дефиниция (1) является объектом для дефиниенса (2).

Эти пропозициональные построения часто — объект оценки (пропозициональной установки) автора как трансцендентного субъекта (носителя методологии своей теории):

(1) Таким образом, я утверждаю: (2) трансцендентальные идеи никогда не предназначены для конститутивного употребления, то есть такого, чтобы с их помощью могли быть даны определенные предметы, и даже в том случае, когда их так понимают, они суть всего лишь мнимые (диалектические) понятия... (KrV, 691).

Как следует из примера, на уровне выражения отношения к своей теории Кант производит речевой акт вывода — утверждения (1), а в (2) дается комплексное пропозициональное содержание, которое также содержит утверждение (ср. «никогда», «всего лишь»), но на метауровне и уже как снятое, то есть *в модусе пропозициональной модальности*, в то время как в пункте (1) утверждение дается в модусе пропозициональной установки, утверждения как такового.

Сущность данных синтаксических построений состоит в том, что они по своей семантике принадлежат языку-объекту и на метауровне получают метаимена (термы), или метатермины, выполняющие функцию их сокращения, а также их экспликации. Показателен в этой связи следующий пример:

(1) *Закон природы* (*das Naturgesetz*), гласящий: (2) что все, что происходит, имеет свою причину, что каузальность этой причины, то есть действие, предшествующее во времени и обусловливающее возникающий затем результат, не всегда может быть в наличии, но оно должно с необходимостью произойти... (3) *Этот закон*, благодаря которому явления только и могут составлять природу и поставлять предметы опыту, (3) *есть закон рассудка*, уклоняться от которого не должно ни под каким предлогом или делать исключения из него для каких-либо явлений... (KGV, 611).

Здесь в (1) лексема «закон природы» (*das Naturgesetz*) — метатермин, который эксплицируется на уровне объектного языка (2). Затем он получает концептуальную характеристику в метапредикате (3) на метаметауровне, или уровне оценки и вообще выражения отношения к своей теории. Таким образом, метадикурс «закон природы... есть закон рассудка» (1) и (3) служит «упаковкой» для языка-объекта и содержит оценку пропозиционального содержания, данного в пункте (2).

Но оба языка могут также оформляться синтаксически автономно, что обуславливает структурированность текста. Например:

(1) Если нечто (неважно что) существует, то отсюда обязательно следует, что это нечто существует необходимым образом. Ибо случайное существует только при условии существования чего-либо другого как его причины и... (2) Это — аргумент, служащий для разума основой для подхода к первоначальной сущности (*Urwesen*) (KGV, 644).

Метаметадикурс представлен в пункте (2), где появляется метатермин «аргумент» (*Argument*) с функцией сокращения содержания, данного в пункте (1). Тем самым трансцендентальная дедукция в (1) — предмет речи для актов речи трансцендентальной методологии в (2).

Терминированные пропозициональные структуры объектного языка обладают также текстообразующей функцией, так

как они выступают предметом сообщения на метаметауровне (роль языка-объекта играет уже метаязык (метадискурс) как форма выражения теоретического знания о рассудке):

(1) Прежде всего ясно и не вызывает сомнения следующее положение: (2) Если дано обусловленное, то тем самым дан и регрессивный ряд всех условий его, ибо... (3) Следовательно, это суждение аналитично, и оно выше всякой боязни трансцендентальной критики. Оно логический постулат разума, а именно: *с помощью рассудка проследить связь понятия с его условиями и продвинуться на этом пути как можно дальше, ибо они присущи самому понятию* (KrV, 577).

Таким образом, фразеологизированные (терминированные) построения представляют собой устойчивые концептуальные формулировки метаязыка, предметного, дескриптивного дискурса. Они обладают пропозициональной модальностью, то есть снятым моментом утверждения. Они получают на метаметауровне метаимена, оказываются предметом пропозициональных установок автора и обладают текстообразующей функцией. Следовательно, дескриптивный дискурс метаязыка в том случае, когда его содержание становится предметом обсуждения, оценки или комментария на уровне методологии теории обретает пропозициональный статус и отличается от собственно дескриптивного дискурса следующими признаками:

- 1) концептуальностью;
- 2) фразеологичностью;
- 3) пропозициональной модальностью;
- 4) текстообразующей функцией.

В целом необходимо обобщить: отношение субъекта и предиката одного отдельно взятого суждения перерастает на уровне текста в отношение между темой и текстом, или поясняемого и поясняющего компонентов, тезиса или тезисной части и аргумента. Наконец, в отношении между объектным языком (языком-объектом) и метаязыком, отражающим глубинное семантическое отношение между миром представлений и миром идей.

В «Критике чистого разума» следует различать, таким образом, язык-объект (дескриптивный дискурс), описывающий процесс получения опыта (эмпирического теоретического знания), метаязык-1 и метаметаязык (метаязык-2). Метаязык-1 — это метаязык теории (уровень рассудка), а метаязык-2 — это метаязык методологии теории (уровень разума).

Из деятельностного субъектно-речевого принципа построения кантовского текста вытекает и такое его качество, как ярко выраженная *перформативность*. Прежде всего глобальным перформативным актом «Я объясняю» является сам текст «Критики чистого разума». В рамках этого макроакта совершаются многочисленные частные иллокутивные акты, конституирующие дескриптивный дискурс, например: полагание, доказательство, обоснование, выведение, подытоживание, экземплификация, иллюстрация, интроспекция и др. Эти действия маркированы союзами и союзными словами с различными логико-семантическими функциями: *denn* — ибо (обоснование), *also* — итак, следовательно (подытоживание), *mithin* — тем самым (выведение), *folglich* — следовательно (выведение), *so* — так, например (экземплификация) и другие, а также словосочетаниями типа *in der Tat* — в самом деле, *jedermann muß gestehen, daß...* — каждый должен признать, что... (констатация), *es ist offenbar, daß...* — очевидно, что..., *hieraus folgt, daß...* — отсюда следует, что..., *man sieht leicht, daß...* — легко видеть, что... (выведение), *Was das zweite anbetrifft, so...* (переход к следующему этапу рассуждения) и др.

Акты речи с методологической (регулятивной) функцией типа: пояснение, напоминание, примечание, отступление, проспекция, ретроспекция, полемика и другие снабжены в той или иной форме также соответствующими указаниями: *Bemerkung* (замечание), *Anmerkung* (примечание), *Erläuterung* (пояснение), *Beweis* (доказательство), *Vorerinnerung* (напоминание) и другие или в форме метаметапропозиций типа: *Zur Erläuterung kann folgendes dienen* (в качестве пояснения может служить следующее) или *dieses ist eine allgemeine Anmerkung* (это — общее примечание) и др. Кроме того, довольно часто в форме

более емких текстовых единиц. Все эти формы речи представляют собой необходимые этапы и приемы рассуждения, без которых невозможно обеспечение подачи и усвоения теоретического содержания философского текста адресатом, а тем более такого, каким является текст И. Канта.

3. Проблемы логоса и лексиса терминологии И. Канта в «Критике чистого разума»

Важнейшим признаком научной речи, обслуживающим различные сферы знания, является, как известно, терминология. Она составляет существенную часть языка науки. Как отмечает А. А. Реформатский, чем наука «научнее», тем больший вес в ее структуре получает язык и тем более значимым становится вопрос о терминологии⁸⁸. Это в полной мере можно отнести и к языку философии и, разумеется, к философской прозе Канта и ее терминологии.

Свою терминологическую систему Кант создал не на пустом месте. До него уже была проделана большая работа, начиная с ранних философских мистиков XV—XVI веков и кончая выдающимися представителями Просвещения в Германии, такими философами, как Г. В. Лейбниц, Хр. Томазиус, Хр. Вольф, В. Ваумгартен и др.

Лейбниц, например, хотя и писал свои философские труды на латыни, тем не менее, призывал философов к разработке философской терминологии на немецком языке. Для этого следовало бы, по его мнению, проводить поиски в двух направлениях, главным из которых он считал использование ресурсов родного языка: возрождение устаревших слов, поиск новых и семантическая трансформация старых. Так, у него встречаются термины, не имеющие соответствия в латинском языке: *der Vernunftsschluß* (умозаключение разума), которым широко пользуется Кант, *das Wahre* (истинное), *die Ursache*

⁸⁸ Реформатский А. А. Что такое термин и терминология. М., 1959. С. 1.

(причина), *der Selbststand* (субстанция), *das Selbstwesen* (сущность), *der Auswurf* (следствие). Некоторые из них, правда, впоследствии не привились.

К Томазиусу восходят такие термины, как *Einbildung* (воображение), *Vorurteil* (предрассудок), *Wirkung* (действие), *Einteilung* (классификация), *Vernunftlehre* (логика) и др.

В создании немецкой философской терминологии особенно велика заслуга Кристиана Вольфа. Именно последний сам или через своих учеников, например Баумгартена, оказал большое влияние на становление терминологии Канта. Вольф проделал, в частности, большой труд по систематизации философских терминов. К Вольфу восходят термины *Begriff* (notio), *Satz* (propositio), *Schluß* (силлогизм), *Erklärung* (ardenion), *Urteil* (суждение, iudicium), *Lehrsatz* (theorema) и другие, которые постоянно употребляет Кант⁸⁹.

Кант перенял от Вольфа тщательную работу над философским термином, стремясь дать каждому из них точное определение. При этом он был противником создания новых слов, предпочитал использовать для этих целей заимствования из древних классических языков. Такой методологический подход он обосновывает в следующих словах:

При огромном богатстве наших языков думающий человек, тем не менее, довольно часто попадает в затруднительное положение при поиске выражения, которое бы точно соответствовало его мысли и по причине отсутствия такового может оказаться непонятным не только другим, но даже самому себе. Создание новых слов равносильно притязанию на законодательство в вопросах языка, которое редко оказывается удачным. Поэтому прежде, чем прибегнуть к этому крайнему средству, необходимо осмотреться среди мертвых и развитых языков, не найдется ли там подобного понятия вместе с соответствующим ему обозначением; и если даже ввиду неосторожного с ним обращения со стороны пользовавшихся ими прежде оно стало несколько неопределен-

⁸⁹ Аликаев Р. С. Немецкая философская терминология эпохи раннего Просвещения : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1983. С. 3.

ным, то все же лучше сохранить ему то значение, которое было ему некогда определено свойственно... чем испортить свое предприятие только тем, что можно оказаться быть не понятым (KV, I, 321).

Как видим, основным критерием в выборе термина для Канта была его ясность, понятность. Кроме того, Кант советует обходиться с найденным термином экономно, не употреблять его синонимично с другими терминами, тщательно сохранять его первоначальное значение. И это требование он обосновывает таким образом:

...Так как легко может произойти следующее: после того, как слово перестало пребывать в поле особого зрения и затерялось среди массы других с весьма отличающимися значениями, то утрачивается и сама мысль, которую только оно и могло сохранить (KV, I, 321).

Еще более определенно высказывается Кант в «Критике практического разума», выступая против безрассудного терминотворчества, отстаивая принцип единства содержания и формы, термина и стоящего за ним понятия. В частности, он говорит следующее:

Изобретать новые слова, когда язык не испытывает недостатка в них для обозначения имеющихся понятий, является детским желанием выделиться среди других не новыми и истинными мыслями, а новыми заплатами на старом платье⁹⁰.

Следуя этому принципу, он, не мог не учитывать потребности своей философской системы, которая побуждала его избирательно относиться к наработанному предыдущими учеными терминологическому аппарату, «подлаживая» его к своей

⁹⁰ *Kant I. Kritik der praktischen Vernunft // Werke : in 10 Bdn. / hrsg. von W. Weischedel. Darmstadt, 1983. Bd. 6. : Schriften zur Metaphysik und Logik. S. 115.*

философской системе, отбрасывая одни термины, модифицируя содержание других и создавая свои. Так, например, термин *Subreption* употребляется у Вольфа в значении ложного утверждения о познании чего-либо, что мы вообще познать не можем (воздействие души на тело), Баумгартен использовал его в значении «дуализм», а Кант — «трансцендентальный дуализм»⁹¹.

Невыводные суждения Вольф обозначает латинским термином *undemonstrabilis*, а Кант употребляет немецкий термин *unerweislich* или словосочетание *unmittelbar gewiß*. Суждение о наличии какого-либо признака у вещи Вольф называет *Erwägungssatz* (взвешивающее суждение), а суждения, показывающие, что и как может быть выполнено, он называет *Ausübungssätze* (практические суждения). Вытекающие из дефиниции суждения получают обозначение *Grundsätze* (основоположения), а вторые, соответственно, *Heischesätze* (постулаты). Первые Вольф называл аксиомами (Axiomen). Кант не употребляет термина «аксиома», когда имеет в виду философский аспект рассуждения, считая его непригодным для философии. Он изменяет также и значение термина «постулат», считая его неоправданным и несостоятельным в философии, стремящейся не к субъективно-синтетическим как в математике, а к объективно-синтетическим суждениям. Однако этот термин встречается у него в составе полилексемного термина *Postulate des Denkens* (постулаты мышления). В отличие от Вольфа другой смысл вкладывает Кант в термин «практический» (*praktisch*). Латинскому термину *Definition* (*definitio*) он предпочитает более широкий термин *Erklärung* (пояснение, объяснение), ибо философия, по Канту, не может иметь дефиниции в том смысле, какой они имеют в математике. К тому же чистые понятия не могут быть определены, так как всякое определение уже предполагает их использование, но, тем не менее, они могут быть объяснены (*erklärt werden*).

⁹¹ Fischer H. E. Op. cit. S. 17.

Что касается ключевого термина «трансцендентальный» (*transzendental*), то Е. Фишер со ссылкой на Г. Ойкена отмечает, что этот термин встречается еще у Фомы Аквинского и после него у схоластов в сочетании *veritas, bonitas, unitas transzendentalis*. Его употребляют затем Вольф и Баумгартен. Вольф уточняет его значение следующим образом: *veritas transzendentalis* — «упорядочение признаков, присущих какой-либо сущности»; *bonitas transzendentalis* — полнота (совершенство), совпадение в многообразном, единство большинства различаемых предметов; *unitas transzendentalis* представляет собой «трансцендентальное единство в отношении свойств, определяющих сущность». В этом значении данные термины встречаются в «Компендиуме метафизики» Баумгартена, которым постоянно пользовался Кант⁹².

Однако Кант вкладывает в этот термин свой смысл, подчеркивая, что слово *transzendent* обозначает у него не отношение нашего познания к вещам, а только отношение к нашим познавательным способностям ("niemals eine Beziehung unserer Erkenntnis auf Dinge, sondern nur aufs Erkenntnisvermögen")⁹³.

Г. Хаймзет отмечает, что у Канта этот термин имеет другое значение, чем в средние века и даже в XVIII столетии, а именно как «рефлексия человеческого разума о своих собственных элементах, понятых и положенных a priori». Новым является у Канта и билексемный термин *transzendentale Ideen* (трансцендентальные идеи), хотя его смысл в главных моментах восходит к учению Платона о божественных идеях⁹⁴.

Термин «эстетика» в том значении, в котором он употребляется у Канта, берет начало у Баумгартена. Последний определял эстетику как низший уровень познавательных способно-

⁹² Fischer H. E. Op. cit. S. 18.

⁹³ Kant I. Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können. Hamburg, 1976. S. 47.

⁹⁴ Heimsoeth H. Transzendentale Dialektik. Ein Kommentar zu Kants "Kritik der reinen Vernunft". Berlin, 1966. Bd. 1. S. 11.

стей, которые подразделялись у него на следующие способности: чувственного восприятия, фантазии, воображения, предвидения (*Voraussicht*) и суждения⁹⁵.

Без изменения значения Кант воспринял от Вольфа большое количество терминов, таких как *Monist* (монист), *Teleologie* (телеология), *Definition* (определение), *Beweisgrund* (основание для доказательства), *Vorstellung* (представление), *Verhältnis* (отношение) и другие, но отверг, например, такой термин Вольфа, как *Sinnesglied* в значении «орган чувств»⁹⁶.

О происхождении термина «категория» у Канта Г. Хаймзет отмечает, что он восходит к Аристотелю и античной традиции, однако Кант вложил в него совершенно новое содержание, определив его как «чистые понятия рассудка» (*die reinen Verstandesbegriffe*) и дав тем самым новое направление теории отношений между мышлением и бытием, хотя прежние онтологические и гносеологические смыслы «эмпирической традиции» были им также сохранены⁹⁷.

Как чистое понятие рассудка трактуется Кантом и понятие действия *Handlung* (*actio*). Этот термин обозначает действие, предшествующее всякому психическому или физическому опыту. Это понятие относится к предикабиям так же, как и понятие силы (*Kraft*), страдания (*Leiden*) и длительности (*Dauer*)⁹⁸.

Как отмечает В. И. Копылов, многие термины Канта восходят также к Платону, Гоббсу, Юму и др. Для терминотворчества самого Канта характерно использование составных терминов, чего не наблюдается в такой степени в XVII столетии. Увеличение числа составных терминов и развитие их значения приводит к установлению гиперо-гипонимических отношений между терминами; отмечается также принцип семантического сдвига в значении терминов у Канта⁹⁹.

⁹⁵ *Baumgarten A. G. Texte zur Grundlegung der Ästhetik. Hamburg, 1983.*

⁹⁶ *Fischer H. E. Op. cit. S. 20.*

⁹⁷ *Heimsoeth H. Op. cit. S. 240.*

⁹⁸ *Fischer H. E. Ibid.*

⁹⁹ *Копылов В. И. О языке философии Канта // Кантовский сборник. 1986. Вып. 11. С. 55.*

Сложность, в частности, полилексемность, многоуровневость и иерархичность терминологии, например, в «Критике чистого разума» обусловлены сложностью самого концептуального содержания его философской системы.

Термины, по выражению А. А. Реформатского, «принудительно связаны с понятиями данной науки»¹⁰⁰. Как отмечает С. Е. Никитина, «системность термина — отраженный признак системности знания, элементом которого термин является, следствие того, что термин «вырезал» себе фрагмент из общего смыслового единства — «системы». Но значение термина как «места» в теории, как элемента знания проявляется в совокупности всех его системных связей с другими терминами, выясняемых на основании употребления термина в научных теоретических текстах»¹⁰¹.

Сложность терминосистемы Канта объясняется также и тем, что кантовский текст — это текст с ярко выраженной творческой функцией, который, по выражению Ю. М. Лотмана, кроме коммуникативной выполняет и смыслообразующую функцию, выступая уже не в качестве пассивной упаковки заранее заданного смысла, а как генератор смыслов¹⁰².

В связи с изучением терминологии неизбежно возникает вопрос, что считать термином и что такое терминология вообще? На этот счет в научной литературе существуют достаточно разнообразные мнения и критерии. По определению С. С. Реформатского, термины — это слова специальные, ограниченные своим особым значением; они стремятся быть однозначными и не нуждаются в контексте; они существуют в языке в составе определенной терминологии. В зависимости от того, куда попадает данное слово, получается новое значение и отсюда иные сочетания с окружающими словами; они носят нередко интернациональный и метафорический характер¹⁰³.

¹⁰⁰ Реформатский А. А. Что такое термин и терминология ... С. 46.

¹⁰¹ Никитина С. Е. Семантический анализ языка науки. М., 1987. С. 28.

¹⁰² Лотман Ю. М. К современному понятию текста // *Linguistica*. Тарту, 1986. С. 106.

¹⁰³ Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1967. С. 110.

В. Н. Головин и Р. Ю. Кобрин формулируют теоремы-критерии, отделяющие термины от не терминов следующим образом:

Если единицы языка, обозначающие родовое понятие, — термины, то и все единицы языка, обозначающие соответствующие видовые понятия, также термины; справедливо и обратное утверждение: если единица языка, обозначающая видовое понятие, — термин, то и единица языка, обозначающая соответствующее родовое понятие, — также термин¹⁰⁴.

Что касается кантовской терминологии, то вопрос о критериях ее отбора можно считать в целом решенным в имеющихся словарях, посвященных как всему кантовскому философскому наследию, так и его отдельным произведениям. К числу первых следует отнести «Kant Lexikon» Р. Эйслера, который, хотя и не представляет собой систематического словаря, фиксирующего все случаи употребления того или иного термина, тем не менее, построен в значительной мере на полевой основе, показывающей связи данного термина с другими; цитируются также соответствующие места из текстов Канта. В этом словаре представлены в основном моноксемные термины¹⁰⁵. К числу вторых следует отнести терминологические словники к различным изданиям «Критики чистого разума», в частности к лейпцигскому изданию библиотеки «Реклам» (1979) и серии «Философская библиотека» издательства «Феликс Мейнер» (1988) и др. Наиболее полный словник такого типа представляет «Систематический краткий словарь» Г. Ратке к «Критике чистого разума». Этот словарь предназначен для желающих изучать кантовскую философию, в том числе главный труд Канта — «Критику чистого разума». Материал систематизирован по отдельным рубрикам. В него включены не только моноксемные, но и полилексемные термины. Словарная статья

¹⁰⁴ Головин В. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987. С. 76.

¹⁰⁵ Eisler R. Kant-Lexikon. Heideisheim ; Zürich ; New York, 1989.

содержит дефиниции, взятые из текстов Канта, либо их краткий пересказ; даются ссылки на соответствующие места, где этот термин встречается. Систематизация материала преследует не столько научные, сколько дидактические цели. В рубрике приводится по возможности большое число дефиниций термина, но без разграничения различных его значений¹⁰⁶.

Между тем в научной литературе, посвященной этому произведению Канта, встречаются многочисленные замечания относительно неоднозначности терминов. Основная трудность состоит в том, что один и тот же термин у Канта может иметь два и более разных значения, а разные термины — два или более близких значения. Так, отмечается наличие у термина *Erscheinung* (явление), — одного из ключевых понятий гносеологии Канта — нескольких смыслов. С. Кёрнер, например, обращает внимание на то, что этот термин употребляется Кантом почти синонимично термину «восприятие» (*Wahrnehmung*). Их главное отличие, однако, он видит в том, что в первый входит, помимо объема значения второго, еще нечто неизвестное, что может быть свойственно другим существам, но не свойственно людям, то есть, содержится сема «может быть свойственно другим существам в другой форме». Термин же *Wahrnehmung*, по Кёрнеру, употребляется у Канта всегда в смысле «эмпирическое восприятие»¹⁰⁷. Г. Рётгес указывает, что термин *Anschauung* у Канта означает и созерцание как процесс (*Anschauen*), и созерцание как объект созерцания (*das Ange-schaute*)¹⁰⁸. Действительно в формулировках Канта дистрибуция этого термина накладывает определенный отпечаток на

¹⁰⁶ Ratke H. Systematisches Handlexikon zu Kants „Kritik der reinen Vernunft“. Hamburg, 1972.

¹⁰⁷ Körner St. Kant. Göttingen, 1967. S. 64.

¹⁰⁸ Röttges H. Dialektik als Grund der Kritik. Grundlegung einer Neuinterpretation der „Kritik der reinen Vernunft“ durch den Nachweis der Dialektik von Bedeutung und Gebrauch als Voraussetzung der Analytik. Königstein, 1981. S. 44.

его смысл. Процессуальность обозначается словом *Anschauung* в следующей дефиниции: «Но всякое наше созерцание происходит только с помощью чувств»¹⁰⁹.

Сема процессуальности возникает здесь как результат сочетаемости термина с глаголом *geschehen* (происходить). В этой формулировке созерцание трактуется как нечто обусловленное чувственностью. Но есть дефиниции, где понятие созерцания и чувственности сближаются в своем значении. Например: «С помощью чувственности предметы нам даются...» Или: «Все, что должно быть нам дано в качестве предмета, должно быть дано нам в созерцании»¹¹⁰.

Согласно этим формулировкам, предметы даются нам и созерцанием, и чувственностью, то есть оба они совпадают по своей функции, являясь синонимами. Но порой понятие созерцания оказывается шире, чем понятие чувственности, так как последнее определяется через понятие созерцания как родовое, то есть мы можем утверждать: «Чувственность есть наш способ созерцания».

Из других дефиниций как будто следует, что предметы даются нам с помощью созерцания. Однако в других формулировках имеет место обратное отношение. Например: «Созерцание есть представление, которое может быть дано только посредством одного единственного предмета». Или: «Созерцание есть такое представление, которое непосредственно зависит от присутствия предмета»¹¹¹.

Далее возникает вопрос: что нам дается с помощью созерцания — представление предмета или сам предмет?

Встречаются и формулировки, где это противоречие, как кажется, снимается: «Созерцание предмета есть непосредственное и отдельное представление, посредством которого нам дается предмет для познания»¹¹².

¹⁰⁹ *Eisler R.* Op. cit. S. 16.

¹¹⁰ *Ibid.* S. 8.

¹¹¹ *Ibid.* S. 16.

¹¹² *Körsgen N.* Formale und transzendente Synthesis. Untersuchungen zum Kernproblem der Kritik der reinen Vernunft. Manstein, 1984. S. 65.

В этом определении по сравнению с вариантами выше термин *Anschauung* получает объективное значение: созерцание предмета становится «непосредственным и отдельным представлением, с помощью которого предмет дается для познания». Получается как будто, что термин «созерцание» у Канта обозначает, с одной стороны, отдельный акт созерцания отдельного предмета и «способность созерцания» — с другой.

На наличие двух значений у термина *Erscheinung* указывает со ссылкой на И. Штроемера Г. Кёрзген. Этот термин имеет субъективное и объективное значения. В субъективном смысле речь идет о явлении, существующем для нас (*das Für-uns-sein*), в объективном — о бытии предмета¹¹³.

С позиции «трансцендентальной эстетики» пространство и время делают возможным явления как предметы для нас, а согласно трансцендентальной аналитике, категории придают явлению как предмету объективную значимость (явление для всех). Пространство и время — априорные условия субъективности, а категории — объективности явлений.

Два смысла термина *Erscheinung* отмечал ранее Г. Хеймзет, указывая, что он означает: во-первых, «явление» в противоположность вещи в себе, то есть бытие постольку, поскольку оно существует в пространстве и времени и, во-вторых, как нечто только созерцаемое, независимое еще от определяющего мышления (*das bloß Anschauliche*), то есть как предмет постольку, поскольку он созерцается¹¹⁴.

О неоднозначности смысла термина *Verstand* (рассудок) говорят М. Баум и Г. Кёрзген. Первый находит, что этот термин означает, с одной стороны, «способность познания» (*Erkenntnisvermögen*), а с другой — «способность мышления» (*Denkvermögen*)¹¹⁵. Второй говорит о рассудке как способности воображения и способности рефлексии. Двойные смыслы многих важных терминов Канта отмечает также М. Баум.

¹¹³ *Körsgen N.* Op. cit. S. 17.

¹¹⁴ *Heimsoeth H.* Op. cit. S. 16.

¹¹⁵ *Baum M.* Die transzendente Deduktion in Kants Kritiken. Interpretation zur kritischen Philosophie. Köln, 1975. S. 58—138.

Два смысла имеет у Канта термин *Erkenntnis*: как синтез созерцания и понятия, то есть как синтез двух разных представлений, и как синтез созерцания и понятия в одном и том же представлении, то есть в суждении.

Два значения имеет термин *Verbindung* (связь): как акт связи и представление об акте связи. Также обстоит дело и с термином *Begriff* (понятие): он означает, во-первых, то, что связывается в многообразное (многообразное как объект), и, во-вторых, понятие об этой связи многообразного, так что следует говорить о наличии двух терминологических уровней: *теории и эмпирических (ментальных) актов познающего субъекта*. Термин «синтез» (*Synthesis*) имеет также двойной смысл: субъективный акт связи многообразного и результат этого акта, то есть синтетическое единство многообразного. Два смысла имеет и термин «Я мыслю» (*ich denke*): как представление о процессе собственного мышления (саморефлексия) и как самосознание («Я» как единство субъекта — объекта).

Четыре значения М. Баум обнаруживает у термина «время» (*Zeit*): чистая форма чувственности, чувственное многообразное, синтетическое единство многообразного и понятие времени. То же самое он относит и к термину «пространство»¹¹⁶.

На разные смыслы кантовских терминов указывает Л. А. Абрамян. Так, термин «априорное» означает у Канта полную независимость знания от опыта и «эмпиризм в основоположениях». Термин «полагание» означает полагание субъекта суждения как «предмета в отношении к моему понятию», мышление как оно существует в отношении к самосознанию, а именно к самому себе как субъекту, то есть в значении «я так думаю»¹¹⁷.

Нетерминологическое употребление термина *Wahrnehmung* у Канта отмечает Р. Ашенберг: Кант употребляет его то в значении «ощущение», то в значении «восприятие», то есть как субъективное эмпирическое знание¹¹⁸.

¹¹⁶ *Baum M.* Op. cit. S. 58.

¹¹⁷ *Абрамян Л. А.* Кант и проблема знания. Анализ кантовской концепции обоснования естествознания. Ереван, 1979. С. 158.

¹¹⁸ *Aschenberg R.* Sprachanalyse und Transzendentalphilosophie. I. Aufl. Stuttgart, 1982. Bd. 5. S. 269.

О «двуликости» понятия «категория» у Канта говорит Ф. Каульбах:

С одной стороны, она представляет собой содержательно определенный тип значения, которое реализует предикативное понятие в суждении и которое выполняет в нем связующую функцию; с другой — она оказывается правилом фигурного синтеза, с помощью которого производится форма предмета¹¹⁹.

Мнение о тождественности смысла многих терминов и понятий, ими обозначаемых, у Канта представлено также в философской литературе. Например, Кёрсген отмечает синонимичность терминов *Urteilkraft* (способность суждения), *Verstand* (рассудок) и *Apperzeption* (апперцепция), ссылаясь при этом на высказывания самого Канта, такие как: «Рассудок не только судит, способность суждения и есть сам рассудок» (...ist der Verstand selbst). Или: «Точно так же и рассудок, в свою очередь, не только апперцептивен, но и полностью идентичен с синтетическим единством апперцепции» (...ganz und gar mit der synthetischen Einheit der Apperzeption selbst identisch)¹²⁰.

Холгер ван ден Боом указывает на синонимичность значения терминов у Канта *Prinzip* (принцип), *Ursprung* (происхождение) и *Quelle* (источник)¹²¹. Л. Абрамян отмечает синонимичность терминологических выражений «соответствие с объектом» и «объективная истина», «определение» и «расчленение»; «метафизика» и «философия» (иногда также употребляется в одном смысле, а иногда в разных); также синонимичны термины «чистый» и «априорный»¹²².

¹¹⁹ Kaulbach F. Philosophie als Wissenschaft. Eine Einleitung zum Studium von Kants „Kritik der reinen Vernunft“. Gertenberg, 1981. S. 79.

¹²⁰ Kösrgen N. Op. cit. S. 71.

¹²¹ Boom H. van den. Transzendentalität und Analytizität. Studien zur Kritik der reinen Sprache im Umkreis einer logisch-philosophischen Propädeutik. Köln, 1974. S. 135.

¹²² Абрамян Л. А. Кант и проблема знания ... С. 186, 239.

Частичными синонимами являются у Канта термины *Kategorie* (категория) и *Notion* (категория) как обозначение несхематизированной категории и т. д.

На совпадение термина *transzendental* (трансцендентальный) с термином «а priori» (априорный) указывает Г. Рёттгес: «Понятия трансцендентального и априорного, без сомнения, вопреки интенциям самого Канта, переходят друг в друга... так что никакого внешнего явления не дается, что свидетельствует о том, что во всяком опыте чистые формы представления предполагаются уже задействованными».

Но в целом Рёттгес заключает, что однозначное определение различия между *transzendental* и *a priori* невозможно. В то же время он указывает на положительный смысл этого термина, а именно: «относящиеся к условиям возможности познания априори»¹²³.

На этимологическое значение термина *transzendental* указывает и Абрамян, согласно которому он означает «выходящее за пределы», то есть источник знания находится не в опыте, а за его пределами. Это значение «критическое», относящееся к самому фундаменту познания¹²⁴.

Значение термина «трансцендентальный» в сочетании *die transzendente Deduktion* С. Кёрнер поясняет следующим образом: «Кант называет это доказательством, «трансцендентальной дедукцией категорий»: «трансцендентальной», потому что оно направлено не на какую-то область эмпирического знания, а на доказательство необходимости наличия этого условия для получения всякого знания»¹²⁵. О втором, то есть метаязыковом значении этого термина Г. Хеймзет пишет, что «трансцендентальный» означает у Канта проходящую через все произведение «Критики чистого разума» рефлексию человеческого разума о своих собственных элементах, понятиях и основоположениях априори: вся критика в этом смысле является «трансцендентальной философией»¹²⁶.

¹²³ Röttges H. Op. cit. S. 56.

¹²⁴ Абрамян Л. А. Кант и проблема знания ... С. 109.

¹²⁵ Körner St. Op. cit. S. 45, 63.

¹²⁶ Heimsoeth H. Op. cit. S. II.

Указанные выше трудности с пониманием и толкованием философских терминов Канта можно, на наш взгляд, избежать, если составить систематический словарь терминов Канта типа тезауруса, где каждый термин был бы пропущен через специально составленную матрицу «семантических функций». Семантический анализ такого словаря проведен С. Е. Никитиной, правда, на материале лингвистической терминологии, в монографии «Семантический анализ языка науки»¹²⁷.

Главное условие составления такого словаря — системность понятий той предметной области, которую он описывает. Философия Канта и, в частности, его гносеология, изложенная в «Критике чистого разума», представляет собой исключительно яркий пример системного мышления и изложения содержания, так что в концептуальный аппарат оказывается «втянутой» не только сугубо терминологическая лексика, но и обывденная, вплоть до служебных частей речи. В этом отношении кантовская терминология — идеальный материал для такого словаря.

Как подчеркивает С. Е. Никитина, тезаурус позволяет совмещать в одной словарной статье несколько дефиниций при условии, что они не противоречат друг другу. Это связано с тем, что единицей тезауруса является «понятийное место» (по Канту, логическое место), то есть место его экстенционала, который может задаваться разными интенционалами, выраженными в дефинициях. Тезаурусное представление термина дает возможность увидеть взаимосвязи между базисными и производными терминами, показать функции исходных понятий в построении понятийных и, соответственно, терминологических подсистем. Тезаурус как словарь может дать представление не только о концептуальных связях термина внутри системы, но и показать его синтаксические, лексические и семантические ограничения. Он является не только способом представления лексики, но и синтаксиса, то есть регулярных отношений, которыми термины связаны в научных текстах.

¹²⁷ Никитина С. Е. Указ. соч.

Сущность тезауруса составляет хорошо продуманная матрица семантических отношений, отражающих систему отношений между понятиями соответствующей науки. Естественно, что эти отношения должны включать, наряду с общенаучными, логические отношения вообще типа «целое — часть», «абстрактное — конкретное», «априорное — эмпирическое» и другие, а также отношения, раскрывающие специфику содержания данной предметной области. Например, вышеупомянутый словарь Г. Ратке, хотя и называется систематическим, не отвечает требованиям тезаурусного описания. Так, в словарной статье термина «трансцендентальный» имеющего, как известно, ключевое значение для гносеологии Канта, можно встретить дефиниции, которые свидетельствуют о том, что в текстах Канта данный термин употребляется по крайней мере в трех разных значениях:

1. «...Трансцендентальное означает нечто, что предназначено не для чего иного, как только для обеспечения возможности получения опытного знания» (уровень ментальных способностей субъекта).

2. «Трансцендентальный означает исследование возможности [получения] опыта», то есть уровень теории¹²⁸.

3. «Я разумею под трансцендентальным истолкованием определение понятия как принципа, из которого может быть усмотрена возможность других синтетических знаний a priori»¹²⁹.

В приведенных выше определениях термин «трансцендентальный» употребляется в следующих значениях: «имеющий отношение к самой возможности (способности) субъекта познавать нечто априорно» (объектный язык) и познавательно-теоретическом как исследование (анализ) самой возможности априорного получения знания (уровень метаязыка, теории). Первый описывает феноменологический уровень, второй представляет собой рефлексию о понятии возможности трансцендентального знания вообще (метаречь). Первый термин

¹²⁸ Ratke H. Op. cit.

¹²⁹ Kant I. Kritik der reinen Vernunft ... S. 98.

употреблен в функции номинативной, второй — в функции предмета дефиниции. Первый термин обозначает возможность, второй — исследование самой этой возможности.

Следует отметить, что значение термина-прилагательного «трансцендентальный» зависит от того, с каким существительным оно сочетается при вхождении его в дефиницию и от контекста этой дефиниции, в частности от состава его указательного минимума. Так, в первой дефиниции индикатором смысла термина выступает словосочетание *möglich machen* в значении: «имеющий отношение к способности познания»; во второй дефиниции — сочетание *die Untersuchung der Möglichkeit* (исследование самой возможности). А в третьей он имеет методологическое значение, образуя такой терминологический ряд, как «трансцендентальный метод», «трансцендентальная дедукция», «трансцендентальное истолкование» др.

Обращает на себя внимание вхождение этого термина в разные терминологические ряды. Так, с первым значением образуются такие производные термины уровня объектного языка, как *transzendente Apperzeption* (трансцендентальная апперцепция), *transzendentes Bewußtsein* (трансцендентальное сознание), *transzendente Einbildungskraft* (трансцендентальная способность воображения) и другие (эмпирический уровень ментальных способностей субъекта). Со вторым значением конституируется следующий понятийный ряд: *transzendentaler Begriff* (трансцендентальное понятие), *transzendentaler Ort* (трансцендентальное место), *transzendente Realität* (трансцендентальная реальность), *transzendente Erfahrung* (трансцендентальный опыт) и другие (то есть уровень понятийного описания). С термином *transzendental* в третьем, методологическом значении (в смысле принципов изложения материала) выступают такие производные термины, как *transzendente Deduktion* (трансцендентальная дедукция), *transzendente Untersuchung* (трансцендентальное исследование), *transzendente Analytik* (трансцендентальная аналитика), *transzendente Methodenlehre* (трансцендентальное учение о методе), *transzen-*

dentale Doktrin der Urteilskraft (трансцендентальная доктрина способности суждения) и другие (то есть уровень методологии теоретического описания).

Необходимо отметить, что термины последней группы выступают в качестве заголовков к соответствующим фрагментам или частям текста, следовательно, в номинативной функции, а термины первых двух групп — в предикативных частях дефиниций, то есть являются, как правило, предикативными терминами. Следует указать также, что, например, такой термин, как «представление» (*Vorstellung*) изменяет свое значение, если он употребляется в функции методологического термина (термина описания теории), например: «Но я разумею под истолкованием (*expositio*) ясное (хотя и не исчерпывающее) представление (*Vorstellung*) того, что относится к одному понятию...»¹³⁰ Ясно, что термин *Vorstellung* употреблен здесь в своем нетерминологическом смысле, синонимично слову *Darstellung* (представление в смысле «изложение», «показ»), о чем говорит и дистрибуция его с глаголом *darstellen* (изображать, представлять) то есть термин *Vorstellung* синонимичен здесь термину *Darstellung*.

Далее, можно отметить, что родовым понятием ко второму компоненту сочетаний типа *transzendente Erörterung* (трансцендентальное истолкование), *transzendente Deduktion* (трансцендентальная дедукция), *transzendente Betrachtung* (трансцендентальное рассмотрение) и другие выступает термин *Erklärung* (объяснение), так как именно через него производится их определение. Например, «Я разумею под трансцендентальным истолкованием *объяснение* понятия как принципа, из которого может быть усмотрена возможность других синтетических знаний»¹³¹.

Таким образом, термины-признаки, конституирующие терминологические поля в кантовском тексте, многозначны. Их многозначность обусловлена сочетаемостью с терминами,

¹³⁰ *Kant I. Kritik der reinen Vernunft ...* S. 95.

¹³¹ *Ibid.* S. 98.

обозначающими понятия, относящимися к разным концептуальным уровням Кантова дискурса. Эту многозначность следует учитывать при составлении тезауруса, давая их в отдельных словарных статьях. Термин-признак будет считаться семантизированным, если он будет выступать в составе термина-словосочетания (билексемного или полилексемного), так как только в этом случае значение термина-признака может быть идентифицировано минимальным устойчивым контекстом.

Сущность терминологии состоит, как указывалось выше, в ее системности. Как отмечает С.Е. Никитина, для каждой предметной области из первого набора отношений можно выделить стержневые, вокруг которых группируются все остальные. Обычно такие отношения являются специфическими для данной области знания¹³².

Гносеологическая модель Канта, как указывалось выше, иерархична. В ней можно выделить три сферы, или уровня: сферу возможного опыта, сферу действительного опыта и регулятивную сферу опыта. Первая — это сфера теоретического знания, вторая — сфера эмпирического знания, а третья — сфера регулятивного знания, то есть сфера разума. Для каждой сферы характерен свой набор логико-семантических отношений между терминами. Вторая сфера — это сфера субъектно-объектных отношений, или отношений формы и содержания. Это сфера операций априорного синтеза и его результата — действительного мышления, опыта эмпирического субъекта. Терминология этого уровня представляет собой термины в функции использования. Они связаны с обозначениями таких понятий, как созерцание, ощущение, восприятие, синтез и других, то есть элементов действительного опытного знания и отношений между ними, содержащихся в категориях: отношения субстанции и акциденции, причины и следствия (каузальности), взаимодействия и др.

Так как форма, по Канту, априорна, а содержание апостериорно, то лексика этого уровня может быть разбита, прежде

¹³² Никитина С. Е. Указ. соч. С. 54—58.

всего, на термины, описывающие область априорного, и термины, относящиеся к области апостериорного. Эти два лексических поля противопоставлены друг другу так, как противопоставлены априорное и эмпирическое. Термины «чистый» и «эмпирический» выражают это отношение. Оба эти термина-признака являются концептуальными, так как обозначают глобальное отношение в системе.

Таким образом, первая группировка терминов представляет словосочетания, постоянным компонентом которых выступает термин «чистый» (*rein*): *reine Anschauung* (чистое созерцание), *reine Vorstellung* (чистое представление), *reine Apperzeption* (чистая апперцепция), *reine Synthesis* (чистый синтез), *reiner Raum* (чистое пространство), *reine Zeit* (чистое время), *reine Form* (чистая форма), *reiner Verstand* (чистый рассудок), *reines Denken* (чистое мышление), *reiner Begriff* (чистое понятие) и т. д.

Также полилексемные производные термины: *reine Form sinnlicher Anschauungen* (чистая форма чувственного созерцания), *reine Form der Sinnlichkeit* (чистая форма чувственности), *allgemeine reine Vernunftsbegriffe* (общие чистые понятия разума), *rein abgeleitete Verstandesbegriffe* (чистые производные понятия рассудка) и др.

Лексико-семантическому полю априорного противопоставлено сопряженное с ним поле терминов с постоянным компонентом «эмпирический»: *empirischer Verstand* (эмпирический рассудок), *empirischer Begriff* (эмпирическое понятие), *empirische Anschauung* (эмпирическое созерцание), *empirisches Gesetz* (эмпирический закон), *empirisches Bewusstsein* (эмпирическое сознание), *empirische Synthesis* (эмпирический синтез), *empirische Erkenntnis* (эмпирическое познание), *empirischer Gebrauch* (эмпирическое применение), *empirische Apperzeption* (эмпирическая апперцепция), *empirische Wahrheit* (эмпирическая истина) и так далее, а также полилексемные термины — словосочетания: *empirische Einheit des Bewusstseins* (эмпирическое единство сознания), *empirische Synthesis des Verstandes* (эмпирический синтез рассудка) и др.

Оппозиция «чистый — эмпирический» может быть развернута с помощью более частных оппозиций: *notwendig* — *zufällig* (необходимый — случайный), *objektiv* — *subjektiv* (объективный — субъективный), *einheitlich* — *mannigfaltig* (единый — многообразный), *inhaltsarm* — *inhaltsreich* (бедный содержанием — богатый содержанием) *apodiktisch* — *hypothetisch* (аподиктический — гипотетический) и др.

Поле эмпирического вместе с полем априорного очерчивают гносеологическое пространство ассерторичности и аподиктичности, в рамках которого полученное значение обретает предметность, объективность и истинность. Возникает, таким образом, еще одна группировка терминов с постоянным компонентом *objektiv* (объективный): *objektive Einheit* (объективное единство), *objektives Urteil* (объективное суждение), *objektive Regel* (объективное правило), *objektiver Grund* (объективное основание), *objektive Gültigkeit* (объективная значимость), *objektiver Gebrauch* (объективное применение), *objektive Bedeutung* (объективное значение), *objektiver Begriff* (объективное понятие) и т. д.

Также производные от них полилексемные (термины третьего порядка): *objektive Gesetze der Wahrheit* (объективные законы истины), *objektiver Grund aller Assoziation* (объективное основание всякой ассоциации), *objektiver Grund der Möglichkeit der Erfahrung* (объективное основание возможности опыта), *Regeln des objektiven Gebrauchs der Kategorien* (правила объективного применения категорий), *die Bedingung des objektiven Gebrauchs aller unserer Verstandesbegriffe* (условия объективного применения всех наших понятий рассудка) и др.

Можно сказать поэтому, что терминология «Критики чистого разума» имеет полевую структуру, а термины-признаки выполняют в ней интегрирующую функцию, с помощью которой лексика организуется в лексико-семантические поля, описывающие определенные сферы концептуального пространства (трансцендентальные места, топики) философского дискурса Канта.

Получение объективного знания обусловлено синтетической деятельностью мышления субъекта. Возникает еще одна «тезаурусная функция», а именно — функция «операция». Это глобальная для Кантовой системы функция обозначается термином «синтез», последний является многоместным предикатом, требующим заполнения свободных семантических мест его актантами. Такими актантами будут: субъект операции, начальный объект операции, ее конечный продукт, место проведения операции, цель операции, характер операции и др.¹³³. Все эти актантные места обозначаются определенными терминами и их группировками.

Во-первых, уже сам родовой термин «синтез в общем смысле» должен получить разные обозначения в зависимости от того, какой вид синтеза представлен — априорный или эмпирический. Эмпирический синтез есть синтез явлений, априорный синтез — продукт спонтанной деятельности субъекта, независимый от опыта. Этот вид синтеза обозначается терминологическим полем с общим значением «синтетическая деятельность мышления»: *Synthesis* (синтез), *Verbindung* (связь), *Vereinigung* (объединение), *Verstandesverbindung* (связь рассудка), *Zusammensetzung* (объединение, сведение воедино), *Einheitsverknüpfung* (соединение в одно), *Begriff* (понятие), *Einheit* (единство).

Также на событийном уровне (уровне ментальных процессов): *Aktus der Spontaneität* (акт спонтанности мышления), *Verstandeshandlung* (действие рассудка), *die Handlung der Synthesis* (действие по синтезу) и др.

Группировку терминов представляют собой сами названия видов синтеза: *Synthesis der Verstandes* (синтез рассудка), *Synthesis der Einbildungskraft* (синтез способности воображения), *Synthesis intellectualis* (интеллектуальный синтез), *Synthesis speziosa* (специальный синтез), *figürliche Synthesis* (фигурный синтез), *Synthesis der Apprehension* (синтез аппрегенсии, схватывания) и др.

¹³³ Никитина С. Е. Указ. соч. С. 118.

Операция синтеза предполагает объект, на который она направлена. Эта функция описывается также целым лексическим полем билексемных и полилексемных терминов: *die Synthesis der Vorstellungen* (синтез представлений), *eine synthetische Verbindung der Anschauungen* (синтетическая связь созерцаний), *eine Synthesis der Wahrnehmungen* (синтез восприятий), *die synthetische Einheit der Erscheinungen* (синтетическое единство явлений), *die Verbindung eines Mannigfaltigen überhaupt* (связь многообразного вообще), *die synthetische Einheit der Erfahrung* (синтетическое единство опыта), *synthetische Einheit der Apperzeption des Mannigfaltigen der sinnlichen Anschauung a priori* (синтетическое единство апперцепции многообразного чувственного представления) и др.

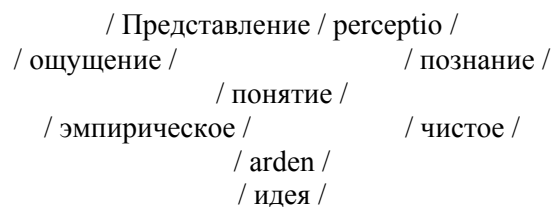
Цель операции синтеза — получение объектов опыта. Это происходит с помощью априорных форм созерцания и категорий. Полученные с их помощью объекты дают еще одну группу терминов со значением «нечто синтезированное»: *Anschauung* (созерцание), *Wahrnehmung* (восприятие), *Erscheinung* (явление), *Objekt* (объект), *Gegenstand* (предмет), *Begriff* (понятие), *Raum* (пространство), *Zeit* (время), *Substanz* (субстанция), *Größe* (величина), *Schema* (схема), *Zahl* (число), то есть возникает еще одно лексико-семантическое поле терминов с семантикой синтеза.

Некоторые тезаурусные функции задаются самой синтактикой текста. Суждения субъектно-предикатной структуры с дефинитивной функцией представляют форму, порождающую синонимию терминов. К подобным же синтаксическим конструкциям следует отнести и конструкции, являющиеся скрытыми дефинициями. Это различного рода перифразирующие, уточняющие структуры и приложения с *als*. Антиимплицативные построения формы «не... а...» порождают отношения корреляции (антонимичности), имплицативные — и вообще antecedентно-консеквентные структуры — различные отношения обусловленности (причинности), отношение целого и части и иерархические отношения между терминами (термины-гипонимы и термины-гиперонимы и др.).

Операторами *гиперонимизации* выступают при этом лексические средства: наречия типа *überhaupt* (вообще), *schlechthin* (просто, вообще); словосочетания: *allgemein vorgestellt* (представленное в целом), *in der allgemeinsten Bedeutung* (в самом общем значении) и др.

На иерархичность своих понятий указывает и сам Кант. Он располагает их, в частности, в следующей последовательности: родовым является термин *Vorstellung* (representatio), за ним следует *Vorstellung mit Bewußtsein* (осознанное представление, или перцепция, *perzeptio*), которое подразделяется на *Empfindung* (sensatio) как субъективное *perceptio* и *Erkenntnis* (cognitio) как объективное *perceptio*. Последние суть либо *Anschauung*, либо *Begriff*. Первое относится к предмету непосредственно, второе — опосредованно. Понятие, в свою очередь, делится на *empirischer Begriff* (эмпирическое понятие) и *reiner Begriff* (чистое понятие). Последнее как чисто рассудочное понятие (не схематизированное) обозначается термином *notio*. Их сочетание образует понятие, выходящее за рамки опыта, то есть идею, или понятие разума.

Наглядно эту иерархию понятий можно представить в виде следующей схемы:

В этой схеме основные отношения — иерархические, осложненные дихотомическими отношениями между понятиями.

Дихотомическое отношение в качестве автономного широко представлено в системе кантовских терминов: *Funktion* — *Affektion* (функция — аффицирование), *a priori* — *a posteriori* (априорный-апостериорный), *rein* — *empirisch* (чистый — эм-

пирический), *intuitiv* — *diskursiv* (интуитивный — дискурсивный), *synthetisch* — *analytisch* (синтетический — аналитический) и др.

Мы рассмотрели лишь некоторые из них, способных послужить в дальнейшем для классификации терминов на основе тезаурусных функций. Для составления словаря-тезауруса лингвистической терминологии С. Никитиной была выявлена 21 тезаурусная функция. Для философского же текста должно быть гораздо больше, так как философская система, а особенно система Канта, сложнее и богаче лингвистической. Кроме того, Кантова гносеологическая терминосистема очень тесно связана с самим мышлением, его процессом, так что и обыденная лексика, и даже служебные части речи оказываются задействованными для передачи концептуального содержания. Или, как говорит В. Н. Карпович, «теоретические концепты, даже не будучи определяемыми в языке наблюдения, каким-то образом способствуют систематизации данных наблюдения»¹³⁴. Так, например, предлоги *unter* (под) и *auf* (на) принимают в контексте кантовской гносеологии специфический смысл, а именно словосочетание *unter einen Begriff bringen* (подвести под понятие) по смыслу аналитично — «объяснить нечто аналитически», а сочетание *auf einen Begriff bringen* имеет синтетический смысл — «свести к понятию». На это, в частности, указывает Г. Рёттгес¹³⁵.

Синтетические коннотации связаны и с предлогом *in* в сочетаниях типа *in Raum und Zeit* (в пространстве и времени), *in einem Bewußtsein* (в одном сознании), *in der Erfahrung* (в опыте): *in* указывает на нахождение объекта в синтетическом пространстве субъекта. Оппозиция *alle* (все) и *eines* (одно) — наиболее абстрактное выражение категории оппозитивности, описывающей противопоставленность лексики с семантикой многообразного, данного в явлении, и его синтетического единства в апперцепции. Так что носителями синтетического смысла в философском контексте могут выступать не только знамена-

¹³⁴ Карпович В. Н. Термины в структуре теорий. Логический анализ. Новосибирск, 1978. С. 5.

¹³⁵ Röttges H. Op. cit. S. 84.

тельные части речи, но и служебные, то есть языковая база философского исследования не ограничивается только знаменательной лексикой, а буквально все языковые средства принимают участие в выражении концептуального содержания.

Теснейшая связь языка и мышления в философском тексте Канта находит свое выражение и в самой внутренней форме многих терминов и терминологических сочетаний Канта. Например, *синтетическую* внутреннюю форму термина *Begriff* (понятие) Кант раскрывает следующим образом:

Уже само слово «понятие» могло бы дать нам повод к такому замечанию. В самом деле, это сознание есть то, что объединяет в одно представление многообразное, постепенно возникающее в созерцании и затем вновь воспроизведенное¹³⁶.

Таким образом, понятие есть единство многообразного в явлении. С этой точки зрения, термины *verstehen* и *begreifen* различны в своем значении. Первое означает «понимать нечто с помощью подведения какого-либо созерцания (объекта) под понятие», а второе — «понимать нечто без опоры на какую-либо эмпирическую основу». На это различие в значении обоих терминов указывает Г. Хаймзет, подчеркивая, что данное различие соответствует языковой практике XVIII столетия¹³⁷. Поэтому следует, по Канту, различать семантику терминов *Verstandesbegriff* (понятие рассудка) и *Begriff* (понятие).

По-своему раскрывается Кантом внутренняя форма термина *einbilden* как «приводить к единому» (одному образу), то есть синтезировать в одно (*auf ein Bild bringen*). У Канта в этой связи читаем:

Это воображение должно сводить многообразное (содержание) созерцания в один «образ»; следовательно, до этого должно включать впечатление в сферу своей деятельности, то есть схватывать их¹³⁸.

¹³⁶ Кант И. Критика чистого разума // Избр. соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 3. С. 704.

¹³⁷ Heimsoeth H. Op. cit. S. 14.

¹³⁸ Кант И. Критика чистого разума // Избр. соч. ... С. 713.

Синтетический смысл вкладывается Кантом и в понятие «объект»: «Объект есть то, в понятии чего объединено многообразное, охватываемое данным созерцанием»¹³⁹.

Или:

...и всякое созерцание для того, чтобы стать для меня объектом, должно подчиняться этому условию (синтетическому условию), так как иным путем и без этого синтеза многообразное не объединилось бы в одном сознании¹⁴⁰.

Этот же синтетический смысл можно отнести и к субъекту суждения постольку, поскольку он потенциально содержит в себе предикаты, которые затем эксплицируются в речи. Н. Кёрзген в связи с этим замечает, что предикаты зависят от субъекта как *warm* (теплый) от *Wärme* (теплота); следовательно, *die Wärme* (теплота), *das Viereck* (четырёхугольник), *die Tiefe* (глубина) и так далее являются объектами, то есть субъект суждения и есть сам объект¹⁴¹.

Термин-признак *objektiv* (объективный) означает также «подчиненный определенному правилу априорного синтеза» (в смысле наличия возможности получения объекта). Глагол *verstehen* означает: «указать понятию соответствующее ему созерцание, предмет». Понимание состоит в том, что мы подводим свои созерцания под априорные понятия, мыслим их с помощью категорий как предметное нечто и только поэтому понимаем и познаем их.

Итак, терминологическая система в «Критике чистого разума» И. Канта весьма сложна. Это обусловлено, с одной стороны, сложностью самого концептуального содержания данного произведения, а с другой — отмечаемой исследователями синонимией и многозначностью терминов у Канта. Многие термины обозначают как процесс мышления и познания, так и его результат. Философская терминология Канта носит, кроме

¹³⁹ Кант И. Критика чистого разума // Избр. соч. ... С. 175.

¹⁴⁰ Там же. С. 194.

¹⁴¹ Kösrgen N. Op. cit. S. 80

того, полевой характер. Структура полей, их взаимообусловленность и оппозитивность отражают глобальное концептуальное содержание всего произведения. Отношения между терминами в системе носят, как правило, гиперо-гипонимический характер. Термины-гипонимы — это билексемные или полилексемные словосочетания, определяющий компонент которых восходит к гиперониму, благодаря чему *гипероним становится знаком логического места* в терминосистеме «Критики чистого разума» И. Канта, конституирующим терминологическое микрополе. Интересно отметить, что термин — гипероним в этом случае переходит в статус прилагательного, вокруг которого формируется производное лексическо-терминологическое поле (трансцендентальное истолкование, трансцендентальная дедукция, трансцендентальное учение о методе и т. д.).

Следует упомянуть также многоуровневую организацию терминологии в «Критике чистого разума». Здесь необходимо проводить различие между терминами *объектного языка* (уровень эмпирического теоретического знания), терминами *мета-языка* (уровень теории трансцендентального мышления и познания) и терминами *метамета-языка* (уровень методологии теории получения трансцендентального знания). Кроме того, нельзя оставить без внимания специфическую семантизацию служебных частей речи — в основном местоимений и предлогов — в контексте всего произведения.

Существующие словари и словники, в том числе и специально собранные для «Критики чистого разума», не учитывают в полном объеме указанные выше моменты организации философской терминологии в этом произведении. Поэтому представляется, что наиболее адекватной формой описания терминологии в «Критике чистого разума» мог бы быть словарь — тезаурус, построенный на основе семантико-функциональной матрицы, системы тезаурусных функций, которые позволили бы более полно и всесторонне выявить логико-семантические и концептуальные связи между терминами и группировками терминов, их распределение по уровням системы, их вхождение в разные терминологические ряды и т. д.

Основная трудность на пути к составлению подобного словаря заключена в адекватном и полном определении набора тезаурусных функций, через который должен быть пропущен каждый термин или терминологическое словосочетание и установлены функциональные связи между ними. В данном исследовании были намечены лишь основные линии создания подобного словаря.

4. Метафора как средство создания Кантовой терминологии и ее переквалификации

Наличие образно-метафорического плана в таком сугубо философском произведении, как «Критика чистого разума», кажется несколько необычным. Однако это было бы справедливо, если бы мы имели в виду метафору как средство художественной изобразительности, хотя, впрочем, и такого рода метафор в «Критике» достаточно. Если же иметь в виду метафору как средство выражения нового философского знания, нового концептуального «видения» мира, для сообщения о котором средства обыденного языка оказываются порой слишком бедны, то такая научная метафора вполне законное явление в философском произведении, тем более в таком, как «Критика чистого разума».

Согласно мнению С. Никитиной, внутренняя форма термина — связующее звено между его логосом и лексисом, она соединяет термин-понятие и термин-слово; во внутренней форме термина заключена метафора¹⁴². Действительно метафоры широко представлены в кантовских текстах и, разумеется, в «Критике чистого разума».

Вообще, что касается метафоры, то, как полагают С. С. Гусев и Г. Л. Тульчинский: «...есть все основания утверждать, что на определенных этапах развития научного знания именно метафора порождает возможность выразить в языке, а значит,

¹⁴² Никитина С. Е. Указ. соч. С. 46.

сделать осознанной новую информацию о мире. Контекст "как если бы" позволяет снять многие явные и неявные ограничения на использования языка и соединять тот или иной признак с такими объектами, которым вообще-то не принято его приписывать, что оказывается эвристически плодотворным»¹⁴³.

Подобного же мнения придерживается и В.Л. Матросов, подчеркивая, что назначение такого рода метафор состоит «в наведении исследователей на еще не известные подобия и аналогии, в обнаружении сходства там, где оно ранее не было очевидным»¹⁴⁴.

Для наших целей можно считать удовлетворительным определение научной метафоры, которое дает вышеназванный автор, а именно: «Метафора — это такое средство, вернее, процесс, с помощью которого одна сущность или состояние описывается в терминах, которые изначально были предназначены для описания других вещей»¹⁴⁵.

Применительно к нашей теме это означает, что, например, понятие, обозначаемое словом «чистый» в сочетании с понятием, обозначаемым словом «разум», дают новое единое понятие, выражаемое сочетанием «чистый разум», в котором слово «чистый» употреблено не в своем обычном значении, а в переносном.

По мнению С.С. Аверинцева, философский термин, если взглянуть на него с противоположного полюса, из сферы житейской речи, есть не что иное, как застывшая метафора: бытовое слово, систематически употребляемое в несобственном смысле¹⁴⁶. Что такое разум, мы примерно можем себе предста-

¹⁴³ Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. М., 1985. С. 94—95.

¹⁴⁴ Матросов В.Л. Язык и метафора // Логика и язык : сб. науч. тр. Л., 1985. С. 47.

¹⁴⁵ Там же. С. 52.

¹⁴⁶ Аверинцев С.С. Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии. М., 1979. С. 52.

вить, но что такое «чистый разум», мы, не зная сути дела, определить не можем. У Канта это словосочетание, будучи вынесено в заглавие книги, кодирует собой целую философскую концепцию — трансцендентальную теорию познания. В частности, он говорит следующее: «Таким образом, из всего сказанного выше вытекает идея особой науки, которая может быть названа "Критика чистого разума"» (KV, III, 62), [Разрядка оригинала].

Вслед за Н. А. Слюсаревой термин «чистый», как функционирующий в пределах одной научной теории, можно было бы назвать «концептуально-авторским»¹⁴⁷.

Сущность понятия «чистый» в своей теории Кант раскрывает так:

Мы признаем, что едва ли можно найти чистые земли, чистую воду, чистый воздух и т. п. Тем не менее понятия о них необходимы (и следовательно, эти понятия, поскольку в них мыслится полная чистота, происходят только из разума), чтобы надлежащим образом определить участие каждой из этих естественных причин в явлении. Таким образом, мы сводим все виды материи к землям (это просто как бы тяжести), к солям и горючим сущностям (как силам), наконец, к воде и воздуху как посредникам (это как бы машины, при помощи которых действуют вышеуказанные вещества), чтобы согласно идее некоторого механизма объяснить химические действия видов материи друг на друга. В самом деле, хотя в действительности так не выражаются, тем не менее нетрудно обнаружить такое влияние разума на классификации, устанавливаемое естествоиспытателями (KV, IV, 566).

Подобную же роль, как видно, Кант отводит и понятию «чистый разум», которое необходимо ему для объяснения механизма получения достоверного научного знания. Однако не только концептуальные нужды обуславливают появление нового термина в теории, но и если можно так выразиться, «дав-

¹⁴⁷ Слюсарева Н. А. О типах терминов // Вопросы языкознания. 1983. № 3. С. 23.

ление» самой терминологической системы. Действительно сразу же в начале изложения Кант употребляет три имевшихся в философии до него термина: *empirisch* (эмпирический), *a priori* (априорный), *a posteriori* (апостериорный). Оппозиция «априорный — апостериорный» требовала нахождения противочлена и к термину «эмпирический». С введением термина «чистый» вся система оппозиций становится симметричной: с одной стороны, «априорный — апостериорный», и «чистый — эмпирический» — с другой. Обе пары как будто дифференцированы и по своей семантике: первая характеризует знание относительно его источника, а вторая, судя по кантовским определениям, дает ему, скорее, качественную характеристику.

Кроме того, термин «априорный», видимо, не совсем устраивал философа, так как был недостаточно строго определен. Он мог обозначать, например, знание, полученное из опыта. Поэтому Кант нуждался, видимо, в совершенно новом термине, отвечавшем его интенциям и более строго определенном, таком как термин «чистый». Последнему дается следующая формулировка: «Но из всех знаний а priori чистыми называются те, к которым не примешано ничего эмпирического» (KV, III, 70).

Таким образом, слово *rein*, пройдя стадию определения, концептуализируется и вступает в новый парадигматический ряд: *rein — empirisch, nicht empirisch, a priori, a posteriori*, заполняя смысловую лакуну в системе терминов, становясь термином и получая новый интенционал (новый концепт). В качестве внутренней формы, однако, в нем присутствует его прямое значение как основа переносного употребления слова. Здесь срабатывает кантовский принцип «как если бы» (*als ob*), позволяющий слову-признаку «перешагивать через границы естественного категориального членения действительности». Окончательная концептуализация слова происходит, когда оно начинает регулярно включаться в словосочетания в качестве их постоянного компонента, формируя лексико-семантическое поле терминологических единиц — словосочетаний типа *reine Anschauung* (чистое созерцание), *reine Form* (чистая форма), *reine Bedingung* (чистое условие) и других, описывающих сфе-

ру априорного знания. Несомненно, что сочетание *reine Anschauung* — терминологическая единица, так как оно может выступать в функции дефиниендума и дефиненса, то есть как целостная единица, например: «Эта чистая форма чувственности будет также и сама называться чистым созерцанием» (KV, III, 70).

Однако граница членения между компонентами билексемного термина продолжает оставаться. Например, при образовании терминологического ряда с постоянным вторым компонентом словосочетания: *reine Anschauung* (чистое созерцание), *empirische Anschauung* (эмпирическое созерцание), *sinnliche Anschauung* (чувственное созерцание), *innere Anschauung* (внутреннее созерцание), *intellektuelle Anschauung* (интеллектуальное созерцание) и т. д. Также с постоянным первым компонентом: *reine Anschauung* (чистое созерцание), *reine Form* (чистая форма), *reine Synthesis* (чистый синтез), *reine Bedingung* (чистое условие) и др.

Терминологическое словосочетание оказывается, таким образом, разложимым на свои компоненты, что говорит о его производном характере. Разложимость билексемного или полилексемного термина на компоненты может служить формальным критерием его производности. Производный термин становится неразложимой семантической единицей лишь в синтагматическом плане и является поэтому *термином на уровне речи (дискурса)*.

Терминологической единицей языка билексемное сочетание может, вероятно, стать в том случае, если оно целиком воспроизводится в парадигматическом ряду. Так, например, сочетание *die reine Vernunft* (чистый разум) будет термином языка в ряду полилексемных словосочетаний: *Antinomie der reinen Vernunft* (антиномия чистого разума); *Antithetik der reinen Vernunft* (антиномичность чистого разума); *Kanon der reinen Vernunft* (канон чистого разума); *Architektonik der reinen Vernunft* (архитектоника чистого разума) и т. д.

Эта парадигма показывает, что граница семантического членения проходит перед сочетанием *die reine Vernunft*, что

говорит не только о синтагматической, но и парадигматической автономности этого сочетания, то есть как о билексемном термине теории.

Введение термина «чистый» диктовалось, видимо, и тем обстоятельством, что латинские термины не обладают той свободой сочетаемости в предложении, которой располагают немецкие. Например, латинская пара не может стоять в позиции перед определяемым ими существительным, что весьма типично для немецкого языка.

Объем содержания термина «чистый» различен в зависимости от того, с каким априорным понятием он вступает во взаимодействие, с понятием ли рассудка или созерцания. Во втором случае оно имеет отношение к протяженности и априорной чувственности, а в первом — оно становится гораздо более содержательным, ибо чистый рассудок включает в себя двенадцать априорных категорий, то есть оно более структурировано. Поэтому лучше, наверное, сказать, что термин «чистый» своими основными (семными) значениями очерчивает все пространство априорного мышления, которое постепенно заполняется, обогащается более частными априорными понятиями, объединенными впоследствии в понятие чистой апперцепции как их источнике. Термин «чистый», таким образом, конституирует целое лексико-семантическое поле терминологических единиц (словосочетаний), первым компонентом которых оно неизменно выступает. Например: чистое представление, чистый разум, чистая идея, чистая форма, чистый синтез, чистый рассудок, чистое созерцание, чистое мышление, чистое время, чистое пространство, чистая апперцепция и т. д. Сюда относится также и трех и более членные сочетания: предикабилии чистого рассудка, чистые производные понятия рассудка, чистое априорное суждение и др. Эту лексико-семантическую группировку можно назвать *терминологическим полем априорности*.

Все эти терминологические сочетания являются словосочетаниями, потому что метафора строится обычно на сравне-

нии как минимум двух понятий. Можно сказать, что *терминология в «Критике» в значительной мере покоится на метафорическом принципе.*

Так как априорные понятия предназначены для опытного применения, то лексико-семантическому полю априорности противопоставлено сопряженное с ним поле *эмпирического мышления*. Это лексическое поле образуется словосочетаниями с постоянным первым компонентом, словом «*эмпирический*», например: эмпирический рассудок, эмпирическое понятие, эмпирическое представление, эмпирическое познание, эмпирическое созерцание, эмпирический закон, эмпирический синтез и т. д. Сюда же следует отнести словосочетания, состоящие из большего количества компонентов: эмпирическое единство сознания, эмпирический синтез рассудка и др.

Общая противопоставленность двух этих полей может быть выражена оппозицией «чистый — эмпирический» как наиболее общими признаками, характеризующими оба вида знания. Более полная характеристика этой оппозиции может быть расшифрована или развернута с помощью более частных оппозиций, таких как: пустой — смутный, объективный — субъективный, единый — разрозненный, необходимый — случайный, объективно значимый — субъективно значимый и других, которые поставляют дополнительные семы в значение данных лексем.

Поле опыта вместе с полем априорности очерчивает рассудку гносеологическое пространство ассерторичности и аподиктичности, в пределах которого чистые понятия рассудка получают предметность, объективность и истинность. За пределами этого пространства понятия оказываются проблематичными, пустыми. Для выражения этого значения используются группировка слов с метафорическим значением пустого пространства. Это — *ноуменальное лексическое поле*. Сюда относятся следующие словосочетания: пустое пространство, пустое время, пустое представление, пустая форма, пустой рассудок и др. В определенной мере этому термину синони-

мично употребляется прилагательное *bloss* (голый): голая форма, голое понятие, голая идея и так далее в значении «все-го лишь». К этой метафорической группировке примыкает группировка слов, обозначающая иллюзорность, кажимость, недостоверность познания вне сферы опыта. Эта группировка слов окрашена отрицательной по отношению к познанию коннотацией. К ней можно отнести следующие слова: *Täuschung* (обман), *Hirngespinnst* (измышление), *Blendwerk* (пустышка), *Irrtum* (заблуждение), *Erdichtung* (вымысел), *etwas Chimerisches* (нечто химерическое), *Sinnleeres* (бессмысленное), *Nonsense* (нонсенс) и др.

Метафорическое употребление понятий математики также используется Кантом. Например, к понятию точки он обращается как средству образного представления трансцендентального единства всех понятий рассудка. Точка, из которой рассудочные понятия в действительности не исходят, так как она находится целиком за пределами возможного опыта, тем не менее, служит для того, чтобы сообщить им наибольшее единство наряду с наибольшим расширением.

С образом точки тесно связана у Канта метафора «горизонт». Он говорит о том, что «всякое понятие можно рассматривать как точку, которая, будучи точкой зрения наблюдателя, имеет свой горизонт, то есть определенное множество вещей, которые можно представить и как бы обозреть из этой точки...» (KV, IV, 575). Метафора «горизонт» получает развитие в гипонимической метафоре «логический горизонт», под которым понимается видовое понятие и которое, в свою очередь, состоит из более мелких логических горизонтов (то есть подвидов понятия).

Метафорический смысл имеют и сочетания «логическое место» и «трансцендентальное место». Под первым понимается всякое понятие, под которое подведено множество знаний, то есть других понятий. Второе образно подразделяет все понятия на феномены и ноумены в зависимости от того, мыслятся ли они как находящиеся в чистом рассудке или в чистом созерцании.

Отношение между совокупностью всех предметов познания и понятиями разума об этой совокупности представляется в виде отношения между плоскостью и воображаемым горизонтом, охватывающим эту плоскость. Так, Кант поясняет:

Совокупность всех возможных предметов для нашего познания представляется нам в виде плоскости, которая имеет свой кажущийся горизонт, а именно то, что охватывает ее всю (KV, IV, 645).

Метафорическое значение и образность выражения являются результатом контаминации понятий, взятых из точных наук, с философскими концептами, имеющими сугубо умозрительный характер. Происходит как бы *вторичная терминологизация*, или *ретерминологизация* терминов, их перекалфикация на обозначение сугубо философских вещей. При этом конкретные термины становятся абстрактными, а абстрактные приобретают наглядность, конкретность. Корпус текста, в котором речь идет о регулятивных функциях трансцендентальных идей, окрашен в целом модальностью «как если бы» (*als ob*). Об этом говорит, в частности, многократное употребление слов сравнительной семантики типа *wie* (как), *gleichsam* (как бы), *als* (как); глаголов *scheinen* (казаться), *vergleichen* (сравнивать) и др.

«Интересно констатировать, — пишет С. Кёрнер, — что Кант, полагавший, что математический метод вреден для философии, тем не менее, находил изложение философской теории в математической форме полезным и нередко даже желательным»¹⁴⁸.

Наконец, необходимо остановиться вкратце и еще на одном виде образности в «Критике» — образности художественной. Система этих образов также отражает системность содержания произведения как строго продуманного целого. Выражению этого аспекта служит концептуально-художественный

¹⁴⁸ *Körner St. Op. cit. S. 64.*

образ некоего здания, строящегося в пространстве чистого мышления, имеющего свою «архитектонику» (систему), свой материал (чистые формы мышления и созерцания), свой фундамент (возможный опыт) и т. д. Эта образность построена на метафоре: «философская система — это здание, возведенное в царстве чистой мысли». Образ здания постоянно присутствует в текстах Канта как метафорическая параллель к процессу построения философской системы. Вот одно из таких мест:

Если всю совокупность знаний чистого и спекулятивного разума сравнить с неким зданием, идеей которого мы, по крайней мере, располагаем, то я могу сказать, что в трансцендентальном учении об элементах, мы составили смету строительных материалов и определили, для какого здания, какой высоты и прочности они годятся. Но в действительности оказалось, что, хотя мы и намеревались построить башню, уходящую куполом в небо, все же запаса материалов хватило только для жилого дома, оказавшегося в том, что касалось наших дел на стезе опыта, достаточно просторным и высоким, чтобы обозреть его, а упомянутое выше смелое предприятие по причине нехватки материалов должно было с необходимостью потерпеть неудачу, не говоря уж о языковой неразберихе, которая неизбежно привела бы к разногласию среди строителей относительно проекта и рассеяла бы их по всему миру для того, чтобы каждый в отдельности строил по своему проекту. Однако теперь для нас важны не столько материалы, сколько сам план и мы, будучи предупреждены, должны составить смету не для любого необдуманного проекта, который, быть может, превосходит наши возможности, а для здания, соответствующего имеющемуся у нас запасу материалов и вместе с тем отвечающему нашим потребностям (KV, IV, 609).

Или:

Мы теперь не только прошли всю область чистого рассудка и внимательно рассмотрели всякую часть ее, но также измерили ее и всякой вещи определили в ней место. Но эта область есть остров, самой природой заключенный в неизменные границы.

Она есть царство истины (увлекательное название), окруженное обширным и бурным океаном, этой областью миражей, где туманы и льды, которые должны растаять, кажутся новыми странами и, постоянно обманывая пустыми надеждами мореплавателя, гонящегося за открытиями, запутывают его в авантюристические предприятия, от которых он никогда более не может отказаться, но которых он, тем не менее, никак не может довести до конца. Раньше, чем мы отважимся пуститься в это море, чтобы исследовать его по всем широтам и узнать, можно ли найти что-либо в нем, полезно еще раз взглянуть на карту страны, которую мы собираемся покинуть...¹⁴⁹.

Наличие таких художественных «кусков» в тексте с ретроспективной функцией — не случайное явление. Это своеобразный художественный прием, дающий автору и читателю возможность сделать «передышку», прежде чем пуститься вновь в нелегкий путь освоения философского содержания; это — также прием иносказания и иронии автора, оформления подтекста и выражения своего отношения к высказываемому.

Многообразны в «Критике чистого разума» концептуальные метафоры, связанные со словами пространственной семантики, с их помощью реализуется важный принцип Канта учения — принцип наглядности. Кант обосновывает этот принцип в следующих словах:

Но для того, чтобы познать что-либо в пространстве, например линию, я должен ее провести и, следовательно, синтетически привести в определенную связь данное многообразное таким образом, что единство этого действия будет одновременно и единым актом сознания (в понятии линии), и тем самым только и будет опознан объект (определенное пространство) (KV, III, 140).

Последнее утверждение Канта объясняет большое количество математических, физических, географических и других терминов-метафор, с помощью которых философские понятия получают пространственную наглядность в его работах.

¹⁴⁹ Кант И. Критика чистого разума. Ростов н/Д, 1999. С. 243—244.

Так, понятие точки используется как средство образного представления трансцендентального единства всех понятий рассудка. И хотя эта точка есть только идея (*focus imaginarius*), то есть точка, из которой рассудочные понятия в действительности не исходят, так как она находится целиком за пределами возможного опыта, тем не менее, она служит для того, чтобы сообщить им наибольшее единство наряду с наибольшим расширением (KV, IV, 574).

В «Критике чистого разума» много структурных метафор, например метафора боя: «Интеллектуальный спор — это рыцарский турнир». Дело в том, что антитетика разума, логическая борьба между тезисами и антитезисами сравниваются с рыцарским турниром, в котором каждый из участников хорошо вооружен разумом и вправе рассчитывать на победу. Но предмет спора оказывается мнимым, и оба участника выходят невредимыми из боя (KV, IV, 411).

Сама «Критика чистого разума» выступает как место судебного разбирательства притязаний разума, которое покоится на правовом состоянии и заканчивается приговором, долженствующим обеспечить вечный мир между философами. Структурная формула этой метафоры выглядит следующим образом: «Критика чистого разума» — это высшая судебная инстанция.

Итак:

1. Наличие образно-метафорического плана в «Критике чистого разума» Канта тесно связано с самой сущностью его трансцендентальной философии. Это обусловлено необходимостью выражения нового философского содержания, в частности принципом наглядности, а также конструктивной экспликации сугубо умозрительных построений путем использования уже известных читателю понятий, заимствованных из точных и других наук.

2. Основным видом метафоры представляют концептуальные, построенные на использовании понятий и их терминов, заимствованных из указанных наук (понятие точки, сферы, гори-

зонта, плоскости и др.). С этим видом метафор связано явление *ретерминологизации*, когда под влиянием специфического содержания происходит смена экстенционала заимствованного термина, то есть он начинает обозначать исключительно философские концепты.

3. Своеобразным приемом выступают фрагменты текста с художественной образностью, дающие автору и читателю возможность сделать «передышку», прежде чем пуститься вместе вновь в нелегкий путь освоения философского содержания; это — также прием иносказания и иронии автора, оформления подтекста и выражения своего отношения к высказываемому, а кроме того, средство «украшения» ретроспективных и проспективных форм речи.

Глава IV
ВОПРОСЫ ПРАГМАТИКИ
ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА И. КАНТА

**1. К прагматике субъектно-речевой структуры
дискурса И. Канта**

Субъектно-речевая структура кантовского текста сложна. Особенно это относится к тексту «Критики чистого разума». Данное обстоятельство обусловлено в первую очередь предметом изложения и своеобразием познавательной ситуации, представленной в тексте, которая может быть охарактеризована как мышление о мышлении или познание познания. Фактически в этом тексте трижды представлено декартовское «Я мыслю». Это, во-первых, «Я мыслю» самого автора, во-вторых, «Я мыслю» эмпирического субъекта, эмпирическое теоретическое мышление которого описывается, и, в-третьих, «Я мыслю» трансцендентального субъекта, носителем которого является также эмпирический субъект, в роли которого выступает также и сам автор. И, в-четвертых, «Я мыслю» автора как трансцендентного субъекта, выражающего свое отношение к своей теории, комментирующего, поясняющего, полемизирующего с другими теориями и т. д.

Так как пространство монологического текста — это театр одного актера, то автору приходится выступать в роли всех указанных субъектов речи, представленных в тексте. В этой связи показательное следующее место из «Критики чистого разума»:

Совершенно очевидно, что когда мы желаем представить себе мыслящее существо, то должны поставить себя на его место

и, следовательно, подменить рассматриваемый объект своим собственным субъектом (чего не бывает ни в каком другом виде исследований)... (KrV, 726).

Поэтому в «Критике» речь строится не только от первого лица, но и от адресатного лица, а также от обобщенного «он лица». Автор предстает, таким образом, как носитель принципа речевой апперцепции: многообразие субъектов речи становится возможным благодаря принципу «Я говорю» автора, его единству, а также принципу *als ob* (как если бы) в его субъектно-речевом аспекте.

По нашим наблюдениям, автор в том, что касается имени первого лица «Я», выступает, как об этом говорилось выше, в функции следующих субъектов:

- 1) эмпирического теоретического мышления;
- 2) трансцендентального мышления, носителем которого является эмпирический субъект;
- 3) теории трансцендентального мышления, или метасубъекта (инстанция рассудка, то есть Кант как автор своей теории);
- 4) трансцендентного субъекта, выступающего с регулятивной (методологической) функцией (инстанция разума), то есть Кант как экспертная инстанция трансцендентального метода мышления и познания, делающий замечания, дающий комментарии, отступления, вступающий в полемику т. д.;
- 5) как носитель речи и организатор своего дискурса, производящий речевые акты с ориентирующей функцией адресата относительно хода рассуждения.

Наиболее отчетливо разные авторские роли выступают при «столкновении» различных субъектов в одном и том же высказывании. Например:

- (1) Поэтому я назвал бы знанием из принципов такие знания,
- (2) благодаря которым с помощью понятий я познаю особенное во всеобщем (KrV, 386).

Здесь первое «Я» выступает именем автора как субъекта (носителя) теории трансцендентального знания, а второе «Я»

является именем автора как носителя эмпирического теоретического мышления. Первое производит акт номинации, второе — акт рефлексии. Первое «Я» пользуется метаязыком (языком теории), второе — объектным языком. Взаимодействие двух субъектов, теоретического и эмпирического принципиально для Кантовой гносеологии, согласно которой те или иные синтетические положения должны находить свое подтверждение в опыте, то есть в эмпирическом знании.

Различие между автором как интерпретатором своей теории и автором — носителем теории трансцендентального познания можно проиллюстрировать следующим примером:

В «Критике чистого разума» я (1) в том, что касается этого вопроса, действовал синтетически, а именно: так, что я (2) исследовал *сам чистый разум* и пытался в *самом этом источнике* найти элементы... а также законы их применения согласно принципам¹⁵⁰.

В (1) автор выступает как интерпретатор своей теории, а в (2) — как ее носитель, что соответствует *объектному имени die reine Vernunft selbst* (сам чистый разум) (2) и *метаимени die reine Vernunft* (1). Этот же субъект как «Я, здесь, теперь» выступает и носителем речи, то есть именем «Я» обозначается автор — организатор дискурса. Это речь сугубо *прагматического* плана: она ориентирует читателя относительно хода рассуждения автора как носителя теории, то есть касается выражений типа: *Dies ist die Frage, mit der wir uns jetzt beiläufig beschäftigen* (Это и есть тот вопрос, которым мы сейчас займемся); *Dies ist eine allgemeine Anmerkung, die man bei dem Folgenden durchaus zugrunde legen muß* (Это — общее примечание, которое непременно следует иметь в виду в последующем изложении); *Nun laßt uns zu unserer Aufgabe fortgehen* (А теперь позвольте приступить к решению нашей задачи), *Ob sie [die*

¹⁵⁰ Kant I. Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik ... S. 134—135.

Vorstellungen] auch im Gegenstande folgen, ist ein weiterer Punkt der Reflexion, der in dem ersten nicht enthalten war (Следуют ли они [представления] также и в предмете — это еще один пункт нашей рефлексии, которого не было в первом) и другие, то есть автор как метаметасубъект выступает, с одной стороны, в концептуально-регулятивной функции и в дискурсно-регулятивной, или метаречевой — с другой.

В нижеследующем примере автор выступает как трансцендентальный субъект, то есть как носитель категории «Я мыслю»:

Я как мыслящее существо являюсь абсолютным субъектом всех моих возможных суждений, и это мое представление о самом себе не может быть предикатом какой-либо другой вещи... (KrV, 424).

Или при «столкновении» с эмпирическим субъектом в одном высказывании:

Несомненно следующее: что «я» посредством «Я мыслю» воспринимаю абсолютное, но логическое единство себя как субъекта (простое), но... (KrV, 434).

Вышеназванные субъекты и их речевые акты расположены в тексте в определенной последовательности, которая обусловлена коммуникативной стратегией текста, заключающейся в том, что сначала автор предстает в роли метаметасубъекта, ориентирующего адресата относительно хода рассуждения, затем он берет на себя функцию метасубъекта, выдвигающего те или иные теоретические положения. Однако эти положения носят характер гипотетических суждений в том смысле, что они (см. главу II) еще не являются утверждениями. Для того чтобы стать таковыми, необходимо участие третьего, эмпирического субъекта, который производит так называемую интроспекцию, в том числе и *трансцендентальную интроспекцию*, показывая, что выдвинутые предварительно положения находят свое подтверждение в фактах познавательной (ментальной) деятельности эмпирического субъекта, то есть в опыте. Затем эти субъективные факты проходят фазу объектива-

ции с помощью «мы»-субъекта или «он»-субъекта (инстанция сознания вообще), получая статус утверждений, так как то, что свойственно одному субъекту, подается как присущее также и всем другим субъектам. Тем самым достигается аподиктичность, то есть необходимость полученного знания. После этого автор вновь возвращается к *роли* метасубъекта или метаметасубъекта, если необходимы какие-либо пояснения или аргументация, ориентированная на адресата, таким образом происходит учет фактора адресата. В качестве иллюстрации можно привести текст из «Трансцендентальной дедукции» «Критики чистого разума»:

(1) В метафизической дедукции было показано происхождение категорий а priori путем анализа функций мышления вообще... (2) Теперь надлежит с помощью категорий показать возможность познания предметов, какие только могут быть даны нашим чувствам, но не согласно форме их созерцания, а согласно законам их связи а priori, следовательно, как бы предписывая их природе и даже делая их возможными. Ибо... (KrV, 215).

В данном интродуктивном СФЕ автор как организатор дискурса производит ретроспекцию (1), а затем проспекцию (2), в которой определяет коммуникативную установку последующего дискурса, указывает форму речи, которая будет при этом использована, а именно «объяснение» (Erklärung), и какой перлокутивный эффект ожидается на стороне адресата, то есть — понимание необходимости принятия категорий как формы, без которой природа как всеобщая связь явлений не может состояться.

Следующее СФЕ раскрывает автора как носителя метаречи о трансцендентальном знании (как метаметасубъект с регулятивной функцией), реализующий методологические аспекты теории и производящий иллокутивный акт напоминания:

1) Прежде всего, я замечу, (2) что я под синтезом схватывания *понимаю* синтез многообразного в одном эмпирическом созерцании, (3) посредством которого становится возможным восприятие, то есть эмпирическое осознание его (как явления) (KrV, 154).

Дискурс данного СФЕ представляет собой сочетание нескольких дискурсов: метаречь автора как носителя методологии и комментатора своей теории (1), автор как носитель теории (2) и язык — объект (3). В (1) автор производит как субъект с регулятивной функцией (для адресата) иллокутивный акт примечания (напоминания), а в (2) — иллокутивный акт определения.

В следующем ниже СФЕ автор под именем «мы»-субъекта переходит к предметно-направленной речи, выполняя операцию онтологизации вышеупомянутых теоретических положений, а именно:

СФЕ III.

Мы обладаем формами как внешнего, так и внутреннего чувственного созерцания в виде представлений пространства и времени, и синтез схватывания этих представлений в явлении должен необходимо совершаться в соответствии с ними, потому что он может происходить только в этой форме... Но... (KrV, 154).

Дискурс, представленный в этом СЕ, называется нами предметным, или дескриптивным, так как в нем формулируется знание о предметной области и ее объектах — априорных формах созерцания, мышления и познания. Он обладает, по Канту, аподиктической модальностью (ср. глагол *müssen*), так как в нем формулируются не просто суждения, а суждения, прошедшие этапы аргументации (дедукции или интроспекции), то есть этапы доказательства.

Если аргументация в СЕ III основывается на фигурах формальной логики, значит, совершается дедуктивно, то в последующих СФЕ IV и СФЕ V данного сверхабзачного единства (САЕ) она подкрепляется и аргументацией от эмпирического субъекта, сфера восприятия и мышления которого определяется априорными формами. Высказывания этого субъекта строятся обычно по модели «если... то...» (о чем говорилось выше), причем в antecedенте излагаются факты эмпирической мыс-

лительной деятельности субъекта, а в консеквенте — априорные условия, обеспечивающие их реализацию. Мы продолжим цитировать данное ПЕ:

СФЕ IV.

Итак, если я превращаю, например, эмпирическое созерцание какого-либо здания с помощью операции схватывания в восприятие, то для этого я с необходимостью опираюсь как на основание на единство пространства и вообще внешнего чувственного созерцания, и в соответствии с этим синтетическим единством я как бы очерчиваю его форму... (KtV, 155).

Дискурс, представленный в этом СФЕ, называется нами *интроспективным*, так как автор в роли этого речевого субъекта постоянно прибегает к интроспекции, то есть к данным ментальных актов этого субъекта, чтобы получить подтверждение выводам относительно трансцендентального субъекта («мы»). В СФЕ VI автор вновь возвращается к роли метасубъекта (1) и метаорганизатора речи (2), ставит очередную проблему, связанную с вышеизложенным, а именно:

СФЕ V.

Категории суть понятия, которые a priori предписывают явлениям, то есть природе как вместилищу всех явлений... законы, и вот теперь спрашивается, как понять, что... (2) Вот решение этой загадки (KtV, 221).

Здесь в пункте (2) автор выступает в регулятивной функции, он ориентирует адресата относительно хода рассуждения, выполняя иллокутивный акт привлечения внимания адресата к ответу на поставленный вопрос.

Таким образом, текстовое суждение представляет собой продукт речевого взаимодействия нескольких субъектов речи, под именами которых поочередно выступает автор, порождая различные виды дискурсов с различной функцией. Последовательность речевых ролей такова, что сначала следует метадискурс, его сменяет дескриптивный дискурс, на котором фор-

мулируются метазнания, затем следует предметный дискурс, на котором сообщается об объекте (предмете) рассуждения. Иерархии речевых субъектов соответствует и иерархия дискурсов и конституирующих их речевых актов. Так, речь, представленная в СФЕ IV и СФЕ V (интроспективный дискурс), подчинена речи в СФЕ III (дескриптивный дискурс), так как первая включается в текст благодаря второй и в этом смысле является *синсемантической*, в то время как речь в СФЕ III *автосемантическая*, но, в свою очередь, подчинена речи в СФЕ II как метаметадискурсу, то есть понятие авто- и синсемантии следует рассматривать как относительное. Явление авто- и синсемантии речевых актов выступает также и фактором членения и интеграции текста, поскольку они с этой точки зрения образуют единство.

Таким образом, на каждом уровне субъектно-речевой иерархии имеется речь с аргументирующей функцией: на уровне объектного языка — интроспективная речь и, соответственно, интроспективный дискурс, на уровне метаязыка — это специфически кантовские аналитические и дедуктивные формы речи, такие как экспозитивная речь, метафизическая дедукция, трансцендентальная рефлексия, трансцендентальная дедукция; на метаметауровне — аргументирующий дискурс, построенный на операциях так называемой естественной логики и на сократическом диалоге (адресато-центричная аргументация). Взаимодействие авторских ролей метасубъекта и эмпирического субъекта происходит не только при организации аргументации, но и при порождении экспозитивного дискурса, с помощью которого автор как носитель теории формирует на метауровне «логические места», то есть понятийные микро- и макрополя, которым соответствуют на лексическом уровне терминологические микро- и макрополя. Рассмотрим следующий пример с дедуктивным СФЕ:

(1) Представление «Я мыслю» должно иметь возможность сопровождать все мои представления вообще, иначе я имел бы представления, которые мною вовсе не мыслятся, что было бы

равносильно тому, что либо представление было невозможно, либо было бы ничем, по крайней мере, для меня. (2) То представление, которое может быть дано до всякого мышления, называется созерцанием. (3) Следовательно, все многообразие созерцания должно соотноситься с «Я мыслю» того самого субъекта, которому оно принадлежит. Но это представление является актом его спонтанной деятельности, то есть оно не может рассматриваться как принадлежащее его чувственности. (5) Я называю его чистой апперцепцией, чтобы отличать его от эмпирической апперцепции, или также первоначальной апперцепцией, потому что оно есть то самое самосознание, которое, будучи источником представления «Я мыслю»... не может более сопровождаться никаким другим. (6) Я называю также его единство трансцендентальным единством самосознания для того, чтобы с его помощью обозначить возможность познания a priori. (7) Ибо... (KrV, 173).

Данное выше СЕ порождается взаимодействием речевых ролей эмпирического субъекта и метасубъекта. Первый с помощью интроспекции порождает и обосновывает понятие «Я мыслю». Второй использует эту посылку, производя логическую операцию вывода и получая посредством актов определения для понятия «Я мыслю» дополнительные предикаты. В результате возникает терминологическое микрополе билексемных и полилексемных терминов, образующих как бы совокупное метаимя концепта: *Ich denke — die reine Apperzeption — die ursprüngliche Apperzeption — die transzendentale Einheit des Selbstbewußtseins* («Я мыслю» — чистая апперцепция — первоначальная апперцепция — трансцендентальное единство самосознания).

Перевод предмета рассуждения в парадигматическую позицию в экспозитивном дискурсе совершается, как указывалось выше, с помощью операции парадигматизации, что формально сигнализируется оператором *dieser* (этот), например:

СФЕ I.

Итак, для того, чтобы это многообразие превратилось в единство созерцания (как, например, в представлении простран-

ства), то необходимо, во-первых, обозреть это многообразие, а затем привести его в связь — действие, которое я называю синтезом схватывания, потому что...

СФЕ II.

Этот синтез схватывания должен совершаться а priori, то есть производиться в отношении представлений, не являющихся эмпирическими. Ибо... (KrV, 175—176).

Приведенное выше САЕ посвящено определению понятия синтеза восприятия. В СФЕ I оно вводится и обретает номинальное определение. В СФЕ II совершается переход рассуждения с уровня объектного языка на уровень теории с целью получения более полного (реального) определения данного понятия. Каждый акт определения подкрепляется аргументацией. В СФЕ II рема из СФЕ I выносится в тематическую (парадигматическую) позицию. Формально данное обстоятельство сигнализируется указательным местоимением «этот», но, в принципе, возможны и другие средства с дейктической семантикой.

Итак, прагматический и семантический смысл операции парадигматизации состоит в формировании в тезаурусе адресата понятийных микрополей (на уровне СФЕ) и макрополей (на уровне САЕ и на уровне МСАЕ), а также получении более полного определения понятия.

2. К прагматике субъектно-направленной речи в дискурсе Канта

Прагматические функции свойственны всем видам речи философского дискурса Канта — субъектно-направленной, объектно-направленной и адресато-направленной речи. Однако каждая из них обладает своими особенностями в реализации прагматического фактора, которые обусловлены многоуровневой речевой и семантической структурой текста. Дело в том, что один и тот же акт речи может быть представлен как на разных уровнях текстовой иерархии, так и в различных мо-

дусах речи: субъектно-центричном, объектно-центричном и адресато-центричном. И, кроме того, возможны также и различные его коннотации. Поясним это на конкретных примерах:

1. Выше *мы* назвали диалектику вообще логикой видимости (KV, VII, 380).

2. *Я* называю чистыми все представления (в трансцендентальном смысле), в которых нет ничего эмпирического (KV, VII, 93).

3. Многообразное, содержащееся в созерцании, которое *я* называю своим, представляется благодаря синтезу рассудка как принадлежащее необходимому единству самосознания (KV, VII, 191).

Во всех вышеприведенных случаях речь идет об одном и том же акте речи — номинации, или определении, который производится от разных субъектно-речевых ролей автора: метаметасубъекта (1), метасубъекта как носителя теории (2) и эмпирического субъекта (3), находящихся на разных уровнях текста: в (1) он подан в модусе ретроспекции, то есть не перформативно, в (2) — перформативно, в (3) — пропозиционально, без момента утверждения. Он может быть подан и в модусе объектно-направленной речи, например:

(1) И так как в суждениях разума любое общее понятие может выступать в качестве большой посылки и... (2) то его можно также... *назвать* принципом (KV, VII, 386).

Как следует из иллюстрации, акт номинации в (2) подается как объективно возможное логическое действие. В адресато-направленном модусе он может получать различные коннотативные оттенки в зависимости от того, в какой степени автор учитывает фактор адресата. Так, если в акте номинации доминирует адресат, он оформляется как просьба, например:

Да будет мне позволено называть место, отводимое нами понятию в чувственности, или в чистом рассудке, трансцендентальным (KV, VII, 380).

В данном примере речевой акт определения подается как бы от адресата, что придает ему оттенок менее утвердительный, чем это имеет место в изъявительном наклонении.

Если же в акте номинации доминирует сам автор, то эта речь оформляется с помощью оператора перформативности *sage ich* (говорю я), например: «Этот метод, *говорю я*, можно назвать скептическим» (KV, VII, 511).

В данном случае имеет место модальность подчеркнутой (утвердительной) возможности.

При полной непричастности автора к определению какого-либо понятия, оно оформляется как простая констатация от неопределенного лица:

Принуждение, с помощью которого ограничивается, а затем и полностью искореняется склонность отступать от определенных правил, *называют* дисциплиной (KV, VII, 741).

Когда в одном высказывании «сталкиваются» два субъекта, то автор как интерпретатор своей теории принимает имя «я», а автор как носитель речи, направленной на адресата, и методологии теории выступает под именем «мы»:

(1) Если я буду рассматривать вместилище всех знаний чистого спекулятивного разума как некое здание, (2) идея которого у нас, по крайней мере, имеется, (1) то я могу сказать, (2) что в трансцендентальном учении *мы* составили смету «стройматериалов» и определили, для какого здания, какой высоты и прочности их будет достаточно... (KV, VII, 739).

Здесь в пунктах (1) автор говорит как метаметасубъект (автор как комментатор своей теории), а в пунктах (2) — как метасубъект (автор как носитель своей теории), но употребление имени «мы» обусловлено *ретроспективным* актом речи, который предполагает совместно пройденный путь рассуждения автором и читателем (инклюзивное «мы»).

В тексте речевое пространство между субъектами «я» — «ты» — «он» на уровне объектного языка, или языка описания

используется автором в целях создания эффекта *объективации*, то есть распространения свойств, выявленных с помощью интроспекции на субъекте «я», на субъекты «мы» или «он». Например:

(1) Но сконструировать понятие означает следующее: предоставить ему соответствующее созерцание... (2) Так, например, я конструирую треугольник тем, что изображаю соответствующий ему предмет либо просто в воображении, либо рисуя его на бумаге (KV, VII, 744).

Но:

(3) ...Так, например, *мы* мыслим себе треугольник как предмет, представляя себе конструкцию из трех прямых линий, составленных по определенному правилу... (KV, VII, 315).

В обоих примерах выше под (2) и (3) представлена логическая операция экземплификации, но в (2) имеет место субъективированный ее модус — автор как эмпирический теоретический субъект, а в (3) — объективированный, автор и любой другой субъект эмпирического мышления.

От «мы»-субъекта оформляется обычно знание, полученное в результате аргументации, то есть предполагается, что понятие прошло проверку посредством логической операции трансцендентальной дедукции, как например:

Мы не можем мыслить себе ни одного предмета иначе, как только с помощью категорий; и *мы* не можем познать мыслимый нами предмет иначе, как с помощью созерцаний... (KV, VII, 225).

Таким образом, с «мы»-субъектом у Канта связывается реализация принципа расширительного (объективированного) мышления и модальность аподиктического, то есть обладающего абсолютной достоверностью и всеобщей значимостью философского знания.

Неопределенным «он»-субъектом оформляются выводы, долженствующие стать правилами, например:

Поэтому столь же необходимо делать *свои* понятия чувственными... а *свои* созерцания понятными (то есть подводить их под понятия) (KV, VII, 225).

«Он»-субъект, взятый как бы со знаком минус, то есть «никто» (*keiner, niemand*) применяется также для констатации максимальных обобщений:

(1) Но качества не могут быть даны ни в каком другом созерцании, как только в эмпирическом. (2) Так, например, *никто* не может получить созерцание, соответствующее понятию реальности, из другого источника, кроме как только из опыта, и никогда а priori из себя самого... (KV, VII, 745).

Здесь в (2) дана экзemplификация от «он»-субъекта в отрицательной форме, или от «никто»-субъекта.

От неопределенно-личного субъекта *man* (синоним «он»-субъекту) может оформляться также речевой акт обоснования, как например:

(1) Пространство есть необходимое представление a priori, которое лежит в основе всех внешних созерцаний. (2) Невозможно *себе* представить, что пространства не существует, хотя отсутствие каких бы то ни было предметов в нем можно вполне *себе* мыслить (KV, VII, 96).

В данном примере аргумент в (2) получает максимально широкую, то есть объективированную субъектную базу аргументации.

Одним из формальных синтаксических отличий речи от авторского эксклюзивного «мы» и «мы»-трансцендентального субъекта, к которому автор причисляет и себя (инклюзивное «мы»), состоит в том, что первая характеризуется как мета-язык (метадискурс) формами речи с регулятивной функцией, каковыми выступают, в частности, ретро- и проспективные

речевые акты, а также различного рода обобщения, примечания, отступления и др. Они нередко оформляются *перформативной* модальностью (я говорю, доказываю, утверждаю, констатирую, замечаю, делаю отступление и т.д.), а вторые оформляются *пропозициональной* модальностью, в частности, при иллокутивном акте ретроспекции. Например:

(1) Итак, *мы* хотели сказать следующее: (2) что все *наши* созерцания суть не что иное, как представление явлений, что вещи, созерцаемые *нами*, не являются такими, какими *мы* их воспринимаем... что все отношения объектов в пространстве и времени, более того само пространство и само время исчезли бы; и что явления не существуют сами по себе, а только лишь в *нас* (KV, VII, 196).

Ретроспекция, представленная в данном выше СФЕ, является средством вторичной актуализации уже известного из предыдущего рассуждения содержания. Ее прагматика может быть описана следующим образом: *«Я вполне допускаю, что вы могли не воспринять того, что было изложено мной выше, но я хочу, чтобы вы это восприняли, и поэтому повторяю это для вас еще раз, ибо это важно для понимания сути дела».*

Прагматическое значение имени «мы» зависит, следовательно, от типа иллокуции. Так, в примере выше (1) форма «мы» имеет эксклюзивный смысл, так как вывод-повтор — это речь автора как носителя своей теории, адресат в эту речь обычно не включается. Если же в ретроспективном модусе подается иллокуция подытоживания, предполагающая наличие определенного пути, пройденного совместно автором и читателем, то имя «мы» получает значение инклюзивности: адресат входит в сферу говорящего или автор, наоборот, относит себя к сфере адресата (как в примере выше, см. (2)).

Вот еще пример на этот же случай:

Итак, *мы* не только совершили путешествие по стране чистого рассудка и тщательно обозрели каждую ее часть, но и произвели ее измерение и определили для каждой вещи ее место... (KV, VII, 332).

«Мы»-метасубъект (носитель теории) и «мы»-трансцендентальный субъект могут подобно «я»-субъектам встречаться в пределах одного высказывания:

(1) Итак, в ожидании того, что... *мы* предварительно выдвигаем идею науки о чистом познании рассудка и разума, (2) посредством которой *мы* мыслим предметы совершенно априорно (KV, VII, 130).

Здесь в пункте (1) имя «мы» является именем автора как носителя методологии трансцендентального знания (инстанция разума), а в (2) — именем трансцендентального субъекта, к которому автор относит и себя, то есть он включает себя в сферу адресата как эмпирического субъекта, носителя трансцендентальности.

Таким образом, прагматические функции субъектно-центричной (субъектно-направленной) речи разнообразны. С ее помощью автор может придавать своему высказыванию различные логические и семантические оттенки значения, используя имена разных субъектов речи, находящихся на разных уровнях дискурса как семантической системы. Он может придавать одному и тому же иллокутивному акту речи (иллокутивному инварианту, пропозиции) различные речевые модусы: субъектно-центричный, объектно-центричный или адресато-центричный, а также создавать различные оттенки модальности: гипотетический, утвердительный, аподиктический, перформативный, пропозициональный и другие.

3. К прагматике адресато-направленной речи в дискурсе И. Канта

Адресато-направленная речь, учитывающая фактор адресата, дает возможность автору оформлять высказывание в особом прагматическом модусе — модусе адресато-центричной, то есть адресато-направленной речи. Большой удельный вес

этого вида речи приходится на директивные иллокутивные акты, связанные с ментальной деятельностью участников коммуникации. В особенности это относится к речевым актам с установкой на аргументацию, в частности к доказательству. При этом адресат как обобщенный субъект выступает под неопределенно-личным именем *man*. Например:

Denn *man* nehme an, die Welt habe der Zeit nach keinen Anfang: so...

В самом деле, *предположим*, что мир не имеет начала во времени, тогда... (KГV, 514).

В данном выше примере при переводе на русский язык приходится прибегать к другим формальным средствам обозначения адресата, а именно с помощью глагола в первом лице множественного числа, имеющего инклюзивное значение, то есть автор включает себя в сферу адресата, чего нет в немецком оригинале.

Это же имя адресата используется автором для приглашения его совершить логический эксперимент с третьими лицами:

Man gebe einem Philosophen den Begriff eines Triangels und lasse ihn nach seiner Art ausfindig machen, wie...

Давайте *дадим* философу понятие треугольника и *попросим* его в своей манере выяснить, как... (KГV, 746).

В этом директивном модусе подаются порой и такие акты, как экземплификация или иллюстрация:

Man nehme nur die Begriffe der Mathematik zum Beispiele...

Возьмем хотя бы в качестве примера понятия математики... (KГV, 202).

Или с оттенком уступки или даже некоторого вызова:

Will *man* ein Beispiel aus Wissenschaften, so darf *man* nur auf alle Sätze der Mathematik hinaussehen...

Если угодно привести пример из области наук, то можно обратиться взор на математику и все ее аксиомы... (KГV, 51).

От этого же адресатного субъекта *man* оформляется директивный акт «инструкция»:

(1) Только потому что они [созерцания и понятия] объединяются, возможно познание. (2) Именно поэтому не следует [*darf man nicht*] смешивать участие каждого из них, а должно иметь все основания [*sondern man hat große Ursache*] для того, чтобы тщательно отделить одно от другого и различать их... (KrV, 126).

Здесь в пункте (2) автором производится инструктивный иллокутивный акт, вытекающий из положения, сформулированного в пункте (1).

Также с модальным оттенком предостережения:

(1) Die Absicht dieser Anmerkung geht dahin, zu verhüten: (2) Daß *man* die behauptete Idealität des Raumes nicht durch bei weitem unzulängliche Beispiele zu erläutern sich einfallen lasse...

(1) Настоящее примечание имеет целью *предостеречь* от следующего: (2) не *следует* пытаться пояснять утверждаемую здесь идеальность пространства с помощью совершенно неподходящих для этого примеров... (KrV, 102).

Обобщенное адресатное лицо *man* используется Кантом как автором текста также для предотвращения ложных ходов аргументации. Адресат выступает при этом как источник возможной неправильной аргументации. Например:

...Ja wenn *man* auch eine andere Art der Erscheinung, als diese unsere sinnliche ist, annehmen wollte, so würden doch unsere Funktionen zu denken... von gar keiner Bedeutung sein.

Более того, если бы *кто-либо* захотел предположить другую форму явлений, какой является данная нам чувственная форма, то мышление как наша функция совершенно не имела бы никакого значения (KrV, 375).

Роль адресата-оппонента *man* используется нередко для оттачивания аргументации:

Will man aber mir dieses nicht einräumen, wohlan, so schränke ich meinen Satz auf die reine Mathematik ein.

Но если угодно со мной в этом не соглашаться — хорошо, тогда я ограничу свое утверждение чистой математикой... (KrV, 19).

Адресато-направленная речь дает возможность автору исполнять такие роли, которые невозможны при монологической форме речи. Так, например, он может представлять экспертную инстанцию по вопросам теории трансцендентального знания. Стратегия аргументации при этом направлена на то, чтобы возвысить адресата до эталонной степени владения трансцендентальным методом познания, которым обладает сам автор. В то же время адресат выступает как инстанция, желающая подняться до эталонной степени трансцендентального знания. Соответственно этому распределяются и их коммуникативные роли и иллокутивные акты: на стороне адресата имеет место иллокуция вопроса (информация запрашивается), а на стороне автора — иллокуция ответа (информация выдается), то есть автор и адресат меняются ролями (вопрос задает адресат), например:

Aber (wird *man* ferner fragen) auf solche Weise kann *ich* doch von dem Begriffe und der Voraussetzung eines höchsten Wesens in der vernünftigen Weltbetrachtung Gebrauch machen? Ja, dazu war auch eigentlich diese Idee von der Vernunft zugrunde gelegt...

(1) Но (*зададут* мне далее вопрос) в таком случае я смогу ведь использовать понятие и предположение о высшем существе для разумного взгляда на мир? (2) Да, для этого, собственно, и предназначена эта основополагающая идея разума... (KrV, 734).

Как следует из данного примера, в пункте (1) автор передает слово адресату (*man*), позволяя ему использовать имя «я», под которым обычно выступает сам автор. Диалог строится по двухуровневому принципу: речь «Я»-адресата принадлежит уровню теории, а ее введение («зададут мне вопрос») — уровню методологии теории, благодаря чему можно констатиро-

вать, что адресатное лицо также структурировано по уровням: *тап* — уровень методологии теории, «я» — уровень теории трансцендентального познания.

Фактор адресата позволяет автору также строить речь по принципу нарастания ее фокуса, а именно: сначала адресат выступает в статусе неопределенного лица, затем он оказывается в поле зрения говорящего и конкретизируется, то есть появляется возможность обратиться к нему с речью уже непосредственно:

(1) Es mag jemand seine Behauptungen in derselben [in der Metaphysik] mit noch so großem Schein vortragen... wenn er nicht vorher jene Frage hat genugtuend beantworten können: es ist alles eitle grundtose Philosophie und falsche Weisheit. (2) *Du* sprichst durch reine Vernunft und maßest *dir* an, a priori Erkenntnisse gleichsam zu erschaffen... wie kommst *du* nun hiezu und wie willst *du dich* wegen solcher Anmaßungen rechtfertigen?

(1) С какой бы долей правдоподобия *кто-либо* ни подавал в ней [метафизике] свои утверждения... если он прежде не ответит удовлетворительно на этот самый вопрос — все это будет тщеславной и беспочвенной философией и мнимой мудростью. (2) *Ты* пытаешься говорить посредством чистого разума и *имеешь* дерзость [утверждать], что будто *создаешь* априорное знание. Но как *ты* приходишь к нему и как *ты* намереваешься оправдать свою подобную дерзость?¹⁵¹

На данном примере процесс конкретизации адресата хорошо виден: он последовательно проходит этапы «кто-либо» — «он» — «ты», пока адресат не оказывается в непосредственной близости от адресанта. Это — позиция, в которой адресат выступает, как правило, в роли оппонента. Она позволяет вступить автору в соответствии с кантовским принципом «как если бы» в верификационную игру с ним. Последняя состоит в следующем: говорящий (автор) подает тезис или тезисы как ут-

¹⁵¹ Kant I. Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik ... S. 28.

верждения (я говорю, что «р»). Соблюдение принципа верификации подводит либо к тому, что оба приходят к определенному соглашению, то есть либо автор присоединяется к мнению оппонента, либо, наоборот, оппонент соглашается или вынужден согласиться с автором. Например:

Wider alle diese allgemeinen Schlüsse, (deren sich kein Mensch weigern kann) fordert *ihr* mich durch einen Fall auf, den *ihr* mir als einen Beweis durch die Tat aufstellt: daß es doch einen und zwar nur diesen einen Begriff gebe... und dieses ist der Begriff des allerrealsten Wesens. Es hat, sagt *ihr*, alle Realität, und ihr seid berechtigt, ein solches Wesen als möglich anzuschauen... Ich antworte: *ihr* habt schon einen Widerspruch begangen, wenn *ihr* in den Begriff eines Dinges... schon den Begriff seiner Existenz hineingebracht. Räumt man das ihnen ein, so habt *ihr* dem Scheine nach gewonnenes Spiel...

Для опровержения всех этих всеобщих выводов (которые не может отклонить ни один человек) *вы* бросаете мне вызов с помощью случая, который *вы* выставяете в качестве фактического доказательства, а именно: что существует одно и только одно это понятие... и им является понятие всереальнейшего существа. Оно, говорите *вы*, обладает полной реальностью, и *вы* вправе рассматривать его как возможное... Я отвечаю так: *вы* уже допустили противоречие тем, что в понятие вещи привнесли и понятие ее существования. Если с *вами* согласятся, то *ваш* выигрыш в этой игре всего лишь мнимый... (КГV, 653—654).

В данном случае за именем «вы» стоят представители определенной философии, пытающиеся доказать бытие Бога, исходя лишь из понятия всереальнейшего существа. Кант опровергает эту теорию, переходя в свою очередь к постановке вопросов, то есть к полемике:

Ich frage *euch*, ist der Satz: dieses oder jenes Ding (welches ich *euch* als möglich einräume, es mag sein, welches es wolle) existiert, ist, sage ich, dieser Satz ein analytischer oder synthetischer Satz?

Я спрашиваю *вас*, является ли положение: та или иная вещь (с возможностью которой я с вами соглашусь, какой бы эта вещь ни была) существует, является ли это положение, говорю я, аналитическим или синтетическим? (КГV, 654).

Оппонент поставлен, таким образом, перед альтернативой, определяющей дальнейший ход аргументации, которая строится как описание интроспекции от «вы»-адресата-оппонента:

Denn, wenn *ihr* auch alles Setzen... Realität nennt, so habt *ihr* das Ding schon mit allen seinen Prädikaten im Begriffe des Subjekts gesetzt und als wirklich angenommen und im Prädikate wiederholt *ihr* es nur...

Ибо, если *вы* всякое полагание чего-либо... называете реальностью, то в понятие субъекта *вы* уже вложили вещь со всеми ее определениями и предположили ее как существующую, а в сказуемом *вы* только это повторяете... (КГV, 654).

С «вы»-адресатом может связываться и модальный оттенок настоятельной просьбы при оформлении речемыслительного акта предположения, как например:

А теперь *позвольте* на этом остановиться и предположить, по крайней мере, в качестве возможности следующее: разум действительно обладает причинностью в отношении явлений, в этом случае... (КГV, 616).

Полемика с прямым оппонентом подкрепляется помимо чисто логических доводов апелляцией к «он»-субъекту как носителю типичных качеств мышления (аргументация от здравого смысла):

Gesteht *ihr* dagegen, wie es billigerweise jeder Vernünftige gestehen muß, daß ein jeder Existenzialsatz synthetisch sei, wie wollt *ihr* denn behaupten, daß...

И напротив, если *вы* согласитесь, как это подобает каждому разумному человеку, что любое высказывание о существовании является синтетическим, то как *вы* можете утверждать, что... (КГV, 654).

Таким образом, оппонент подводится к такому ответу на вопрос, который запрограммирован автором.

Неопределенный «он»-адресат часто используется как субъект конструирования (моделирования) возможных познавательных ситуаций. Например:

Wenn *jemand* sagte: ein jeder Körper riecht entweder gut oder nicht gut, so findet ein Drittes statt, nämlich, daß er gar nicht rieche (ausdufte), und so können beide widerstreitende Sätze falsch sein.

Если *кто-либо* скажет следующее: всякое тело пахнет или хорошо, или плохо, то возможно еще и третье, а именно: что оно вообще не пахнет (не издает запаха), так что оба противоречащие друг другу высказывания окажутся ложными (KrV, 580).

Итак, присутствие адресата в роли слушающего сказывается на речи автора, позволяя ему производить различного рода директивные и другие речевые акты, связанные с речемыслительными операциями в процессе рассуждения, а также придавать им различные модальные оттенки: просьбы, уступки, подчеркнутого утверждения, полемичности и др.

Важна также функция адресата как объекта речевого воздействия, обуславливающего необходимость аргументации и как оппонента, берущего слово и вступающего с автором в верификационную игру. Диалог с адресатом позволяет автору выступать в роли эксперта или инстанции, располагающей эталонным трансцендентным знанием, до которого адресат должен возвыситься.

К адресато-центричной речи следует отнести и иллюкутивные акты с функцией ориентации адресата относительно смысла и цели предшествующих и последующих речевых актов прежде всего *ретроспективную* и *проспективную* речь, которые вместе с тем выполняют и функцию членения и интеграции Кантова дискурса.

4. К прагматике аксиологического дискурса И. Канта

Своеобразие аксиологического дискурса Канта, отличающего его от дискурса *когнитивной* направленности, ярким примером которого является «Критика чистого разума», со-

стоит в том, что первый направлен на описание мира не таким, каков он есть, а таким, каким он может и должен быть, то есть это текст с прескриптивной (предписывающей) модальностью. Отсюда преобладание в нем не связки «есть» или «не есть», а связки «должно» или «не должно». Другими словами, это текст не с идентифицирующей предмет рассуждения функцией, а с функцией его оценки. Следовательно, это различие прежде всего функциональное. Дело в том, что, как говорит Дж. Мур, даже самый полный перечень идентифицирующих свойств объекта не снимает вопроса об установлении его ценности (цит. по: [1])¹⁵². Итак, аксиологический дискурс Канта отличается от когнитивного дискурса в следующих релевантных пунктах:

1. Коммуникативная установка направлена не на описание мира, а его оценку.

2. Мир описывается не таким, каков он есть, а таким, каким он может и должен быть.

3. Это текст с прескриптивной, предписывающей модальностью (нравственные императивы, этические нормы и правила поведения, нравственные максимы и т. д.).

4. Аргументация специфична: она направлена не на доказательство истинности тех или иных положений об объективном мире, а на обоснование необходимости существования морально — этических ценностей и оправдание необходимости для человека следовать своему долгу.

5. Этот текст отвечает не столько на вопрос «почему», сколько на вопрос «зачем» или «для чего». Иными словами, на вопрос не о сущности мира, а о смысле существования человека в нем.

Аксиологический дискурс, по справедливому замечанию Н. Д. Арутюновой, насыщен оценочными предикатами и вообще лексикой с оценочной коннотацией¹⁵³. Ее семантика ну-

¹⁵² Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999. С. 147.

¹⁵³ Там же. С. 218.

ждается в дальнейшей разработке и аргументации, то есть имеет векторную направленность вперед. Логико-композиционное построение аксиологического дискурса Канта основано также на принципе каузальности, который состоит в том, что в начале рассуждения выдвигается ключевое положение, представляющее собой с логической точки зрения следствие, а затем происходит разработка основания или оснований, согласно которым указанное следствие произведено как имеющее объективную значимость.

Одна из основных особенностей аксиологического дискурса Канта заключается в том, что в нем идентифицирующие и оценочные речевые акты выступают параллельно, перемежаясь друг с другом и сохраняя вместе с тем относительную самостоятельность. Это можно хорошо проследить на примере дескрипций с идентифицирующей и оценочной (характеризующей) функцией в трактате Канта «Основы метафизики нравственности» (1785), в котором Кант, по его собственным словам, ставит своей задачей выявить и сформулировать самый высший принцип моральности, лежащий в основе всех других принципов нравственно-этического поведения. Разумеется, что этот принцип у Канта априорный.

Начальный пассаж текста данного трактата содержит речевые акты с референцией к объекту, то есть он начинается с объектно-направленной (дескриптивной) речи, так как для того, чтобы рассуждать о чем-либо, необходимо, чтобы это нечто существовало объективно или в мышлении, в нашем случае — в нравственном мышлении человечества. Первый раздел трактата открывает комплексный речевой акт, содержащий утверждение о существовании понятия доброй воли и его характеристики (оценки):

(1) Не существует ничего мыслимого в мире и даже более того за его пределами, (2) что без всякого ограничения могло бы рассматриваться как благо, кроме единственно доброй воли (KV, VII, 18).

Этот ключевой для всего трактата речевой акт состоит из двух частей: утверждения существования предмета рассуждения, то есть понятия доброй воли (1) и его оценки (2). Дальнейший текст представляет собой развитие и разработку понятия доброй воли в дескриптивном (идентифицирующем, референциальном) и оценочном (аксиологическом) аспектах. При этом происходит функциональное раздвоение дескрипции «добрая воля» (*ein guter Wille*) на две — идентифицирующую и оценочную. Первая проходит этап тематизации, что находит свое формальное выражение в оформлении ее в дальнейшем определенным артиклем или указательным местоимением (*ein guter Wille* — *diesem guten Willen* — *der gute Wille* и т. д.), а вторая продолжает употребляться в тексте с неопределенным артиклем, получая по ходу рассуждения новые оценочные предикаты и предикативные формулировки с оценочной семантикой: *ein guter Wille* (добрая воля) — *eines reinen und guten Willens* (чистой и доброй воли) — *eines... an sich selbst guten Willens* (в себе самой доброй воли) — *eines an sich selbst hochschätzenden und ohne weitere Absicht guten Willens* (в самой себе высококочтимой и без далеко идущих намерений доброй воли) — *so wie er schon dem natürlichen gesunden Verstande beiwohnt* (так, как она присутствует в естественном и здоровом рассудке) *und nicht sowohl gelehrt als vielmehr nur aufgeklärt zu werden bedarf...* (и нуждается не в обучении, а скорее только в прояснении).

Весь текст данного трактата в дальнейшем строится на противопоставлении этих двух модусов речи — *дескриптивного*, описывающего существующее положение дел, и *оценочного* (аксиологического), показывающего, при каком условии данное положение дел может измениться в отрицательную или положительную сторону, если под него будет или не будет подведен надлежащий нравственный фундамент. Например:

(1) Ум, остроумие, рассудительность и другие подобные таланты или мужество, решительность, упорство в достижении цели как проявления темперамента, без сомнения, в определенном

отношении хороши и желательны, (2) но они могут обернуться чрезвычайным злом и принести вред, если воля, использующая эти природные дарования, своеобразные свойства которых называются поэтому характером, будет лишена качества доброты (KV, VII, 18).

Или:

(1) Некоторые свойства его [характера] могут даже способствовать этой доброй воле и облегчить ей ее задачу, (2) но несмотря на это они не обладают внутренней безусловной ценностью, а предполагают всегда еще и наличие доброй воли, которая... (KV, VII, 18).

В приведенных примерах речевые акты в пунктах (1) имеют референцию к существующему положению дел, а в пунктах (2) — к понятию доброй воли как условию их объективной нравственной значимости.

Дальнейшее развитие объектно-направленному (дескриптивному) дискурсу обеспечивает переход к понятию долга, содержащему в себе, по Канту, понятие доброй воли, так что последнее обсуждается далее под именем «долг» (Pflicht).

Речевые акты, конституирующие объектно-направленную (дескриптивную) речь, разнообразны, в частности, довольно большое место в них занимают акты с дефинирующей, то есть содержащей определение функцией, как например:

Представление об объективном принципе постольку, поскольку он понуждает волю, называется заповедью (разума), а формула заповеди называется императивом (KV, VII, 41).

Объектно-направленная речь (дескриптивный дискурс) обладает той особенностью, что за ней в имплицитной форме стоит автор как носитель своей теории, присутствие которого тотчас обнаруживается, как только возникает необходимость внести те или иные корректировки в ход рассуждения, например:

(1) Вместе с тем в этой идее абсолютной ценности чистой воли, не имея в виду извлечения какой-либо выгоды из ее восхваления, присутствует нечто столь необычное, что, несмотря на полное согласие с ней даже обыденного разума, может все же возникнуть подозрение, не скрывается ли за ней втайне, быть может, какая-либо неумная фантазия и тем самым цель природы, придавшей нашей воле разум в качестве повелителя, может быть неправильно понята. (2) Поэтому *мы* попытаемся проверить ее и с этой точки зрения (KV, VII, 19, 20).

Автор текста, учитывая факт присутствия адресата и его мнимого участия в рассуждении, пытается устранить возможные со стороны адресата возражения или неясности, могущие у него как оппонента возникнуть, появляется на «арене» дискурса под эксклюзивным, то есть исключаящим адресата именем «мы» (см. пункт 2), ориентируя его относительно хода дальнейшего рассуждения.

Выступление автора как носителя своей этической теории на передний план дискурса предваряется обычно обоснованием необходимости этого, что *мы* и наблюдаем в пункте (1).

Так как адресат не только участвует в теоретическом рассуждении, следя за ходом рассуждения говорящего (автора) и оппонирова ему, ибо он сам носитель опыта (опытного знания), то автор текста часто оформляет свою речь от инклюзивного «мы», включая как бы себя в сферу адресата, чтобы заручиться его поддержкой в процессе аргументации. Рассмотрим следующий пример:

(1) Среди природных задатков организованного, то есть целесообразно устроенного к жизни существа *мы* принимаем в качестве основного положение о том, что в нем не может встретиться ни одного орудия (Werkzeug), предназначенного для достижения какой-либо цели, которое не было бы максимально пригодным для этого и более всего этому бы соответствовало (KV, VII, 20).

Или:

И действительно, *мы* находим, что чем более культивированный разум нацелен на получение наслаждения от жизни и достижение счастья, тем все дальше человек отходит от истинного удовлетворения... (KV, VII, 20, 21).

Употребляя в данном случае форму «мы», Кант как эмпирический субъект апеллирует к своему жизненному опыту и опыту читателя, расширяя тем самым фактическую базу аргументации своих положений и усиливая их объективную достоверность и всеобщую значимость. Поэтому форма «мы» используется часто в речевых актах с функцией обоснования или аргументации. Например:

(1) Но в данном случае разум переступил бы все свои границы, если бы он дерзнул объяснить себе, как он может стать практическим, что было бы равносильно задаче выяснить, как возможна свобода. <...>

(2) Ибо *мы* не можем объяснить ничего другого, как только то, что *мы* можем вывести из законов, предмет которых может быть дан только в каком-либо возможном опыте (KV, VII, 96).

Как следует из примера выше, речевой акт обоснования в (2) оформляется от инклюзивного (всеобщего) субъекта «мы», к которому Кант как субъект эмпирического мышления относит и себя.

Однако речевые акты с функцией проспекции или ретроспекции оформляются, как правило, от *эксклюзивного* «мы-субъекта», так как они производятся автором как носителем своей теории и организатором своего дискурса, например:

Вот теперь подозрение, которое *мы* отметили выше, в том, что в *нашем* заключении содержится в скрытой форме логический круг, выводя из свободы автономию [воли], а из последней — нравственный закон, снято... (KV, VII, 89).

Из данного примера ясно, что под именем «мы» выступает сам автор как носитель теории, подводя итог предыдущему рассуждению.

Если же возникает необходимость пояснения каких-либо моментов рассуждения или замечаний, то эти речевые акты оформляются именем «я», под которым Кант выступает сам как автор, комментатор своей теории и организатор дискурса. Например:

Итак, намереваясь предоставить в свое время метафизику нравов, я хочу предпослать ей этот очерк...

Именно поэтому я использовал вместо заглавия «Критика чистого практического разума» заглавие «Основы метафизики нравов» (KV, VII, 15, 16).

Далее следует обычно обоснование, почему автор поступает таким образом. Речевые акты, подобные приведенным выше, выполняют, как правило, регулятивную, поясняющую (вводную) функцию. Они не предполагают участия адресата, а являются прерогативой автора как носителя своей теории и организатора своего текста.

Это же необходимо отнести и к актам речи с дефинитивной функцией, так как они выражают личную теоретическую позицию автора:

Под понятием практического разума я понимаю представление объекта как возможного продукта (результата) свободы (KV, VII, 174).

К имени «я» имеют референцию также речевые акты, преследующие цель подчеркнуть точку зрения автора:

И вот я утверждаю: человек и вообще любое разумное существо существует как цель сама по себе, а не только как средство для какого бы то ни было использования той или иной волей... (KV, VII, 59).

Приведенные речевые акты обладают особой экспрессивностью, они обычно состоят из пропозициональной установки (я замечаю / утверждаю / полагаю, что...), которая указывает на субъективное отношение говорящего к пропозициональному содержанию, и пропозиции (диктума), вводимой обычно союзом *daß*.

Особо следует остановиться на речевых актах, оформляемых также с помощью имени «я», но имеющих референцию к автору как субъекту эмпирического мышления. Они носят, как правило, характер интроспекции, то есть саморефлексии: автор ставит самого себя в положение наблюдаемого объекта. Данное субъектно-объектное отношение в аксиологическом дискурсе служит источником (инструментом) выработки субъектом правильной в морально-этическом отношении линии поведения, субъективных нравственных максим и т. д. Это своего рода экспериментальная этическая рефлексия субъекта. Например:

Между тем, чтобы ответить самому себе на вопрос, согласуется ли с долгом ложное обещание, кратким и в то же время не вызывающим сомнения образом, я должен спросить самого себя: буду ли я удовлетворен, если *моя* максима — с помощью ложного обещания выйти из затруднительного положения — станет всеобщим законом (как для меня, так и для других). И смогу ли я сказать себе: пусть каждый, кто находится в затруднительном положении, дает ложное обещание, если иначе он не может выйти из затруднения? Однако вскоре я замечу, что хотя я лгу, тем не менее, не могу пожелать, чтобы это стало всеобщим законом, ибо... (KV, VII, 29, 30).

В данном случае под именем «я» Кант имеет в виду не только себя, но и любого другого субъекта нравственного поведения; он передает слово себе, но не как носителю этической теории, а как эмпирическому субъекту нравственного поведения вообще.

О том, что это разные «я», свидетельствуют случаи, когда оба они «сталкиваются» в дискурсе в пределах одного сверхфразового единства. Например:

(1) Третье положение (как следствие из первых двух) я бы сформулировал так: долг есть необходимость совершения поступка из уважения к закону. (2) По отношению к объекту как результату задуманного мною поступка я, правда, могу иметь склонность, но уважение — никогда, именно потому, что... (KV, VII, 26).

В примере выше в пункте (1) под именем «я» Кант выступает как носитель своей теории, а в пункте (2) — как эмпирический субъект, производящий интроспекцию. Речевые акты этого субъекта обычно используются для доказательства, обоснования или иллюстрации теоретических положений, то есть с функцией аргументации.

Речевые акты с референцией к «я-субъекту» имеют, как правило, субъективную значимость, хотя он и мыслится как обобщенный субъект. Но для того, чтобы придать выраженным в них положениям характер всеобщности, Кантом используется «мы-субъект»:

И вот если *мы* теперь сами при любом нарушении долга обратимся к самим себе, то найдем, что *мы* действительно не хотим, чтобы *наша* максима стала всеобщим законом, ибо это для *нас* невозможно, так что пусть, скорее, противоположное останется всеобщим законом... (KV, VII, 55).

Как следует из примера выше, речевые акты от «мы-субъекта» используются с прагматической целью — придания аксиологическим формулировкам характер абсолютности и всеобщей значимости. С речевым субъектом «мы» Кант реализует принцип объективации, или, как он сам выражается, принцип «всеобщего голоса».

Иногда автор как теоретический субъект имеет имя «я», а как эмпирический субъект — имя «мы». Например:

(1) Из человеколюбия я соглашусь с тем, (2) что пока большинство *наших* поступков соответствуют долгу (KV, VII, 35).

Здесь в пункте (1) автор выступает как носитель теории, а в пункте (2) — как всеобщий эмпирический субъект. Под именем «я» он производит речевой акт с уступительной модальностью, а под именем «мы» — суждение с пропозициональной модальностью, понижающей степень утвердительной модальности высказывания.

К эмпирическому «мы-субъекту» имеют обычно референцию и акты речи с риторической функцией, что придает аргументации более экспрессивную окраску:

Ибо по какому праву *мы* должны были бы относиться с безграничным уважением к тому, что, быть может, имеет силу только для случайных условий бытия человечества, но что выступает в качестве всеобщего предписания для любого разумного существа, и каким бы образом могли считаться законы, определяющие *нашу* волю, законами, определяющими волю всех разумных существ вообще и как таковые определяющие и нашу волю, если бы они были всего лишь эмпирическими и не были бы полностью априорными по своему происхождению из чистого, но практического разума? (KV, VII, 36).

О том, что данный речевой акт употреблен с аргументативной функцией, свидетельствует вводящее его *denn* (ибо), служащее, как правило, сигналом к переходу к аргументирующей речи.

Выше упоминалось о том, что для аксиологического дискурса в его отличии от дискурса когнитивного (с познавательной функцией) характерна прескриптивная, то есть предписывающая модальность. Особенно это имеет силу для аксиологических текстов Канта, изобилующих речевыми актами с императивной модальностью. Отсюда вытекает основополагающая для этого типа текстов Канта роль «ты» (вы)-субъекта и речевых актов с референцией к нему, то есть к адресату непосредственно. Например:

Следовательно, категорический императив является единственным, а именно: *поступай согласно такой максиме, посредством которой ты одновременно можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом* (KV, VII, 51).

Или:

...всеобщий императив долга мог бы быть также сформулирован следующим образом: *поступай так, как будто бы максима твоего поступка посредством твоей воли должна стать всеобщим естественным законом* (KV, VII, 51).

В данных выше примерах сформулированы императивы нравственного поведения, имеющих в силу их содержания референцию к адресату, а вместе с ним и ко всем разумным существам, стремящимся к нравственному образу жизни и поведению. Подобные акты речи окрашивают весь аксиологический дискурс Канта в отличие от его когнитивного дискурса *императивной (прескриптивной) модальностью*.

Но максимальную степень обобщения автор достигает с переходом к имени «он», то есть к «он-субъекту», который находится на прагматической оси дальше, чем «я (мы)-субъект» и «ты (вы)-субъект». Под этим субъектом у Канта фигурирует человек или вообще любое разумное существо, подпадающее под действие идеи свободы и автономии нравственных законов интеллигибельного мира. В этом случае «он-субъект» становится объектом рассуждения:

Как разумное, принадлежащее к интеллигибельному миру существо, человек может мыслить причинность своей собственной воли всегда не иначе, как только исходя из идеи свободы; ибо... (KV, VII, 88).

Для речевых актов, подобных акту выше, характерно употребление кванторов всеобщности типа *immer, jederzeit, niemals* и других, так что весь текст трактата «Основы метафизики нравственности» Канта как макроречевой акт имеет референцию к трансцендентальному «Я-субъекту» со значением разумного нравственного существа вообще, или обладающего интеллигентностью (*Intelligenz*), то есть являющегося интеллигибельным существом, подчиняющимся лишь таким законам, которые заложены в самом разуме и в принципе автономии (свободы) воли.

Этот трансцендентальный (или трансцендентный) субъект получает в тексте порой также имя «Я», как в нижеследующем пассаже:

Ибо так как он [человек] сам себя как бы не создает и приходит к своим понятиям не а priori, а эмпирически, то естественно, что он получает сведения о самом себе посредством внутреннего чувства и, следовательно, лишь с помощью проявлений своей природы и того способа, каким афицируется его сознание, то он должен с необходимостью помимо свойств своего собственного субъекта, состоящего сплошь из явлений, предполагать существование другого, лежащего в его основе, а именно своего «Я», такого, каким оно является в самом себе и, значит, причислять себя в том, что касается простого восприятия и способности ощущать к чувственному миру, а относительно того, что представляет собой чистую деятельность (того, что приходит в сознание не посредством афицирования, а непосредственно) — к интеллигибельному миру, который ему, однако, недоступен для познания (KV, VII, 87).

Как следует из данной иллюстрации, личное местоимение «я» в аксиологическом дискурсе Канта многозначно. Помимо обсужденных выше значений оно выступает и как имя трансцендентного субъекта, то есть всего человечества, к которому причастен человек как интеллигибельное существо.

«Он-субъект» помогает также автору текста показать различие между двумя видами долга: 1) долга по отношению к себе и 2) долга по отношению к другим людям. В этом случае речевые акты выполняют функцию *иллюстрации* и имеют референцию к эмпирическому «он-субъекту», например:

1. Один человек, испытывающий под давлением целого ряда несчастий, число которых возрастает до безнадежности, отвращение к жизни, все еще обладает в достаточной степени разумом, чтобы спросить себя, не будет ли нарушением долга по отношению к самому себе лишать себя жизни...

2. Другой, гонимый нуждой, вынужден занимать деньги. Он хорошо знает, что не сможет вернуть долг... но у него все еще достаточно совести, чтобы спросить себя: не будет ли непозволительным и противным долгу выходить из нужды подобным образом... (KV, VII, 52).

Как следует из примеров выше, эмпирический «он-субъект» и его речевые акты используются Кантом для формулировки субъективных максим поведения и последующего усмотрения их непригодности (или пригодности) служить всеобщими законами морального поведения, если они проходят (или не проходят) проверку всеобщим нравственным законом. Это достигается актом саморефлексии субъекта, для чего автор передает ему слово (как в примерах выше).

Интересно отметить, что Кант нередко строит с помощью разных эмпирических субъектов и их речевых актов свои рассуждения о категорических императивах и основывает на них свою аргументацию. При этом рассуждение возводится по модели категорического силлогизма. Например:

(1) Но *допустим*, что есть нечто, одно лишь существование чего имеет уже само по себе абсолютную ценность, что как цель сама по себе, может быть основой определенных законов...

(2) И вот *я* утверждаю: человек и вообще любое разумное существо существует как цель сама по себе, а не просто как средство для чьего бы то ни было употребления...

(3) ...следовательно, это является одновременно объективным принципом, из которого как высшего практического основания могут и должны быть выведены все законы воли... Следовательно, практический императив будет следующим: поступай так, чтобы *ты* как в *твоем* лице, так и в лице любого другого относился к человечеству всегда одновременно и как к цели и никогда просто как к средству... (KV, VII, 56).

Для построения данного текстового силлогизма автором используются речевые акты с референцией к субъектам:

- 1) большая посылка (1) — к «вы-субъекту» (адресату);
- 2) малая посылка (2) — к автору как теоретическому «я-субъекту»;
- 3) вывод (3) — к «ты-субъекту» и в его лице ко всем субъектам, то есть людям вообще.

Итак, основное отличие аксиологического дискурса Канта от дискурса когнитивной направленности состоит в том, что в нем значительно возрастает удельный вес личных местоимений, выступающих именами различных речевых ролей автора текста. Это текст с гораздо большей степенью выраженности фактора адресата, что обуславливает появление таких речевых актов, которые не представлены в текстах Канта когнитивной направленности. Кроме того, важным отличием выступает ярко выраженная императивная модальность этого типа текста Канта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дискурс И. Канта и, в частности, текст «Критики чистого разума» представляют собой феномен, в котором чрезвычайно ярко выражено единство философского содержания и языковой формы, методичность и системность, строгая логичность изложения и движения мысли. В них все — синтаксис, семантика, терминология, обыденная лексика, коммуникативно-речевая структура, прагматика — одним словом, форма и содержание пронизывают друг друга, образуя теснейшее диалектическое единство. Они характеризуются сложным концептуальным содержанием, многоуровневой семантической и речевой структурой, сложной системой аргументации и композиционной многоплановостью.

В данной работе текст Канта рассматривается как целое, что позволяет вскрыть такие закономерности его построения, которые невозможно проследить на текстах меньшего объема. Он рассматривается как единство синтаксических, логико-семантических, коммуникативно-речевых, композиционных и прагматических факторов текстообразования.

Основные выводы в работе сводятся к следующему:

1. Кант — родоначальник особой формы философской прозы — так называемого *критического* дискурса, оказавшего влияние на становление философского стиля речи в Германии XVIII столетия, основными чертами которого является строгая логичность, дедуктивность, аподиктичность (в смысле модальности логической достоверности), ясность в отчетливом определении понятий, последовательности и систематичности изложения. Однако главное отличие этого дискурса в том, что он непосредственно отражает сам процесс мышления философа.

2. Тексты Канта и прежде всего текст «Критики чистого разума» можно рассматривать как глобальный речевой макроакт, или как глобальное текстовое макросуждение, характеризующееся компетентной субъективностью, априорностью, конститутивностью, единой функциональностью, комплексной модальностью, коммуникативно-речевой структурированностью и эгоцентричностью.

3. Дискурс Канта представляет собой результат взаимодействия субъектно-центричной (перформативной), объектно-центричной (когнитивной) и адресато-центричной (прагматической) форм речи. В нем, следовательно, необходимо различать перформативные, когнитивные и прагматические речевые акты.

4. В основе синтактики текста Канта лежит принцип взаимодействия его парадигматической (вертикальной) и синтагматической (горизонтальной) осей. Тема-рематическое развертывание речи происходит с помощью двух основополагающих операций: синтагматизации ремы и парадигматизации ремы, то есть выноса рематических элементов текста на красную строку, или вертикальную ось текста. Операция синтагматизации формирует текстовые единицы, которые называются нами синтагматическими единствами (СЕ), совпадающие, как правило, с абзацем, но могущие также и не соответствовать ему. С помощью операции парадигматизации создаются парадигматические или сверхабзачные единства (ПЕ, САЕ), конституэнтам которых выступают СЕ и СФЕ и которые отличаются дистантными (вертикальными) координационными связями, в то время как для СЕ (СФЕ) более характерны контактные (субординационные) связи. Кроме того, следует отметить и метапарадигматические единства (МПЕ), которые также образуются на парадигматической оси текста и конституэнтами которых выступают ПЕ. В основе МПЕ лежат в большинстве случаев антецедентно-консективные логические связи. ПЕ и СЕ — единицы авторского (субъективного) членения и интеграции текста, им противостоит сверхфазное единство (СФЕ) как еди-

нища объективного текстового членения и интеграции. Проза Канта характеризуется большой синтагматической «амплитудой» высказывания (явления сверхабзаца).

5. Текстовое суждение у Канта можно рассматривать прежде всего как глобальный дефинитивный (экспозитивный) макроакт, порождающий на синтагматической и парадигматической оси текста с помощью различных синтаксических моделей определений терминологические микро- и макрополя, поставляющие на разных уровнях текста дефиниендуму монолексемные, билексемные и полилексемные термины и терминологические дескрипции, выступающие как бы расчлененными (комплексными) именами философских концептов. В процессе порождения и переквалификации терминов участвуют все логико-синтаксические модели дискурса: суждения субъектно-предикатной, имплицативной, антиимплицативной, антецедентно-консеквентной (в широком смысле) структуры, дефинитивные СФЕ, СЕ и ПЕ.

6. Субъектно-речевая структура кантовского текста характеризуется ярко выраженной эгоцентричностью. Автор текста выступает, по крайней мере, в следующих функциях:

- а) как субъект эмпирического теоретического мышления;
- б) как субъект трансцендентального мышления;
- в) как субъект теории трансцендентального мышления, созерцания и познания (инстанция рассудка), метасубъект;
- г) как субъект методологии теории трансцендентального мышления (регулятивная инстанция разума), метаметасубъект;
- д) как носитель речи и организатор дискурса, то есть как автор текста (дискурсно-регулятивная функция).

При этом эмпирический и трансцендентальный субъект образуют один уровень, так как первый представляет собой предметную область исследования, а второй — объект исследования, которые соотносятся как имплицат и эксплицат: в эмпирическом мышлении априорные формы созерцания и мышления оказываются уже задействованными, второе обуславливает первое.

Это уровень эмпирической рефлексии, или ретроспекции, результатом которой является доказательство наличия априорных форм мышления и созерцания у субъекта. Речь, описывающая этот уровень семантики текста, называется в работе предметным дискурсом (язык — объект). Стоящий над этим уровнем теории (метауровень) описывается дескриптивным дискурсом (метаязык). На этом уровне автор текста выступает носителем теории трансцендентального знания. Над этим уровнем теории находится уровень методологии теории (метаметауровень). Это уровень метаметарефлексии с регулятивной функцией. Дискурс этого уровня — метаметадискурс. Он подразделяется на концептуально-регулятивный дискурс и метаречь. Последняя выполняет чисто прагматическую функцию, направленную на ориентацию адресата относительно процесса изложения теории и хода аргументации.

На каждом уровне, кроме того, представлен свой дискурс с функцией аргументации и экспликации. На уровне объектного языка — это интроспективный дискурс, на уровне метаязыка — различные специфические кантовские формы речи: экспозитивная речь, метафизическая дедукция, трансцендентальная дедукция, трансцендентальная рефлексия и другие; на метаметауровне — метарефлексия (примечания, отступления, полемика и др.).

7. Процесс порождения текста представляет собой речевое взаимодействие вышеуказанных субъектов. При этом речевые акты субъекта — носителя теории трансцендентального знания являются ведущими. Они конституируют текст и поставляют макропропозиции. Это макропропозициональный дискурс. Речевые акты эмпирического субъекта подчинены речевым актам первого, они синсемантичны в текстовом смысле, то есть выполняют не текстообразующую, а тексторазвивающую функцию. Речевые акты метаметасубъекта — это речевые акты с комментирующей регулятивной функцией: напоминания, примечания, отступления различного рода и т. д. Метаречь реализует в основном делимитативную (разграничительную) функцию.

8. Если субъектно-направленная речь монологична и перформативна, то адресато-направленная речь диалогична и прагматична. Она находится на службе у аргументации в смысле придания ей убедительности, большей экспрессивности; она поставляет ей новые формы воздействия на адресата. Она также дает возможность автору и адресату выступать в таких речевых амплуа, которые невозможны при монологических формах речи.

9. С точки зрения логико-семантической организации текста ее поверхностный уровень энтимемичен, не все формально-логические шаги отражены в нем. Полная формально-логическая структура текста представлена лишь на глубинном, семантическом уровне, который может быть выявлен с помощью формально-логического анализа. В целом в тексте Канта наблюдается чрезвычайно сложная и иерархизированная система логико-семантических отношений, которая складывается из отношений на уровне СЕ, ПЕ и МПЕ. Основные логико-семантические отношения конъюкции, импликации, антиимпликативности и др. служат также композиционными «схемами» упаковки текстового материала.

10. Терминология «Критики чистого разума» имеет полевою и многоуровневую структуру. Ее можно подразделить на термины объектного языка, метаязыка и метаметаязыка. При этом термины более высокого уровня наделены, как правило, функциями сокращения терминов нижнего уровня; базисные термины, то есть относящиеся к минимальному словарю теории, выполняют в терминосистеме интегрирующую функцию, благодаря которой производные от них термины организуются в лексико-терминологические поля, описывающие определенные сферы концептуального пространства произведения. Терминосистема «Критики чистого разума», например, в значительной степени метафорична и образна. Термины, заимствованные из других наук, используются для передачи специфического философского содержания. Они претерпевают тем самым вторичную терминологизацию, или ретерминологизацию.

11. Под влиянием специфического содержания имеет место фразеологизация пропозициональных структур, несущих специфическую концептуальную нагрузку и служащих выражению гипотез, правил, законов, постулатов, императивов и др. Эти конструкции обладают, как правило, специфической модальностью — гипотетической, аподиктической, предписывающей. Будучи интегрированы в текст, они оформляются пропозициональной модальностью. В итоге они раскрываются как язык-объект (для разума, по Канту, рассудок является объектом так же, как эмпирическое знание — объект для рассудка) и метаязык. Второй составляет первому структурно-синтаксическую упаковку (каркас) при порождении высказывания, что обуславливает также и структурированность текста, если оба дискурса оформляются автономно.

12. С точки зрения иллокутивно-речевой структуры дискурса Канта следует говорить об иллокутивном модусе и иллокутивном инварианте, так как одно и то же содержание речевого акта может быть подано в модусе субъектно-направленной, объектно-направленной или адресато-направленной речи.

13. Прагматические функции свойственны всем разновидностям форм речи философского дискурса, но каждая обладает своей спецификой. Субъектно-направленная речь выполняет функцию логико-семантической объективации полученного трансцендентального знания путем оформления высказывания от «мы»- или «он»-субъекта, что создает эффект создания максимально широкой субъектной базы аргументации с обобщающе-констатирующей модальностью. Адресато-направленная речь позволяет автору придавать различные модусы одному и тому же речевому акту и различные коннотативные оттенки высказыванию, а также исполнять такие роли в процессе аргументации, которые недоступны другим модусам речи.

14. Речь Канта образна и метафорична в той мере, в какой это необходимо для целей более наглядного и доходчивого изложения сугубо абстрактных вещей. Фрагменты текста с худо-

жественной образностью служат своеобразной передышкой между этапами напряженной мыслительной деятельности автора и адресата.

15. Основное отличие аксиологического дискурса Канта от дискурса когнитивной направленности состоит в том, что в нем значительно возрастает удельный вес личных местоимений, выступающих именами различных речевых ролей автора текста. Это текст с гораздо большей степенью выраженности фактора адресата, что обуславливает возникновение таких речевых актов, которые не представлены в текстах Канта с когнитивной функцией. Важным отличием является также ярко выраженная прескриптивная, то есть предписывающая модальность этого вида дискурса Канта.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абрамян Л. А.* Кант и проблема знания. Анализ кантовской категории обоснования естествознания. Ереван, 1979.
2. *Абрамян Л. А.* Учение Канта об аналитическом и синтетическом знании // Вопросы философии. М., 1975. №2. С. 42.
3. *Аверинцев С. С.* Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда // Новое в современной классической филологии. М., 1979.
4. *Адмони В. Г.* Пути развития грамматического строя в немецком языке. М., 1973.
5. *Апресян Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
6. *Арутюнова Н. Д.* Семантическая структура и функции субъекта // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1979. Т. 38, № 4.
7. *Арутюнова Н. Д.* Пропозициональные установки и интенциональность // Логический анализ языка. М., 1989.
8. *Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4.
9. *Аликаев Р. О.* Немецкая философская терминология эпохи раннего Просвещения : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1983.
10. *Ахманова Г. И.* К вопросу о дефинитивном слове и словосочетании : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.
11. *Барт Р.* От произведения к тексту // Избранные работы. М., 1989.
12. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
13. *Брюшинкин В. Н.* Кант и силлогистика // Кантовский сборник. 1986. Вып. 11.
14. *Брюшинкин И. Н.* «Критика чистого разума» и способы построения интеллектуальных систем // Там же. 1989. Вып. 14.
15. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
16. *Гвоздев А. Н.* Очерки по стилистике русского языка. М., 1973.
17. *Горский Д. П.* Определение. М., 1974.

18. Горский Д. П. Послесловие к книге К. Попа «Теория определения» // Попа К. Теория определения. М., 1976.
19. Головин В. И., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987.
20. Гулыга А. В. Кант сегодня // И. Кант. Трактаты и письма. М., 1980.
21. Гулыга Е. В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971.
22. Гусев С. С., Тульчинский Г. Л. Проблема понимания в философии. М., 1985.
23. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
24. Здоровов Ю. А. К вопросу о синтактико-семантической структуре связного текста // Вычислительная лингвистика. М., 1976.
25. Калинин Л. А. «Критическая рефлексия» как гносеологическое средство // Кантовский сборник. 1987. Вып. 9.
26. Кант И. Критика чистого разума // Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 3.
27. Кант И. Критика чистого разума // Избр. соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 3.
28. Кант И. Критика практического разума // Там же. М., 1965. Т. 4.
29. Кант И. Критика способности суждения // Соч. : в 6 т. М., 1966. Т. 5.
30. Кант И. Воспоминания рецензента книги Г. И. Гердера «Идеи к философии истории человечества» // Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта. 1980. Вып. 5.
31. Кант И. Антропология. М., 1964.
32. Кант И. Критика чистого разума. Ростов н/Д, 1999. С. 243—244.
33. Кант И. Что значит ориентироваться в мышлении // Кантовский сборник. 1982. Вып. 7.
34. Кант И. Предсказание близкого мира в философии // Там же. 1983. Вып. 8.
35. Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
36. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / под ред. проф. В. Н. Брюшкина. Калининград, 1998.
37. Кант И. Трактаты, рецензии и письма. Калининград, 2009.
38. Карпович В. Н. Термины в структуре теорий. Логический анализ. Новосибирск, 1978.
39. Калужнин Л. А. Что такое математическая логика. М., 1964.

40. Кармин А. С. Проблема субъекта и объекта в кантовской теории познания // Кантовский сборник. 1983. Вып. 8.
41. Копылов В. И. О языке философии Канта // Там же. 1986. Вып. 11.
42. Коцев И. Д. Некоторые вопросы организации текста в «Критике чистого разума» И. Канта // Там же. 1983. Вып. 8.
43. Коцев И. Д. О логико-семантических принципах построения текста в «Критике чистого разума» // Там же. 1984. Вып. 9.
44. Коцев И. Д. О трансцендентальной дедукции как форме речи в «Критике чистого разума» // Там же. 1986. Вып. 11.
45. Коцев И. Д. К вопросу об образно-метафорическом плане «Критики чистого разума» И. Канта // Там же. 1988. Вып. 13.
46. Коцев И. Д. Принцип построения высказывания в философской прозе И. Канта // Семантическая структура и ее компоненты. Калининград, 1989.
47. Коцев И. Д. О терминологичности синтаксиса научной прозы (на материале философской прозы И. Канта) // Ученые записки Тартуского университета. 1990. Вып. 877: Linguistica.
48. Коцев И. Д. К вопросу о субъектно-речевой структуре философского текста (на материале философской прозы И. Канта) // Кантовский сборник. 1990. Вып. 15.
49. Коцев И. Д. Синтактико-семантические принципы порождения терминов в текстах И. Канта // Там же. 1991. Вып. 16.
50. Коцев И. Д. Кант и проблема текстового априори // Там же. 1992. Вып. 17.
51. Коцев И. Д. Кант и проблемы лингвистики философского текста : монография. Калининград, 1993 (5 п. л.)
52. Коцев И. Д. Субъектно-речевая структура автора как фактор порождения дискурса в философской прозе И. Канта // Кантовский сборник. 2006. Вып. 26.
53. Коцев И. Д. К субъектно-речевой структуре аксиологического дискурса И. Канта // Там же. 2010. Вып. 2 (32).
54. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
55. Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
56. Лотман Ю. М. К современному понятию текста // Linguistica. Тарту, 1986.
57. Лосева Л. М. Как строится текст. М., 1980.

58. *Ляпон М. В.* Семантические модификации служебного слова в условиях фразеологизированной конструкции // *Язык: система и функционирование.* М., 1988.
59. *Матросов В. Л.* Язык и метафора // *Логика и язык : сб. науч. тр. Л., 1985.*
60. *Мистрик В.* Математико-статистические методы в лингвистике // *Вопросы языкознания.* 1976. №3.
61. *Москальская О. И.* Грамматика текста. М., 1981.
62. *Нарский И. С.* Диалектика в проблематике трансцендентальной аналитики Канта // *Кантовский сборник.* 1984. Вып. 9.
63. *Никитина С. Е.* Семантический анализ языка науки. М., 1987.
64. *Опарина Е. О.* Концептуальная метафора // *Метафора в языке и тексте.* М., 1988.
65. *Ополев В. Т.* Возражение как элемент аргументации // *Философские проблемы аргументации.* Ереван, 1984.
66. *Османзаде Р. М.* Философская аргументация // *Философские проблемы аргументации.* Ереван, 1984.
67. *Остин Д. Л.* Слово как действие // *Новое в зарубежной лингвистике.* М., 1986. №17.
68. *Откупщикова М. И.* О некоторых проблемах лингвистики текста. Грозный, 1979.
69. *Перельманн Х., Ольбрехт-Тытека Л.* Новая риторика: трактат об аргументации // *Язык и моделирование социального взаимодействия.* М., 1987.
70. *Пона К.* Теория определения. М., 1976.
71. *Рассел Б.* Человеческое познание. М., 1956.
72. *Реформатский А. А.* Что такое термин и терминология. М., 1959.
73. *Реформатский А. А.* Введение в языкознание. М., 1967.
74. *Сергеев В. М.* Когнитивные методы в социальных исследованиях // *Язык и моделирование социального взаимодействия.* М., 1987.
75. *Сильман Т. Я.* Проблемы синтаксической стилистики. Л., 1967.
76. *Солганик Т. Я.* Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). М., 1973.
77. *Слюсарева Н. А.* О типах терминов // *Вопросы языкознания.* 1983. №3.
78. *Степанов Ю. С.* В трехмерном пространстве языка. М., 1980.
79. *Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения. М., 1981.

80. Уёмов А. И. К проблеме формального аппарата философской аргументации // Философские проблемы аргументации. Ереван, 1984.
81. Штофф В. А., Щитков Ю. М. О наглядности в научной аргументации // Там же.
82. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. : в 50 т. 2-е изд. М., 1955—1981. Т. 20.
83. Aschenberg R. Sprachanalyse und Transzendentalphilosophie. 1. Aufl. Stuttgart, 1982. Bd. 5.
84. Baum M. Die transzendente Deduktion in Kants Kritiken. Interpretation zur kritischen Philosophie. Köln, 1975.
85. Boom H. van den. Transzendentalität und Analytizität. Studien zur Kritik der reinen Sprache in Umkreis einer logisch-philosophischen Propädeutik. Köln, 1974.
86. Baumgarten A. G. Texte zur Grundlegung der Ästhetik. Hamburg, 1983.
87. Eisler R. Kant-Lexikon. Heidelberg ; Zürich ; N. Y., 1989.
88. Erdmann B. Reflexionen Kants zur Anthropologie // Kants schriftlichen Aufzeichnungen. Leipzig, 1882.
89. Fischer I. Kants Stil in der Kritik der reinen Vernunft nebst Ausführungen über ein neues Stilgesetz auf historisch-kritischer und sprachpsychologischer Grundlage. Berlin, 1907.
90. Gipper H. Das Sprachapriori. Sprache als Voraussetzung menschlichen Denkens und Erkennens. Stuttgart ; Bad Cannstatt, 1987.
91. Goetschel W. Kant als Schriftsteller. 1990.
92. Hafen H. Studien zur Geschichte der deutschen Prosa. 1952.
93. Hamann J. G. Metakritik über den Purismus der Vernunft // Sämtliche Werke. Historisch-kritische Ausgabe von J. Nadler : in 6 Bdn. Wien, 1951. Bd. 3. S. 288.
94. Heines H. // Werke : in 5 Bdn. Weimar, 1956. Bd. 5.
95. Heimsoeth H. Transzendente Dialektik. Ein Kommentar zu Kants „Kritik der reinen Vernunft“. Berlin, 1966. Bd. 1.
96. Helbig G. Entwicklung der Sprachwissenschaft seit 1870. Leipzig, 1976.
97. Kant I. Kritik der praktischen Vernunft. Leipzig, 1978.
98. Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Leipzig, 1979.
99. Kant I. Kritik der reinen Vernunft // Werkausgabe : in 10 Bdn. / hrsg. von W. Weischedel. Frankfurt a/M, 1995. Bd. 2. S. 689.

100. *Kant I.* Versuch den Begriff der negativen Größen in die Weltweisheit einzuführen // Werke : in 10 Bdn. / hrsg. von W. Weischedel. Bd. 2 : Vorkritische Schriften bis 1768. Darmstadt, 1983.
101. *Kant I.* Untersuchungen über die Deutlichkeit der Grundsätze der natürlichen Theologie und der Moral // Ibid.
102. *Kant I.* Die falsche Spitzfindigkeit der vier syllogistischen Figuren // Ibid.
103. *Kant I.* Der einzig mögliche Beweisgrund zu einer Demonstration Gottes // Ibid.
104. *Kant I.* Über eine Entdeckung, nach der alle neue Kritik der reinen Vernunft durch eine ältere entbehrlich gemacht werden soll // Ibid.
105. *Kant I.* Kritik der praktischen Vernunft // Ibid. Bd. 6: Schriften zur Metaphysik und Logik. S. 115.
106. *Kant I.* Welches sind die wirklichen Vortschritte, die die Metaphysik seit Leibnizens und Wolfs Zeiten in Deutschland gemacht hat? // Ibid. Bd. 5: Schriften zur Metaphysik und Logik.
107. *Kant I.* Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können // Ibid.
108. *Kant I.* Kritik der Urteilskraft / hrsg. von W. Weischedel. Frankfurt a/M, 1995.
109. *Kant I.* Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können. Hamburg, 1976. S. 47.
110. *Kant I.* Schriften zur Metaphysik und Logik // Werke : in 10 Bdn. / hrsg. von W. Weischedel. Darmstadt, 1983. Bd. 5. S. 607.
111. *Kant I.* Schriften zur Metaphysik und Logik // Ibid. Bd. 8. S. 321.
112. *Kaulbach F.* Philosophie als Wissenschaft. Eine Einleitung zum Studium von Kants „Kritik der reinen Vernunft“. Gertenberg, 1981.
113. *Körner St.* Kant. Göttingen, 1967.
114. *Körsgen N.* Formale und transzendente Synthesis. Untersuchungen zum Kernproblem der „Kritik der reinen Vernunft“. Manstein, 1984.
115. *Lauter I.* Untersuchungen zur Sprache von Kants Kritik der reinen Vernunft // Forschungsberichte des Landes Nord Rhein-Westfalen. Köln ; Opladen, 1966. № 1730.
116. *Lang E.* Erklärungstexte // Studia grammatical. Berlin, 1976. Bd. 11.

Библиографический список

117. *Pölitz M.* Vorlesungen über die Metaphysik // Schönrich G. Kategorie und transzendente Argumentation. Frankfurt a/M, 1981.
118. *Pütz P.* Die deutsche Aufklärung. Darmstadt, 1978. S. 84—85.
119. *Ratke H.* Systematisches Kant-Lexikon zu Kants "Kritik der reinen Vernunft". Hamburg, 1972.
120. *Rosenkranz K.* Geschichte der Kantischen Philosophie. Berlin, 1987.
121. *Rosenkranz K.* Immanuel Kants kleine logisch-metaphysische Schriften / hrsg. von K. Rosenkranz. Leipzig, 1838.
122. *Röttges H.* Dialektik als Grund der Kritik. Grundlegung einer Neuinterpretation der „Kritik der reinen Vernunft“ durch den Nachweis der Dialektik von Bedeutung und Gebrauch als Voraussetzung der Analytik. Königstein, 1981.
123. *Schönrich G.* Kategorien und transzendente Argumentation. Kant und die Idee einer transzendentalen Semiotik. Frankfurt a/M, 1981.
124. *Stuhlmann-Laeisz R.* Kants Logik. Eine Interpretation auf der Grundlage von Vorlesungen, veröffentlichten Werke und Nachlaß. Berlin ; N. Y., 1976.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абрамян Л. А.
Аверинцев С. С.
Адмони В. Г.
Апресян Ю. Д.
Арутюнова Н. Д.
Аликаев Р. О.
Ахманова Г. И.
Ашенберг Р.

Барт Р.
Бахтин М. М.
Брюшинкин В. Н.
Баум М.
Баумгартен А. Г.

Гальперин И. Р.
Гафен Г.
Гвоздев А. Н.
Гейне Генрих
Гелбих Г.
Горский Д. П.
Головин В. И.
Гулыга А. В.
Гусев С. С.

Дейк Т. А. ван
Джонсон М.

Ейслер Р.

Здоровов Ю. А.

Калинников Л. А.
Кант И.
Карпович В. Н.
Калужнин Л. А.
Кармин А. С.
Каульбах Ф.
Кёрнер Шт.
Кёрзген Н.
Кобрин Р. Ю.
Копылов В. И.
Копцев И. Д.

Лакофф Д.
Ланг Е.
Лаутер И.
Лотман Ю. М.
Лосева Л. М.
Ляпон М. В.

Матросов В. Л.
Мистрик В.
Москальская О. И.

Нарский И. С.
Никитина С. Е.

Ольбрехт-Тытека Л.

Опарина Е. О.
Ополев В. Т.
Османзаде Р. М.
Остин Д. Л.
Откупщикова М. И.

Перельманн Х.
Пёлитц М.
Попа К.

Ратке Г.
Рассел Б.
Розенкранц К.
Рёттгес Г.
Реформатский А. А.

Сергеев В. М.
Сильман Т. Я.
Солганик Т. Я.

Слюсарева Н. А.
Степанов Ю. С.

Тульчинский Г. Л.

Уёмов А. И.

Фишер И.

Холгер Б. ван ден

Шёнрих Г.
Штофф В. А.
Штульманн-Лейеш Р.

Щитков Ю. М.

Эрдманн Б.

Научное издание

КАНТ В МИРОВОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Копцев Иван Демьянович

**КАНТ И ЛИНГВИСТИКА
ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА**

Монография

Редактор *И. Палиенко*. Корректор *В. Крупко*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 12.08.2014 г.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 13,3
Тираж 45 экз. Заказ

Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14